

СТОАИЩА

№21 (131) 1993г.

БГ:
«Гребенщиков
— последний
сексуальный
СИМВОЛ
десятилетия

иллюстрированный еженедельник

«Мерседесы» от «ВиКо»:

сервис тоже подарит Вам радость

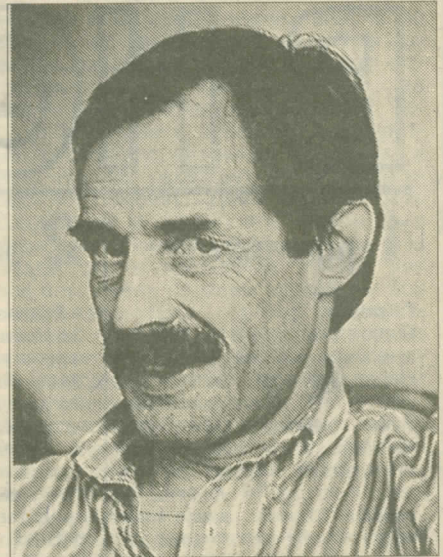

Автосалон компании «ВиКо»
Москва, ул. Щербаковская, д.9
(м. «Семёновская»)
Тел./факс 369-17-57

Александр КАСАТОВ

КОГДА МЫ ПРОТИВ — ЭТО И ЕСТЬ ПРАЗДНИК

Нам от дедов сегодня
досталась
равнодушная тень утомленья —
историческая усталость
бесноватого поколения.

Игорь Губерман

Не вытанцовывается у нас мирная жизнь, без экстремизма. Как-то так само собой получается, что многие российские праздники, если не все, потихоньку становятся какими-то боевыми, военными, а их центральной фигурой, а то и основным действующим лицом, — человек в форме. Хорошо что пока не с ружьем. Один умный немец, от которого пошла диалектика, сказал: «Форма существенна, а сущность должна быть оформлена!» Вот и не хотят люди расставаться с милитаризованной жизнью, бытием в португее. Оттого если и спасаться, так фронтом, если протестовать, так маршем. Готовы терпеть лишения, понятное дело — война, но добиваться своего любой ценой.

Теперь все ждут любого праздника со страхом: побьют кого-нибудь или нет? Ах, не побили? Что это за праздник!

Удержался пока последний праздник СССР — День Победы. Но все труднее и ему, и тем, чей это день. Раньше они работали, служили, там и начинали праздник, там и наливали им первую чарку. В зависимости от места на карте: водки, чачи или горилки. По улицам города, деревни или аула ходили довольные жизнью ветераны в пиджаках, телогрейках, халатах или барашковых папахах.

КОСТЮМЧИК НОВЕНЬКИЙ... И ПО МОРДЕ

Политизация всей нашей жизни отняла у людей почти все милые и ни к чему не обязывающие красные дни календаря. Никакие дедушки с внучками на плече не проходят, и никому

на трибунах эти крохи с бантиками флажком не машут! Каким еще флажком-то? Махнешь не тем, так тебе «дадут по башке и поедешь на горшке», как говорит мой сосед второклассник Леха. Главные на площадях теперь какие-то унылые, а то и откровенно злобные партии и движения да ОМОН. У нас все праздники — праздники какой-нибудь победы. Вот это настоящие праздники. Обязательно должен быть враг, ведь всегда был. Победим его — вот и праздник. 1 мая — мировой империализм, 7 ноября — министров-капиталистов, 23 февраля — Антанту и т.д.

Уж сколько было говорено, что только тогда советский человек звучит гордо, когда есть против чего ему звучать. А есть всегда! Еще совсем недавно, поев невкусных пельменей и обув нескладные башмаки, по улицам шли люди и демократически «звучали» против того, первого в СССР президента. Скинули!

А сегодня, поев все таких же пельменей (правда, раз в 200 дорожке), в таких же ботинках (правда, раз в 500 дорожке) идут и «звучат» они уже патриотически против первого в России президента. Так ведь не скинули. Ничего, Россия богатая, пельменей и башмаков хватит! Главное — чтобы было против кого!

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СПАСИТЕЛИ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ

Только в России идеи обретают страшную, чаще всего разрушительную, материальную силу. Вот между людьми, идеями охваченными, и развернулась главная борьба. Причем как одни, так и другие имеют только идеи, образы. Ни капитализма настоящего, ни коммунизма в России так и не случилось. Хотя, надо сказать, к коммунизму мы были все-таки ближе, и в этом отношении знание предмета, теории и практики дости-

жения результата у необольшевиков все же лучше. С капитализмом же знакомы мы в основном по «Клубу кинопутешествий» и выступлениям лекторов ЦК КПСС, развенчивавшим звериный оскал капитализма, а позже по их же, но уже обличающим химеры тоталитаризма, статьям в «Огоньке».

Но борьбу за дело должны возглавлять какие-то люди. Кто поведет полки? Теоретиков полно, а настоящих буйных мало.

Было мало. Стало много.

По мере вхождения в рынок и сидения гэкачепистов в тюрьме выросло поколение борцов. Должно было пройти какое-то время, чтобы героев узнала вся страна. Нужно было митинговать, лезть на телеэкран, штурмовать «Останкино», подставляя голову под дубинки — хуже она все равно уже не станет.

Большевистская, кстати, тактика. Бесстрашная. Те тоже рисковали. Приходилось даже эмигрировать в Швейцарию, есть черт его знает что, какую-то яичницу с пивом, сплошные лишения. Власти той они не боялись: ведь ясно же было сказано тогда: не могут «верхи».

Можно подумать, нынешние могут. Трех стариков и каких-то серых кардиналов, председателя колхоза и какую-то комсомольско-профсоюзную вице-замухрышку мурыжили в тюрьме чуть не полтора года. И что? Сделали из них народных героев.

Ведь иначе никакой фронт никакого спасения люди бы не поддержали, просто потому что никто их не знал.

Во-первых, что это за спасатели? Ничего нового. В основном военные, нардепы России, гэбэшники и так, по мелочи: писатели, журналисты, партноменклатура, директора, реликтовые народные депутаты СССР — все они уже работали спасателями, на лодочной станции у Горбачева. Как они думали спасти нацию, если добрая их половина ей и в лицо-то была

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Крошин:

Политстрасти в верхних эшелонах власти после референдума не только не утихли, но даже усилились. Война между представительной и исполнительной структурами вышла на качественно другой уровень: на уровень борьбы двух вариантов новой Конституции.

6

С.Бабурин:

Противостояние Ельцина и Хасбулатова — это миф. Они — напарники, Хасбулатов — это второй номер команды Ельцина и подыгрывает ему на протяжении всех лет существования нашего Верховного Совета.

8

В.Коваленко:

Украинская опасность миновала, но остались еще фрикативщики на Дону, на Кубани, в Ставрополье. Добить... Ну их всех к лешему! И останутся москвичи с одним лишь чудесным акающим говором. В границах Ивана Калиты.

11

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова.
Записки
вентиляторов.

Часть III:

Когда в цепочку посредников в сделке по «красной ртути» включен представитель КГБ/МБ, все участники воспринимают это как гарантию «проходимости» сделки.

22

Д.Белов:

Сильнее всего ударил по Литве переход к мировым ценам на энергоносители в расчетах с Россией. Энергетика страны в тяжелейшем кризисе. Вот уже полгода в ряде городов и районов, в том числе и в столице, нет горячей воды. Участились случаи педикулеза.

25

В.Старчевский:

Таксист ответил длинной фразой, из которой я понял главным образом два слова — «террористы» и «бомба». Потом он посмотрел на меня с сожалением и добавил, что подвезет как можно ближе к зданию Европейского банка.

27

3 ЖИЗНЬ

Е.Степанов:

Как все государство, таможенную службу лихорадит от постоянных взаимоисключающих указов. Постановления приходят одно за другим.

К.Рыбак:

Попасть в таможенники просто так, «с улицы», невозможно. Требуется рекомендация, поручительство кого-нибудь из своих, а еще лучше — родственные связи...

Е.Аверина:

Советский человек с рождения знает, что граница — место непредсказуемое. Здесь каждый может обидеть и напугать пассажира, что-нибудь у него отнять... Уезжая на Украину, мы считали, что не минуем таможни. И трепетали.

32—36

Е.Салина:

Наша несчастная героиня сидит дома и с ужасом ждет своего нового наследника. Ведь свою приватизированную квартиру она уже завещала. Знать бы только кому...

37

4 КУЛЬТУРА

Фото Ю.Роста

М.Жванецкий:

На концертах я всегда говорю то, что было в действительности.

50

В.Матизен:

Встретив Андрея Смирнова и обнаружив, что он возмущен моими интервью с бывшими «кинематографическими генералами», я включил магнитофон и попросил находившегося неподалеку Александра Тимофеевского принять участие в дискуссии...

54

Б.Гребенчиков:

В России, насколько я понимаю, бардак был всегда. Я живу здесь, повинуюсь только Ангелу, и никому больше, и отвечаю за свою группу, и ни за кого больше.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 21.05.1993 г.
Тираж 100 000
Цена договорная

Над номером работали:
П.Смирнов, Н.Ударцева, Э.Петрова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 2004

неизвестна? Да не пойдет наша нация за неизвестными ей лично!

Во-вторых, где гарантия, что у этих-то данил выйдет каменный цветок народного счастья? «Исходя из возможности, нельзя заключать о факте», — говорили древние римляне, которые имели кровавый и обширный опыт смены властей, которые обещали, но посулы не выполнили.

В-третьих, эти «чипы и дейлы», судя по всему, никак не могли решить, кто у них будет главным, а без этого успеха не будет.

Интересно, конечно, кто будет у них самым главным.

Интересно также, кто будет самым главным и на другом конце каната. Там, где демократия, доверчивая и наивная, как впервые попавшая в Москву девушка с Чукотки. Она, как и та девушка, думает, что просто потому, что она такая хорошая, все ей помогут: просит посторожить вещи каких-то случайных людей. Вернулась, а вещей-то нет. «Люди! — кричит она, — люди!» А что люди? У всех свои дела. Вон какие амбалы ходят.

Как только истосковавшийся именно по благим делам советский человек какое-нибудь задумает, так сразу появляется много доброхотов. Особенно они роятся, когда, извините, пахнет «халявой», — это значит, надо отсчитывать деньги в свой карман или тратить чужие, но все исчезают куда-то, когда, извините, пахнет потом, — это значит, надо таскать на своем горбу камни. А кроме того, люди наши достигли невиданного мастерства в деле изведения на корню любых хороших начинаний. К тому же добрые дела вместе с энтузиастами делают, как правило, жлобы с быстродействием хорошего компьютера и хваткой бультерера.

А поскольку мы — нация истматчиков, то и любой борьбе за деньги придается глубокий политический смысл — что-нибудь такое религиозно-коммунистическое, а может, и православно-демократическое. Состав же исполнителей все равно не меняется: человек искренний и вор у нас хоть и ненавидят один другого, но и нужны друг другу. Иначе сейчас в России никакого дела не сделать. Самый удачливый сегодня — искренний вор или вороватый энтузиаст.

Потому и организация у противников президента сильная: потому что все у них просто, как лом. Любой, кто отстал от поезда истории: обнищал ли, нет возможностей приложить знания или руки, или, может, внезапно прозрел, что «Расею сгубили жиды, сацалисты и пидарасы», — любой будет подобран оппозицией. На все их вопросы им ответят без запинки. Что читать? «День!» Где узнать последние новости про очередную «...гейт»? У музея Ленина! Какой флаг нести? Красный! (Теперь, правда, здесь появились проблемы: есть еще и андреевский, и черно-золотой.) Главный теоретик? Ленин-Сталин, в крайнем случае Сергей Радонежский. Узнав все это, люди из этого барака нашего лагеря

идут добиваться освобождения свою собственной рукой непосредственно у омовцев.

А что у «демократов»? Какие-то распылчатые общечеловеческие ценности... Кто враг-то? Газет десятки... Какая основная-то? Лидеры тоже... все разное говорят... Кого слушать-то? Попова? Собчака? Старовойтову? Теоретик-то кто? Вебер, что ли? Это не композитор ли? Не поняв ничего, люди из этого барака идут домой, считая, что от них толку не будет.

О ПОЛЬЗЕ ОГРАНИЧЕННОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Бунтовать бессмысленно и беспощадно мы отвыкли, а другим формам общения с властями не обучались. Все! Мы сами больше никуда лезть не хотим. Хватит с нас и августа. На все есть специальные органы и люди. Мы их кого выбрали, кого назначили, кто сам как-то со старых времен так козлик, козлик... кого просто теперь «в упор не видим», как и раньше. Пусть вот они и решают: в комитетах и комиссиях, отделах и департаментах, управлениях и лигах, на сходах и ассамблеях, в союзах советов, советах союзов, союзах соютов, тьфу!

Но только не трожьте нас! Только не мы!

За солдат, здоровенных лбов с автотоматами, ходят и просят солдатские матери. Не о матерях погибших ребят речь, это вне обсуждений, — им все можно! Они так и говорят: «Нам терять нечего!» Речь о тех, кто служит, кого действительно притесняют, обижают, гнут, ломают, калечат. Что-то не слышно песен протеста, а все по-старому — расцветают яблони и груши, плывут туманы над рекой... Что-то неизвестно, чтобы объединились они в борьбе за свои права ни до службы, ни во время, ни тем более после. Если есть такое — пишите нам сейчас же, анонимно, подпольно, симпатическими чернилами. Даже с острова Русский, где желтуха, вши и алиментарная дистрофия (по-русски это значит: жрать нечего), сигнал тревоги пришел не от самих матросов, а от журналистов.

Или вот жены офицеров из Прибалтики приехали в Москву с протестом против вывода войск оттуда, такого, как сейчас, — судорожного, буквально в поле, русское поле, прямо робкими колосками, в никуда! Женщины готовы на рельсы лечь, но не выпустить технику.

А что же сами офицеры? Что-то не мелькают протестующие их ментики и кивера. Ждут, что-ли, указания министра, и вот тогда... С трибуны, смело (но только по утвержденному тексту, по разнарядке, не нарушая установленной очередности) к-а-к...

Но только не сами!
А и правильно! И объяснимо.
Сначала нас угораздило стать массами в деле захвата власти большевиками, затем мы это их дело поддер-

живали и на своих плечах внесли во все — от физической культуры до выращивания антоновки — уйму социалистических преобразований, до неузнаваемости изменили облик города и деревни, превратили общество в стадо социальных мутантов, а все, что нас окружает, — в экологическую помойку. Дали возможность создавать и укреплять режимы в Эфиопии, Сомали, Афганистане. Но везде, где в последние 10—20 лет все шло очень кратким курсом, — все теперь вернулось обратно к естественным формам, отливаясь слезами и кровью. И им и нам. А ведь стрелку на социализм мы им переводили, мы эти стрелочники и есть.

И вот теперь нас уговаривают, почти опять уговорили стать движущими силами в деле построения демократии и капитализма.

Но главное, самим ничего не делать: есть президент, пусть он и ведет нас к светлому рыночному изобилию, или пусть парламентский Верховный Совет оттащит нас к нормированному социализму — в любом случае они у нас за все ответят. Они, но не мы!

Ждали, когда скажут, все-таки будет или не будет референдум. Ну, вот он состоялся.

Теперь так: опять спокойно. Президенту доверие выразили, пусть он и вертится.

Вот Конституцию ждем...

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?

Приближается еще одна дата. Самая, пожалуй, тяжелая для всех в нашей стране — день начала Отечественной войны. Самая передовая технология обрушилась тогда на нашу страну. Государство, народ которого дал миру Бетховена и Гете, напало на государство, народ которого дал Чайковского и Пушкина. Христиане на христиан. И ничего, это не стало препятствием ни Бабьему Яру, ни концлагерям.

Но это оказалось и последней фазой второй мировой войны, закатом фашизма.

Страшно, что в стране, его победившей, есть люди, грозящие человечеству чуть ли не новой мировой войной. Бей американский капитал! Бей мировой заговор! Вот уж действительно «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

К 22 июня, пожалуй, много чего произойдет: случатся какие-то решения по Конституции, что-то приговорят по делу ГКЧП — будут у людей одержимых какие-то поводы вдруг заботиться в падучей. Не исключено, что в этот день они что-то предпримут.

Только не в этот день, пожалуйста! Не надо новой войны в день начала прошлой!

ЛИСИН ДАЛ ТАКИ ВОЛЮ. ХОТЯ И НЕ ВСЕМ...

Напомним первую часть сюжета, опубликованную в «Столице» № 19: народный депутат Лисин Владимир Павлович предложил Верховному Совету избрать Лисина Владимира Павловича председателем нового Комитета по средствам массовой информации (СМИ), что и было сделано Верховным Советом. Тогда же Лисин Владимир Павлович поручил Лисину же Владимиру Павловичу «в недельный срок внести на рассмотрение ВС РФ предложения по составу Комитета». Мы еще, помнится, очень сомневались: успеет ли за неделю-то? Правда, тогда же нас успокоил бывший председатель старого Комитета по СМИ Вячеслав Брагин: мол, не волнуйтесь, успеет и внесет все, что надо.

Ах, как же прав оказался опытный Вячеслав Иванович: в составе нового Комитета по средствам массовой информации действительно теперь много профессиональных журналистов. Но зато остальные члены комитета, которые

не журналисты, тоже большие профессионалы, только по части борьбы с СМИ: здесь и учитель неполной средней школы Олег Плотников (автор идеи создания Федеральных наблюдательных советов на радио и телевидении), и физико-химик Михаил Астафьев (неутомимый мегафонный борец за предоставление ему времени на телеэкране), и бывший второй секретарь обкома КПСС Геннадий Саенко, и бывший второй же секретарь, но уже райкома КПСС, Саид Нунуев, и бывший министр жилищного хозяйства Башкирии Наиль Аминов и замминистра соцобеспечения РСФСР Сергей Ивченков. И аж восемь человек, членов бывшего, успешно разваленного Лисиным Владимиром Павловичем, Комитета по СМИ.

Только восемь. А всем остальным новый председатель дал волю. За ненадобностью. Или за профнепригодностью...

За бортом комитета остались писатель, журналист, теленазначник Олег Попцов, журналистка и тоже теленазначница Бэлла Куркова, практикующие тележурналисты Лариса Мишустина, Расул Микаилов, Сергей Носовец, Игорь Збронжко... И хотя все перечисленные — не только опытные профессиональные журналисты, но и самые что ни на есть народные депутаты — написали Лисину В.П. заявление о своем желании работать в Комиссии по СМИ (а согласно регламенту ВС РФ, имеют на это полное право), тем не менее Лисиным В.П. было им в этом законном праве отказано. Причина? А

что, разве нужна какая-то причина? А не хочу — и не хочу!..

— Я думаю, что говорить, по какой причине они не включены, наверно, излишне... — И добавил: — Я не готов сотрудничать с комментаторами...

Интересная мысль, правда, читатель? С комментаторами Лисин В.П. сотрудничать не готов. А с народными депутатами готов? С теми из них, кто высказывает какое-либо несогласие с политическими воззрениями самого Лисина В.П.?

Нет, похоже, не всегда готов Лисин В.П.: всем хорошо известно, что упомянутые депутаты, оставшиеся за пределами комитета, — политические противники его председателя, не скрывавшие своих взглядов. Поэтому и счел Лисин В.П. излишним говорить о причинах своего отношения к этим депутатам.

Действительно, излишне. И так все ясно...

Григорий КРОШИН

ПУСТИТЬ КОЗЛА В ОГОРОД

Известная международная неправительственная организация, занимающаяся проблемами борьбы со злоупотреблениями психиатрией в политических целях, так называемая «Женевская инициатива по психиатрии», направила открытое письмо на имя президента России Бориса Ельцина, министра здравоохранения Эдуарда Нечаева и министра иностранных дел Андрея Козырева, где содержался аргументированный протест против восстановления в должности в качестве почетного директора института психиатрии имени Сербского «пресловутого доктора Георгия Морозова».

Доктор Георгий Морозов, говорилось в письме, был причастен ко многим хорошо известным случаям политического злоупотребления психиатрией, таким, как дело Владимира Буковского, Натальи Горбаневской, генерала Петра Григоренко, Жореса Медведева и Леонида Плюща. Он был лично ответствен за принудительное заключение этих и других диссидентов в специальные психиатрические клиники.

Возвращение Морозова в институт имени Сербского или на любой иной государственный пост, предупреждает «Женевская инициатива», даст основания «возобновить борьбу против «советской психиатрии», которую мы вели в течение двух десятилетий и резуль-

татом которой стало изгнание советской психиатрии из международного научного сообщества».

Письмо, подписано Робертом ван Вореном, генеральным секретарем «Женевской инициативы по психиатрии».

Нашему читателю мало что говорит как «Женевская инициатива по психиатрии», так и имя представляющего ее Роберта ван Ворена. Но за пределами бывшего СССР это известная и авторитетная организация, объединяющая многих видных ученых и политиков. Впрочем, сказав «за пределами бывшего СССР», я немного погрешил против истины — плоды ее деятельности вкусили психиатры в штатском: долгое время она была одним из «объектов» деятельности КГБ. Но на

мировой арене наши чекисты эту борьбу проиграли вчистую. «Женевская инициатива» внесла значительный вклад в разоблачение преступлений Лубянки, применившей для подавления инакомыслия свое самое грозное оружие — спецпсихбольницы. Наряду с ГУЛАГом «психушка» стала символом советского режима и его «свобод».

А символом советской карательной психиатрии навсегда останется академик медицины Георгий Морозов, десятилетия возглавлявший Институт имени Сербского, — «отец» психиатрии «лубянки», палач десятков здоровых, но неугодных режиму людей. Его возвращение в систему здравоохранения сопоставимо по последствиям разве что с назначением лесничим матерого браконьера. Да он и поныне член президиума ВАК по психиатрии. Впрочем, для нашей страны стало нормой назначение браконьеров на высокие посты. Приведу пример не из этой сферы: «академик» в генеральских погонах — Анатолий Кунцевич, один из апологетов и разработчиков советского химического оружия, возглавил Комитет по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при президенте.

Кроме Георгия Морозова значительный «вклад» в «чекистскую психиатрию» внес другой академик Академии медицинских наук — профессор Марат Вартанян. Сейчас он возглавляет... Центр психического здоровья и продолжает выпрашивать у властей возобновления особых полномочий для психиатрической спецслужбы. Продолжают процветать в российской психиатрии и такие одиозные личности, как племянник академика Вартаняна — Феликс Вартанян и главврач Орловской спецпсихбольницы подполковник внутренней службы Татьяна Котова, также запятнавшие себя преследованиями инакомыслящих.

Так что у всех нас, а не только у «Женевской инициативы», имеются весьма веские основания полагать, что в один прекрасный момент спецпсихушки смогут быть использованы по своему «прямотому назначению».

Кстати, один из активнейших в сфере использования психиатрии чекистов, Эдуард Ширковский, возглавляет ныне КГБ Беларуси. О психическом состоянии белорусского народа тоже можно не волноваться?

Владимир ВОРОНОВ

...ребенок может совершенно не оправдать тайных надежд своих родителей... это может оказаться некрасивый ребенок, когда надеялись, что он будет необыкновенно красив...

Бенджамин Спок

Год назад было сказано: у нас есть российская армия. Нет, тогда она была только зачата президентом, вернее его указом (у нас ведь теперь все по указу президента). Год Россия была на сносях. Год плод рос, сначала, как и положено, никто даже не заметил интересного положения России, это потом уже плод сучил ногами, а у мамы участились обмороки. Вот только нынче армия и родилась.

Вот и порассуждаем о новорожденной.

Ее родителями были Президент и Демократия. Хорошая вроде бы пара, если бы не знать, кто, в свою очередь, их родители, то есть бабушки и дедушки новорожденной. А вот кто: Перестройка и ЦК КПСС у Президента, Советская власть и Путч у Демократии. Обе ветви с очень тяжелой наследственностью. Некоторые злопыхатели вообще считают, что ребеночек этот инкубаторский, выведен искусственным путем прямо от Красной Армии.

Есть у акушеров такая «шкала Апгар». В первые пять минут после рождения все должно решиться — по ней оценивают, что за ребенок. Состоит она из пяти позиций, по каждой дается оценка от 0 до 2 баллов, нормальные дети «набирают» 8—10 баллов. Если меньше 6 — это патология.

Первое. Сердцебиение. Это у нашего ребенка есть, кровь армии циркулирует, хотя и с трудом. Вяло ведь идет призыв: только на 60

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В КАТЕГОРИЯХ АКУШЕРСТВА. ЮБИЛЕЙНОЕ

Рис. В. Сысоева

процентов, а кое-где и вовсе на 30 процентов обеспечены части молодым пополнением. Те, кого доконвоировали до части, норовят при первой же возможности сбежать. Военные училища закрывают, молодые офицеры увольняются. Но вот генералов, а это сущее препятствие — тромб — для активного кровообращения, оказывается, меньше не стало. Вывод — 1 балл.

Второе. Дыхание. Здесь очень просто — если оно есть, то ребенок кричит и плачет, плачет и кричит. С этим у нас все в порядке. Чего другого, а вот крика и плача хватает на три армии. Все кричат, и все плачут, каждый о своем: и «демократы» и «патриоты», и ветераны и призывники, офицерские жены и солдатские мамы. Тут, конечно, по максимуму — 2 балла

Третье. Рефлексы. Реакция на внешние раздражители. Это есть. Все эти сокращения-ограничения, выводы войск из стран с теплыми пляжами, уютными домиками и холодным пивом в державу холодных врагов, протекающих бараков и теплой водки, вообще, вся эта перемана мест, к которой у него охоты нет вовсе, очень новорожденного раздражает. Он вертит головой во все стороны и хлопает глазами, но не больше того. То танки продаст в Абу-Даби, то котелки или х/б на родной бирже. Реакция есть, но запоздалая. Итог — 1 балл.

Четвертое. Мышечный тонус. Ручки и ножки ребеночка должны быть в меру напряжены и сгибаться. Наш ребеночек все-таки свои ручки и ножки сгибает и мышцы как-то напрягает. В

какие-то глубины погружаются усталые подлодки, в какие-то выси взлетают самолеты, в какие-то веси едут мотострелки и на какие-то поля сваливаются доблестные десантники, у локаторов с красными глазами сидят офицеры ракетчики, а потом они же вместо солдат стерегут свои же склады. То есть тонус какой-то есть, хотя... да нет, все-таки есть. 2 балла.

Пятое. Цвет. Не самое главное для ребеночка настоящего, человеческого, но уж для нашего-то социального, в наших-то постперестроечно-коммуно-демомонархотриотических условиях главнее этой позиции нет! У человеческого дитя цвет должен быть розовый. А вот белый (бледный) и синий — это плохо. Наш новорожденный — розовый, это точно. Помнит еще армия политорганы и их шефа — Главпур-отдел ЦК КПСС, помнят дембеля ленкомнаты. А кто забыл, тому генерал Стерлигов напомнил на офицерском собрании, предложив возратить политорганы и политзанятия в армию. Но что-то даже там его не очень-то поддержали. Но цвет все-таки нашенький — розовый. Ставим 2 балла.

Итого, сумма — 8 баллов. Как сказал мне мой приятель акушер Володя Туркин, 8 баллов — это нормальный ребенок. Жить будет. Главное теперь, говорил Володя, как воспитать. Чтобы папа не бросил и мама не загуляла на сторону. И чтоб деды и бабки не лезли. Хотя вот не знаю, служил ли Володя в армии?

Бенджамин Спок

...они берут его на руки, подбрасывают, качают на колене, трясут и непрестанно говорят с ним на его детском языке...

Александр КАСАТОВ

Свободная демократическая партия России, возглавляемая депутатом Мариной Салье, двинулась в бой за претворение идеи принятия Конституции всенародно избранным Учредительным собранием. Несмотря на произошедшие изменения, не только президент, но и заметная часть демократических организаций, еженедельно собирающихся за круглым столом в Московской мэрии, настроена на скорейшее принятие Кон-

ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ

ституции каким угодно образом, лишь бы выиграть благодаря этому в гонке с подготовленным в Верховном Совете «румянцевским» проектом.

Вот в таких непростых условиях идеалисты из СвДПР решили объявить о начале кампании сбора подписей в поддержку проведения всероссийского референдума за

принятие новой Конституции Российской Федерации «не съездом народных депутатов, а специальным всенародно избранным органом — Учредительным собранием».

Открытие сезона сбора подписей было обставлено не совсем обычно — ему была посвящена презентация майского номера газеты «Наше дело», издаваемой

Обществом купцов и промышленников России. Связь новоявленных титычей с политической обьясняется просто: весь 90-тысячный тираж спецвыпуска газеты посвящен популяризации идеи созыва Учредительного собрания и содержит бланк подписного листа в поддержку того самого референдума, о котором говорит СвДПР.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

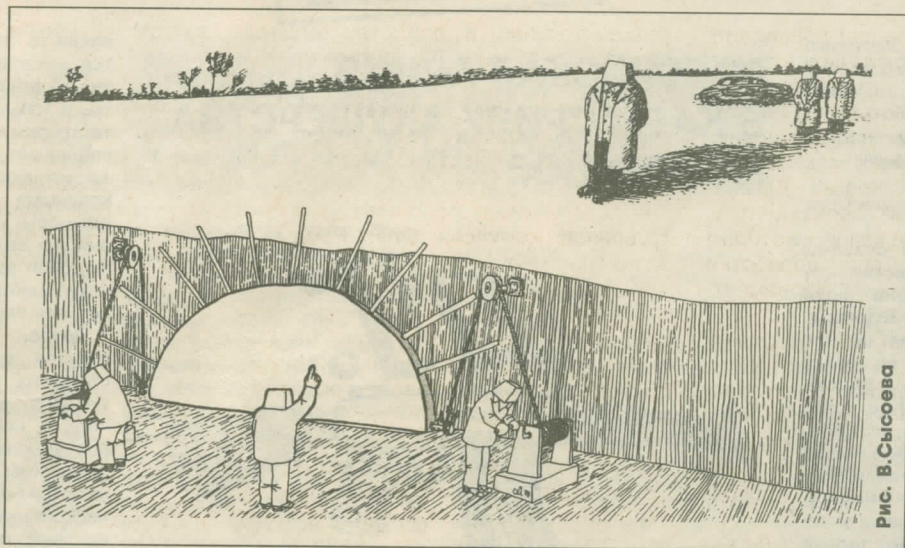

Рис. В. Сысоева

РАЗМАХИВАЯ КОНСТИТУЦИЯМИ...

Нет, уважаемые сограждане, напрасно мы раскатали губы: драчка продолжается. Политстрасти в верхних эшелонах власти (извините за рифму), вопреки дальновидным прогнозам больших специалистов, после 25 апреля не только не утихли, но даже усилились. Теперь, когда подведены итоги референдума и всем ясно, кто есть ху, а кто — нет, война между представительной (Верховным Советом и съездом) и исполнительной (президентской) структурами, а конкретнее — между спикером Хасбулатовым и президентом Ельциным, вышла на качественно другой уровень: на уровень борьбы двух вариантов новой Конституции. Теперь уже это как дважды два.

Основное различие двух Конституций, если говорить просто, состоит в том, кому будет принадлежать власть в России после принятия нового Основного закона — парламенту или президенту. И обе противоборствующие стороны это, конечно, прекрасно понимают. И настроены весьма решительно. И хотя их лидеры в своих официальных заявлениях делают усилия, чтобы выглядеть дипломатами, то есть скрыть истинное отношение к альтернативному проекту, у них это пока плоховато получается. У Руслана Хасбулатова, например, вырвалось определение президентской Конституции как «латиноамерикан-

ской» и «диктаторской», ответственный секретарь депутатской Конституционной комиссии Олег Румянцев определил ее ни много ни мало как... монархическую и ведущую к развалу России. Президент же в свою очередь считает, что проект Конституции «смежников» — явно коммунистический...

При этом и та и другая стороны торжественно заявляют, что главная за-

дача их проекта нового Основного закона — предотвратить распад России и добиться согласия в обществе. Последний раз призывы к согласию прозвучали из уст спикера, председательствовавшего на экстренно созванном им заседании Конституционной комиссии, где он, спикер, является, напомним, заместителем председателя, а самим председателем, как всем известно, — президент... Последний, хотя и назвал это заседание неправомерным, так как создано оно было помимо его, председателя комиссии, воли, и не прислал на него своего представителя Шахрая, тем не менее, для порядка, официально направил накануне в Конституционную комиссию на имя Николая Рябова (еще одного своего зама по комиссии) президентский проект Конституции с такой сопроводительной: «Прошу оперативно представить замечания и предложения по указанному (выделено мной. — Гр. Кр.) проекту Конституции Российской Федерации...» Иными словами, президент предлагал взять за основу для работы над новой Конституцией именно его проект.

Но — не тут-то было. На заседании комиссии (на котором, кстати, почти до самого последнего момента не было кворума, пока в зале не появился, наконец, 48-й член комиссии — челябинский депутат Клювант В.В., о чем, прервав заседание, торжественно

возвестил Олег Румянцев) президентская просьба, по сложившейся уже в парламенте доброй традиции, принята в расчет, естественно, не была. Но в итоговом постановлении, стиснув зубы, хитровато так записали: «...признать, что проект Конституции, направленный президентом, содержит ряд положений, которые необходимо учесть при доработке проекта Конституции». Парламентского проекта, разумеется...

Более того, народными избранниками в том же постановлении было отмечено, что, оказывается, отдельные положения президентского проекта «существенно ограничивают экономические, политические и гражданские права человека и гражданина»... Вот так-то!

Это было написано пером. А устно сказано еще кое-что.

Президенту, председателю комиссии, то есть своему непосредственному начальнику, в ответ на его оценку парламентского проекта как коммунистического, спикер, ясное дело, не мог не дать достойную отповедь (цитирую по магнитофонной записи): «Все-таки давайте не забывать: основные положения... ну, просто нелепая уже ситуация... сам предлагал президент... так... вот... отстаивал их, считал, что это верх демократии и вдруг они перестали, говорят вот... они уже стали коммунистическими, так... ну... я не знаю, друзья, давайте мы, между прочим, этот факт... так вот, надо думать, что делать нам»...

И для пущей убедительности, ставя как бы точку на проблеме, завершил спикер мысль таким вот ясным предвидением: «Мне кажется, есть сейчас все возможности для того, чтобы нам получить нужное количество голосов на съезде». И оценил сам себя: «Это разумный подход».

Главная разумность подхода, как выяснилось, состояла в том, что комиссия решила направить свой проект Конституции для ее рассмотрения субъектами Федерации. Но аналогично разумно, как мы помним, поступил и президент со своим проектом — тоже обратился за поддержкой к субъектам Федерации. И вот что удивительно: одинаково обращаясь вроде бы к одним и тем же субъектам одной и той же Федерации, парламент и президент апеллируют, похоже, к... разным субъектам в этих субъектах: один — к Советам республик, краев и областей, другой — к главам администраций тех же республик, краев и областей... То есть расчет на то, что каждая ветвь власти будет принимать свою Конституцию своим контингентом в этих самых «субъектах». А значит, назревает новый виток столкновений

исполнительной и представительной структур — уже на региональном уровне.

В этом случае возникает естественный вопрос: зачем такое обращение к субъектам? Чего хотим добиться-то?

Ответственный секретарь Конституционной комиссии Олег Румянцев разъяснил мне:

«Прежде всего мы можем попасть в ловушку, когда в погоне за голосами субъектов Федерации — как это было на последних съездах — президент и руководство парламента отдавали очень большие векселя, отчето проигрывали федеральные власти, а выигрывали регионы с их местными, локальными интересами... Все это заигрывание может привести к тому, что субъекты Федерации, края и области все время будут проводить референдумы о повышении своего статуса до статуса республик, и в конце концов может оказаться, что у нас все субъекты... станут республиками. Абсурд, верно?! Поэтому, обращаясь за поддержкой к субъектам Федерации, надо постараться, с одной стороны, как-то уважить «самость» республик, а с другой стороны, нужно понимать, что края и области тоже не желают быть субъектами «второго сорта».

Олег Румянцев подчеркнул, обращаясь к субъектам Федерации: «...мы осознаем, что федеральная власть находится в состоянии кризиса, которого пока нет в большинстве субъектов (в отличие от Мордовии и Калмыкии). Поэтому такое обращение на нижестоящий уровень — это черпание силы центром в регионах. Но в то же время происходит явная идеализация власти субъектов Федерации: во многих местах это глубокая провинция в смысле организации государственной власти, даже пародия на государственную власть»... Ответственный секретарь комиссии считает, что здесь нельзя перебарщивать, поскольку «мы обращаемся к ним как к субъектам Федерации, как к самостоятельным образованиям, а на самом деле эта местная власть оказы-

вается на уровне... поселкового Совета...»

Румянцев убежден, что все эти обращения из центра к регионам — не более чем формальность, «стремление просто показать, что федеральная власть должна куда-то обратиться: съезд к президенту обращается с трудом, президент — вообще игнорирует съезд, особенно после референдума...»

Конечно, не все члены Конституционной комиссии столь скептически настроены по отношению к субъектам Федерации, перед которыми в последнее время делают столько реверансов. Член Верховного Совета Виктор Шейнис, например, придает по-настоящему серьезное значение этим субъектам. Однако и он убежден, что хотя интересы республик, краев и областей непременно должны быть учтены, но «поставить конституционный процесс в зависимость от субъектов Федерации, повторять вслед за Алексеевым и Шахраем, что у президента и у субъектов равная легитимность, а дескать, у съезда ее нет вообще... это уже слишком. Может, если говорить о съезде, это и так, но что касается легитимности субъектов, то это спорно. Поэтому передача решения принципиальных вопросов на уровень регионов, мне кажется, опасна. Их интересы надо, безусловно, принимать во внимание. Но считать, что субъекты имеют право вето или какие-то особые права при принятии Конституции, неправильно: есть нормальный конституционный процесс. Ему и надо следовать».

Видимо, следуя именно такому «нормальному» процессу, комиссия в своем постановлении предложила президенту Борису Ельцину, то есть своему председателю, совместно с его заместителем по комиссии, вице-спикером Николаем Рябовым «сформировать рабочую группу для завершения работы над проектом Конституции Российской Федерации».

Парламентским проектом, разумеется...

Григорий КРОШИН

«AMO Ltd»

отечественные и импортные
— стиральные машины

«Вятка», «Веста»,

— холодильники, морозильники,

— электро- и газовые плиты, печи СВЧ,

— посудомоечные машины.

Доставка на дом в течение суток.

Заказ по телефонам: 344-99-99, 420-07-47.

Сергей БАБУРИН:

РУССКИЕ ОСТАЮТСЯ КРАСНЫМИ

«Ломать — не строить». Такой принцип заложен во многие начинания, которые предпринимались на российской земле. При этом главное было именно начать, а потом... как Бог на душу положит. Самой же выгодной позицией всегда было: отойти в сторонку, иронически смотреть на всю суету и критиковать. Те, кто не выдерживали и пытались что-либо сделать, сразу начинали с того, что сначала ломали старое и отстраняли (хорошо еще, если не ссылали) тех, кто что-то делал раньше.

Поскольку теперь труднее манипулировать коммунистическими лозунгами, берутся другие. А на поверку-то выходит — опять коммунистические. Теперь вот «патриотическая оппозиция», чьи краснознаменные идейные вожди «стреляли в наших отцов, строят планы на наших детей», тянет Россию в имперское и большевистское прошлое. Но референдум, которого она не зря так боялась и не хотела, ясно показал, что большинство российских граждан — не с нею.

Русская идея? Заходи!

— Сергей Николаевич, вы были членом КПСС. Вы верили в коммунистическую идеологию или вступали, как многие, просто ради карьеры?

— Главным в этой идеологии для меня был принцип социальной справедливости, он остается главным для меня и сейчас. В этом смысле я сохраняю те же убеждения, что при вступлении в партию. Еще в 1977 году я написал Брежневу письмо с предложением либо реабилитировать Зиновьева, Каменева, Бухарина и других репрессированных деятелей партии, либо рассказать, в чем их преступление. Ибо замалчивание правды тоже ведь преступление. Недавно это мое письмо отыскал в архиве Стивен Козн и подарил мне ксерокопию. Я никогда не обожествлял догмы и постулаты марксизма-ленинизма. С другой стороны, сегодня нельзя просто так отвергнуть марксизм. Ведь Россия, которая несколько десятилетий формировалась в социалистической системе, по своему менталитету все же красная страна, а наш народ в основной своей массе тоже красный. Игнорируя это, политики допускают большую ошибку.

— Вы сторонник «русской национальной идеи». С вашей точки зрения, что это такое и как она, эта идея, должна воплощаться в государственном устройстве и политике России, особенно по отношению к соседним народам?

— Я сторонник России как продол-

жения древнерусского государства. Сегодня национальная идея является едва ли не единственной консолидирующей силой в разрушающейся державе. Но русская идея — и это надо подчеркнуть — не есть идея этническая. Русский народ многонационален. Это идея единого и великого многонационального государства, сохранение культурно-исторических традиций всех народов, которые формировались и уживались в России, скреплялись до 1917 года православием. В десятилетия советской власти эту системообразующую скрепу пытались заменить классовой доктриной. Я представляю Российский общенародный союз (РОС), и мы на своем последнем съезде без колебаний заявили, что сегодня невозможно возвращение ни к марксизму-ленинизму, ни к идеологии, которая была у Российской империи.

Сегодня идет поиск идеологии, и у многих возникает интерес к тому, что же такое русская идея. Здесь ключевой является фигура Сергея Радонежского. Я отчасти согласен с тем, что это русский Христос, которого Россия не заметила. Это человек, который очень много сделал для формирования нации и государства.

— Как вы относитесь к попыткам возрождения российской или советской державы в ее прежних границах?

— Мне до сих пор никто не может членораздельно сказать, какие рубежи являются естественно-историческими границами России. Мы

стоим перед очень непростой проблемой. Для возрождения государства и формирования естественных границ необходимо восстановление в правах русской нации. Когда говорят о малочисленных коренных народах, которых притесняют, я испытываю очень большую неловкость, потому что наиболее уязвленным у нас является самый многочисленный народ. Ведь у нас полторы сотни миллионов русских, и десятки миллионов из них, не выезжая с мест, где они проживали испокон веков, оказались за пределами России. И претензии, скажем, прибалтийских республик на национальную чистоту вызывают у серьезных людей недоумение. Я хочу сослаться на резолюцию Российского общенародного союза (РОС), где записано: «РОС считает необходимым восстановить государственное единство России на основе равенства в правах всех частей государства, поставить вопрос о юридическом статусе русского народа как разделенной нации, признать право русского народа на воссоединение и самоопределение. На всех уровнях и, в частности, между государствами, образовавшимися на территории СССР, исключить из употребления понятие «коренная нация» как вводящее в заблуждение и провоцирующее межэтнические конфликты...» Вот документ, который будет лежать для нас в основе определения и возрождения единого федеративного государства на территории Советского Союза. Никого не следует тащить насильно, но мы не будем молчать, если какие-то республики (или части республик), где у народа преобладает настроение жить в едином с Россией государстве, примут такое решение на своих референдумах или верховными советами. Мы, безусловно, должны будем рассматривать это, как в случае с Южной Осетией. И вот тогда установятся государственные границы России.

— **Ваша резолюция настолько озвучена единством русского народа, что открывает поощряет сепаратизм в сопредельных странах. Допустим, русские, которые живут в Латвии, принимают решение воссоединиться с Россией. Латыши, естественно, против. Вы что же, войска в Латвию пошлете?**

— Мы уже сейчас должны вести переговоры о статусе наших войск в этих республиках. В том числе в Латвии.

— **Вы хотите сохранить там наше военное присутствие?**

— Безусловно. Это естественный путь до тех пор, пока в Европе существуют американские военные базы. Потому что, если Россия уйдет из Прибалтики, туда придут оппоненты России, а от присутствия военных баз США или любой другой страны под божьим я не испытываю никакого востор-

га. И считаю естественным историческим правом России сохранять свои военные объекты на территориях бывших союзных республик. В этом заинтересована не только Россия, это обеспечит безопасность и стабильность и в этих республиках.

— **Сохранять базы на основе договоров с законными правительствами этих республик — одно дело, а в силу так называемого «естественного исторического права» — совсем другое...**

— Не надо на основе моих слов строить какие-то домыслы. Я сказал: «Вести переговоры о статусе наших войск». Переговоры — главный рычаг демократии для отношений внутри любого государства и тем более между государствами.

— **Но единственный статус, о котором правительства республик согласятся вести переговоры, — это статус полного отсутствия российских войск.**

— Значит, мы должны вывести эти войска и установить нормальные межгосударственные границы. Ведь с нашей стороны они открыты. Между тем Россия не должна быть дешевым сырьевым источником для кого бы то ни было — для США, для Израиля или для прибалтийских республик. Хотя я за участие в нашей реформе иностранного капитала и совместных предприятий.

Ветви развесистой клюквы

— **Как русская идея соотносится с демократией? Российская империя с демократией всегда была явно не в ладах, и многие приверженцы русской национальной идеи по сей день считают, что демократия не для России...**

— Западная демократия для России действительно чуждый элемент, но в России были аналогичные институты, которые не нужно заимствовать ни у кого. Народовластие в России имеет более глубокие корни, чем в США и других государствах. Они уходят в IX—X века. Нужно просто перевести все на нормальный русский язык.

— **Это такие мифологические времена, о которых и суждения-то вынести невозможно...**

— Если не знать историю, то конечно. Так вот, именно там зародились принцип соборности, принцип коллективизма, принцип единения, которые являются одними из важнейших составляющих русской идеи. Эти принципы обеспечивали несокрушимость России на протяжении тысяч лет, обеспечивают и сегодня. И именно их существование, несмотря на титанические усилия нынешнего режима, приведет его к краху. Независимо от воли политиков, каких-то экономических или политических условий. Это основа нашего социума. Этот дух единства, чего не понимали сто-

ронники марксизма-ленинизма, абсолютизовавшие экономическую сферу, и является главным залогом возрождения России, естественным элементом российского народовластия.

Говорят, что съезд народных депутатов — нарушение разделения властей. Но разделения властей в европейском понимании у нас никогда не будет. И оно не должно существовать, как его не существует с XIX века в Европе и в США. У нас есть принцип земских соборов как высшего решающего органа народовластия. Сейчас место соборов фактически занял съезд народных депутатов. А от него уже идут отдельные ветви власти — законодательная, исполнительная, судебная.

— **Вас послушать, так в России и самодержавия-то не было, а было одно народовластие. Но коли от съезда «идут все ветви», в том числе исполнительная власть, то съезд и президента должен назначать?**

— Это как он решит. Съезд, как вы знаете, решил вынести этот вопрос на референдум и внес изменения в Конституцию, чтобы президент избирался общим голосованием. Если изменится ситуация, может быть принято иное решение. Я бы предпочел, чтобы в обозримом будущем президент избирался на всеобщих выборах. И в этом смысле относительная независимость исполнительной власти должна существовать. Я сторонник, если брать западную терминологию, сильной президентской республики. Это при том, что меня совершенно не устраивает нынешний президент России, который вместе со своей командой привел страну к экономическому и геополитическому краху, дискредитировал президентскую республику, парламентаризм и сам путь реформ. Понятие «демократ» стало ругательным.

— **Это как для кого. Для кого-то ведь и понятие «патриот» звучит как ругательство, а что плохого в патриотизме?**

— Сегодняшний режим виноват в том, что Россия из экономически и политически великой державы превратилась в нечто непонятное и общественно опасное: как любая черная дыра, она чревата самыми непредсказуемыми последствиями для человечества.

— **Вы считаете, что другой президент и другая команда смогли бы демонтировать коммунизм и реформировать страну без потрясений?**

— Я не сторонник сослагательного наклонения и просто скажу, что Ельцин для России — это стихийное бедствие. Как только оно закончится, Россия начнет выбираться из пропасти.

— **Горбачев тоже был для нее стихийным бедствием?**

— Для Советского Союза Горбачев сыграл разрушительную роль, хотя

это несколько иной человек и его неверно оценивать по той же шкале, что Ельцина. Ельцин активно создает проблемы, а потом борется с ними сам и заставляет бороться весь народ. Горбачев же плыл по течению за событиями и, в принципе, не управлял ими. И ничего не создавал.

— Это значит, что процесс распада Союза был естественным процессом?

— Нет, это значит, что процесс разрушения Советского Союза начался с недееспособности высшего руководства. Как только государство осталось без головы или без мозгов, оно было обречено.

— Оно осталось без мозгов вследствие краха коммунистической идеи, защищать которую могли только безнадежные идиоты. И можно подумать, что при Брежнев, Андропове и Черненко у СССР было много соображений...

— Не надо отождествлять коммунизм с марксизмом-ленинизмом. Коммунистическая идея господствует в России по крайней мере со времен принятия христианства, ибо в основе коммунизма и христианства лежат одни и те же идеи.

— Но в основе советского коммунизма лежит именно марксизм-ленинизм. Несостоятельность господствующей идеологии и породила некомпетентность высшего руководства.

— Недееспособность руководства — не главная причина гибели СССР. Ее «покажет вскрытие». Нужна полная информация о том, что происходило в политике, экономике и эшелонах власти за последние 5—10 лет.

Борис — это, конечно, имя, но неконституционное

— В чем вы видите главные ошибки экономической политики нынешнего правительства?

— Я боюсь, что роковую ошибку сыграло интеллектуальное невежество. Грамотные экономисты, которые получили возможность определять эту политику, были в плену доктрин монетаристского толка. Консультируясь только со своими теоретическими родственниками, они начали надевать эти одежды на экономическую систему России, игнорируя ее собственный опыт и традиции. Кроме того, они стали это делать слишком быстро. На это наложились процессы первоначального накопления капитала, а значит, проблема коррупции.

И вместо среднего класса, достаточно надежной опоры любого правительства в периоды кризисов, мы создали сеть мафиозно-компрадорских кланов. Это и стало основной причиной провала нынешней экономической реформы.

— Значит ли это, что вы критикуете только тактику, но не стратегию правительства на установление

рыночных отношений, то есть представляете нормальную, а не революционную оппозицию?

— На сей раз вы меня поняли совершенно правильно. Но, к сожалению, этого не понял президент. Когда я объяснял это ему и некоторым его советникам, реакции не было. Заметьте, внутри оппозиции меня обвиняют как раз в том, что я протаскиваю те же реформы, что Ельцин, только медленнее.

Но на выборы я шел как сторонник формирования многоукладной экономики и развития частного сектора. Наша фракция «Россия» с момента создания в 1990 году разошлась и с коммунистами, которые тогда напрочь отвергали частную собственность, и с «Демократической Россией». Хотя с ней мы одно время сотрудничали. Я, например, голосовал за программу Явлинского «500 дней» и считаю, что многие его тогдашние прогнозы оправдались на сто процентов. Объединиться же с «ДемРоссией» нам всегда мешала их тяга создать на месте СССР пятьдесят независимых государств. С этим я никогда не соглашался, и в этих вопросах мы сотрудничали с коммунистами как со сторонниками сохранения единого Союза. Но так уж получилось, что «Коммунисты России» ушли в тень, а наша фракция получила ярлык наиболее консервативной и наиболее жесткой по отношению к правительству.

— Во Фронте национального спасения представлены крайние националистические течения. Что вы думаете, например, о «Памяти» и о существовании векового жидомасонского заговора против России, идею которого она настойчиво пропагандирует?

— Я видел «Память» всего два или три раза. Но я не верю в патриотизм организации, которая способна только маршировать и устраивать скандалы. Я не видел «Памяти» в Приднестровье, где на деле идет защита России, идет бой, не видел ее в Абхазии и Осетии.

Что касается Фронта национального спасения, одним из сопредседателей которого я являюсь, то в нем Российский общенародный союз (РОС) выступает как соединяющее звено коалиции очень разных политических сил. Благодаря нам за один стол сели представители правой и левой оппозиции, коммунисты и антикоммунисты. Я не сторонник экстремизма ни слева, ни справа, и как раз крайние националисты обвиняют меня в отступлении от русской идеи. Часто это заблуждающиеся люди, часто ожесточенные жизнью, но среди них много и провокаторов. Ведь лучше всего дискредитировать политическую силу, доведя ее лозунги и поступки до абсурда. Убить русскую идею нельзя, но осквернить ее можно, например, заявив о ее этническом характере.

— Вы не ответили на вопрос о заговоре...

— Честно говоря, я этой темой никогда не интересовался. Как никогда до этой трагической для России перестройки не обращал внимания на национальность человека. Если же все-таки говорить о заговорах, то я вполне допускаю участие спецслужб ряда государств в разрушительных процессах, уничтоживших Советский Союз. Какова степень этого участия и кому принадлежит в этом решающая роль — надо смотреть специально... Благо (именно так, вполне пофрейдистски оговорился г-н Бабулин. — В.М.) не в первый раз разрушают Россию. Сколько раз во главе ее становились Борисы, начинались великие смуты. И мы уже шутим, что третьего Бориса Россия не переживет, и надо в Конституцию записать, что человек с таким именем не может быть президентом.

— Если Россия после двух случаев сделает вывод, что все Борисы для нее губительны, она уподобится женщине, которая после пары неудачных опытов заключает: «Все мужчины подлецы». Однако можно считать, что вы уклонились от темы сионистского заговора...

— Вы можете считать, как вам угодно, но я отвечаю, как я считаю необходимым.

Два сапога — Ельцин и Хасбулатов

— Давайте лучше я вам задам последний вопрос: много ли в нынешней политической ситуации замешено на противостоянии Ельцина и Хасбулатова?

— Ничего не замешено, потому что противостояние это — миф. Ельцин и Хасбулатов — это напарники. Или можно так: Хасбулатов — это второй номер команды Ельцина, он подыгрывает ему на протяжении всех лет существования нашего Верховного Совета. Ельцин из категории людей, которые не могут идти одни. Вначале ему нужен был Горбачев, а потом тот «сошел», и пришлось срочно искать замену. Такой заменой выступил Хасбулатов. Но чтобы понять это, надо ориентироваться не на заявления Хасбулатова, а на то, что сделано за последние три года. Ельцин не провел бы через ВС ни одного принципиального решения, если бы начиная со второго съезда все его замыслы не осуществлял Хасбулатов. И президент это прекрасно понимает, так что все его антихасбулатовские заявления — чистый блеф...

Беседу вел Виктор МАТИЗЕН

Владимир КОВАЛЕНКО

К СЛАВНОЙ ПОБЕДЕ НАШЕГО «Г» НАД ИХНИМ

В интервью, напечатанном в «Независимой газете», Василий Аксенов излил свою великую радость. Какое счастье, размышляет он, что Россия получила гайдаровское правительство. Народ, правда, оно не накормило. Скорее, наоборот. Но зато правительство хотя бы разговаривает как надо.

«Это образованные люди нового поколения, — делится мыслями Василий Павлович, — говорящие нормальным (разрядка моя. — В.К.) языком... Раньше ведь без фрикативного «гэ» нельзя было сделать политическую карьеру. Я, когда слышу «хэ», пугаюсь, что мы опять съезжаем в ту эпоху».

Действительно, какая-то ненормальная эта фрикативная (от лат. *fricatio* — «трение») согласная! Образуется, понимаешь, в результате трения воздушной струи о края сближенных органов речи где-то там за кадыком, в гортани: «Г-х-х...» Бр-р, гадость!

То ли дело — «г» взрывное. Тут все нормально. Сначала происходит полная задержка воздушной струи и повышение в результате этого внутриротового давления. Затем, как гласит справочник по фонетике, происходит «резкое размыкание органов речи и прорыв воздушной струи в открывшийся проход с характерным шумом». И из прохода этак нежно и ласково: «Г-к! Г-к!»

Ну а если серьезно, то чистобердечное признание писателя наводит на грустные размышления. Два вопроса Василию Павловичу. Много ли он знает «хэкающих» в кремлевском руководстве? Ну Брежнев. Ну Горбачев. А еще кто? Ленин «хэкал»? Нет, картавил. Сталин? Тоже нет. С грузинским акцентом «гаварыл». Курянин Хрущев тоже вроде бы не «хэкал». Серединка на половинку. Зато сколько носителей чистейшего великорусского происхождения: Бухарин и Рыков, Молотов и Ежов, Маленков и Булганин, Косыгин и Сулов, Андропов и Лигачев... Романов, Устинов, Демичев, Соломенцев, Воронников, Зайков, Крючков, Янаев, Павлов, Язов... Нет, приедняется писатель. Можно было сделать кремлевскую карьеру и без фрикативного «г», очень даже можно!

И вопрос второй. Разве бесил Ва-

силия Павловича акающий московский говор, к примеру, Гришина? Думаю: нет, не бесил. Более того. Я полагаю, что Аксенов этого аканья и не замечал, словно бы его и не было.

Дело, следовательно, не в органической связи партократии с определенной артикуляцией, а просто в реакции Аксенова на сторонний выговор. И, как сказал бы кот Бегемот, я совершенно не понимаю причин такого резкого обращения с теми, кто употребляет фрикативное «г».

Как давно уже догадался проницательный читатель, автор этих строк — южанин. Верно. Выростал в в теплом украинском городе Кривой Рог. Среди друзей моего детства были болгарин Миша Кунев и поляк Юра Москалевский. Через дорогу жила немецкая семья, и все пять братьев Дотереров, которых по очереди учила моя мать, перебивали у нас в доме. Здоровенные, рыжие и краснощекие, они, видимо, страдали каким-то наследственным невосприятием математики, так что всех их приходилось натаскивать перед выпускными экзаменами. А еще Натан Борисович Шафир по соседству. А еще старенький бухгалтер Юлиус-Карл Юганович (популярному — Карл Иванович) Пломипу, которому почтальон носил «Циню», опоясанную бумажной лентой с напечатанным адресом. На улице Кремлевской сидел в будке чистильщик обуви ассирец («грек») по кличке Слива. Местный уроженец Бог знает в каком колене, он, однако, не являлся советским гражданином и охотно показывал всем любопытным документ со страшной надписью на об-

ложке «ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО ИНОСТРАНЦА В СССР».

В близлежащем железнодорожном поселке Долгинцево жили цыгане, сменившие первобытный кочевой образ жизни на социалистический оседлый, и этот поселок носил шуточное прозвище Цыганоград. И, разумеется, повсюду — русские.

Самым примечательным было то, что все эти люди не стеснялись публично, громко и, я бы сказал, радостно говорить по-своему. Юрку его бабушка звала ужинать через форточку по-польски. Пьяного Мишку отец материл по-болгарски. Натан Борисович говорил с одним акцентом, Карл Иванович — с другим, а Дотереры, не знавшие никаких языков, кроме немецкого и украинского, — с третьим. Русские тоже были разные. Таськин папа говорил по-орловски, а папа Алика Глушкова — по-сибирски. Тетя Катя, когда моя мать поймала ее Петьку за курением, отбивалась от «училки» по-рязански:

— Пуцьяй куря! На то и папярсы продають!

Пресловутое «г» звучало в городе моего детства во всех мыслимых и немыслимых вариантах — кажется, даже таких, которых нет в учебниках по фонетике. И, с детства привыкнув, что одни люди говорят так, а другие — эдак, я на все эти языковые нюансы не обращал ни малейшего внимания. Все эти люди для меня — клянусь! — были равны. Разные языки или там акценты я считал таким же естественным явлением, как разный цвет глаз или волос. И если бы Юркина бабушка звала его не по-польски, а хотя бы даже свистом в четыре пальца или, допустим, воробыным чириканьем, я лишь огорчился бы, что она не дала нам доиграть партию в буру, но никак не удивился. Ну принято у них так. Ну и что?

Когда же обстоятельства жизни занесли меня в Белокаменную, я быстро понял, что не во всех монастырях одинаковый устав. 1970 год. В магазине «Сыр» на улице Горького я прошу в очереди задремавшую женщину впереди: «Продвигайтесь, пожа-

луиста!» И тут же — резкий поворот корпуса, перекошенное лицо, передразнивание: «Продвигайтесь!» По-наезжают тут...»

И пришлось мне, значит, спешно учиться дикции. Как Элизе Дулиттл.

С тех пор я всегда мысленно ухмыляюсь, когда слышу известный тезис про «особый дар терпимости к другим нациям, не присущий более ни одному народу в мире», благодаря какому Москва, мол, стала объединителем других земель. Я все стараюсь понять — в чем выражается эта уникальная терпимость? В том, что на улицах Белокаменной не режут медленно людей с другим цветом кожи или с непривычной формой носа? Или говорящих на чужом языке? Да, не режут. Под Ярославлем, правда, линчевали нескольких цыган. Власть официально запретила чеченцам (то есть подданным своего же государства) селиться в городских гостиницах. Пожилая библиотекарша багровеет от ненависти при слове «еврей». Но — не режут. Пока.

А громко разговаривать на чужом языке в троллейбусе не рекомендуется. Это вам не Кривой Рог. Тут косые взгляды. И открыть хотя бы одну украинскую школу (на четверть миллион украинцев) или там татарскую (на 150 тысяч татар) — никак у столичных властей руки не доходят. Очень, знаете ли, трудно с помещениями. И с деньгами. Просто беда и с тем и с другим. В Киеве, Казани — другое дело. Там стоят новые пустые здания, на перекрестках валяются ничейные набитые деньгами сумки. Поэтому там больше русских школ, чем «коренных». А в Москве — нет. Где свободное здание, покажите его? Нет такого здания.

На низменных инстинктах даже зарабатывают на хлеб с маслом. Нет, я не имею в виду бесчисленных пародистов Брежнева — шут с ним, с бровастым. Но задумывался ли кто-нибудь о том, что талантливый «Необыкновенный концерт» Образцова, поставленный в приснопамятном 1946 году, построен на примитивной ксенофобии — высмеивании нелепых и глупых латиноамериканцев, цыган, французов и прочих? Одна современная столичная артистка всю жизнь изображает глупую «хэкающую хохлушку», приехавшую в Москву «с Днепропетровску». К чести моих земляков украинцев, у них пока хватает такта не выпускать на эстраду какого-нибудь Ваньку в телогрейке и ушанке, который размахивал бы руками и уверял, что он «с Масквы, с пасада, с авашнова ряда».

Сейчас все кричат об угрозе русского фашизма и удивляются: откуда? откуда?

Оттуда. От верблюда. Причем не от простого русского мужика, который сам говорит коряво и к другим не прислушивается, а от русской интеллигенции. Это она, так сказать, блюдет чистоту родной речи.

Ужасно мне жалко Аксенова. Ничему он в Америке не научился. Не заметил, что там начальник генштаба — негр, а недавний кандидат в президенты Рос Перо говорил с испанским акцентом. В чем-то Василий Павлович не отличается от той тетеньки из магазина «Сыр» или депутата российского парламента, который под одобрительный хохот зала заявил, что есть, мол, в нашем зале такие, что даже слово «Россия» правильно выговорить не могут. Сиономасоны, значит. Просто Аксенов нашел других врагов. Не картавых, так фриктивных.

Василий Павлович далеко-далеко не единственный. Редкое московское издание отказывает себе в удовольствии поглумиться над украинским языком. По мнению многих журналистов, слова «жовто-блакытний», «громадяне» или «мова» звучат ужасно мерзко и смешно. Можно, конечно, по-разному относиться к отделению Украины. Но ерничать ни к селу ни к городу над словами из другого языка — это, на мой взгляд, дурно пахнет. К примеру, слово «самостийный» обозначает всего-навсего «самостоятельный», и обзывать этим словом председателя российского Центробанка, желая таким лексическим средством его унижить или высмеять, — это значит глумиться прежде всего над украинским языком, который ни в чем не виноват. Нехорошо ведут себя и галицкие радикалы, которые письменно цитируют Тютчева в следующей форме: «Умом Расию не панять...»

Психологи объясняют, отчего такие страсти-мордасти. Это оттого, говорят они, что близкий язык кажется искажением своего собственного. Но вот почему-то одним кажется, а другим нет. Я, например, ни в жизнь не полезу срывать на Тверской вывеску магазина «Дары моря». А Михаилу Булгакову появившаяся после революции на Крещатике вывеска «Идальня» кажется «ошеломляющей» (очерк «Киев-город») — хотя, убей Бог, я не пойму: чем это слово хуже, допустим, слова «харчевня»?

Мы подошли к главному. Национальная толерантность, по моему глубокому убеждению, начинается с терпимого, спокойного отношения к чужому языку, стороннему акценту и проч. И тут в России, должен сказать, непочатый край работы.

Автору этих строк год назад довелось участвовать в работе совместной российско-украинской конфе-

ренции по вопросам культурного сотрудничества. И я был свидетелем тяжелой и грустной сцены...

Выступающие с обеих сторон говорили в основном по-русски, но кое-кто из украинцев говорил на родном языке. И вот, на второй день заседания, делегат с российской стороны, известнейший правозащитник Сергей Адамович Ковалев сидел, сидел, а потом перебил докладчика и неожиданно стал выговаривать: вот, дескать, говорим о культурном сотрудничестве, а некоторые лица, владея общепонятным языком, нарочно стараются говорить на языке непонятном, чтобы уколоть этим присутствующих россияни!

Наступила, как говорится, гнетущая тишина. Вячеслав Чорновил, который вел заседание, по-дружески обратился к Ковалеву:

— Сережа! А ты не думаешь, что кто-то не очень хорошо владеет русским языком и им просто легче говорить по-украински?

Чорновил был совершенно прав. По-украински говорили в основном немолодые галичане, которые ходили в школу еще тогда, когда Галичина входила в состав Польши, которые закончили львовские вузы и имели мало русской языковой практики.

— Ну да! — возразил Ковалев. — Так я и поверил, что ты не владеешь! Когда мы с тобой сидели в пермском лагере, на каком языке ты общался с конвоем?

— На русском, — честно ответил Чорновил.

— Вот видишь! — торжествующе заключил Ковалев. — А говоришь, что...

Помню, как находившийся рядом со мной третий известный правозащитник, тишайший и деликатнейший Евгений Сверстюк, по характеру чем-то напоминающий Андрея Дмитриевича Сахарова, задумчиво сказал:

— С конвоем мы всегда говорили на языке конвоя...

Инцидент общими усилиями удалось забыть. А мне было грустно оттого, что так реагировал на украинскую речь не обкомовец или бабуринец, а один из лучших людей России (да и Аксенов, ясное дело, относится далеко не к худшим), председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России. Так сказать, ум, честь и совесть. Теоретически он готов признать за собеседником-инородцем все его человеческие права. Но на уровне эмоций речь чужака его раздражает; в уголке подсознания у него сидит (может быть, сам Сергей Адамович этого даже не понимает): «Отчего этот тип разговаривает не на человеческом языке (т.е. русском. — В.К.), а на этом своем собачьем?»

...Аксенов оскорбляет украинцев и россиян-южан, приравнивая «хэканье», как он далее пишет, к меканию и беканию. Однако тезис «фрикативное «г» как признак низкой культуры» более чем спорен. «Хэкальщики» научили москвитян креститься тремя пальцами, ввели в Московии арабские цифры («Арифметика» Магницкого) и научили нумеровать страницы с двух сторон, основали театр, заложили основы новой литературы (Феофан Прокопович), внедрили тонический размер в стихосложении, светскую живопись (Левицкий, Боровиковский) и т.п.

Когда в 1861 г. в Московском университете решено было открыть кафедру философии, единственным человеком в России, достаточно подготовленным, чтобы занять эту кафедру, оказался профессор Киевской духовной академии Памфил Юркевич. Он и был переведен в Москву, воспитав целую плеяду славных учеников, в числе которых, между прочим, был и автор т.н. русской идеи В.С.Соловьев.

Другой известный ученик Юркевича, В.О.Ключевский, вспоминал: «Вот раступаются толпы... На кафедру входит маленький человек... Не садясь, стоя, начинает говорить экспромтом с сильным хохлацким акцентом».

С фрикативным «г», значит. И Гоголь так же говорил. И Чехов. Видимо, неважно все же — как говорить, важно — что. А не приходилось ли Аксенову встречаться в США с генералом Григоренко? Если да — не напугал ли его Петр Григорьевич тем, что не имел привычки «задерживать воздушную струю во рту», не почувствовал ли писатель «съезжания в ту эпоху»? Ведь по Аксенову выходит,

что генерал Стерлигов лучше, чем генерал Григоренко: у первого, по крайности, «г» свое, родимое...

По неведению Аксенов оскорбляет даже Всевышнего. Ведь в российских церквях, куда храмовое пение было занесено в XVII веке украинцами, по сей день традиционно поют не «Косподи, помилуй!», а «Хосподи, помилуй!». И — о, ужас! — фрикативное «г» коварно прокралось даже на страницы произведений самого Василия Павловича. Ведь писатель произносит «каво», а пишет «кого» — потому что в основе русского правописания со времен Михаила Федоровича Романова и по сей день лежат принципы, заложенные киевским ученым Мелетием Смотрицием в его «Грамматике словенскую», а она, ясное дело, приспособлена не к великорусскому, а к украинскому произношению. Поэтому украинцы пишут точь-в-точь, как говорят, а Василий Павлович вынужден коверкать родной язык.

Могут указать, что Аксенов — художник слова и его раздражает нарушение правил литературного произношения. Здесь все не так просто. Автор этих строк, конечно, не равняет свои скромные способности с талантом Василия Павловича. Зато у меня есть одно преимущество. Аксенов по образованию врач, а ваш покорный слуга до ВГИКа пару лет изучал русскую филологию в Херсонском пединституте. И мне известно, что южное «хэканье» существует еще с праславянских времен. Владимир Святой и Ярослав Мудрый, Нестор-летописец и безымянный автор «Слова о полку Игореве» — все они дружно «хэкали». Конечно, это известно не потому, что сохранились магнитозаписи их бесед. Просто лингвисты умеют анализиро-

4 N 4 P 8 H N 4

Подпись Анны Ярославны, королевы Франции, на одной из грамот. 1063 год

вать древние тексты. Так, уже в киевском «Изборнике» 1073 г. не шибко грамотный переписчик то и дело шпарит «ходь» вместо «годь», чего, например, в суздальских летописях ни разу не отмечено. В галицких грамотах, написанных латинскими буквами, вместо *g* употребляется *h*. Ярославна — королева Франции, которую благодаря артистке Лене Корневой считают эдакой типичной московской чувихой, на самом деле хэкала, как Кравчук: подписывалась (кириллицей) «АНА РЪИНА» (Anna regina, т.е. Анна королева), выпуская *g*, потому что в ее языке просто не было буквы для обозначения такого звука.

В Древней Руси нормой считалось именно киевское произношение, окающее (шведское *Ингвар* в Киеве переделали на *Игорь*) и хэкающее, свойственное и сегодня украинскому языку. Обе названные особенности сохранил и новгородский говор, этот реликт древнерусского языка. А вот акающие говоры (современная русская литературная норма) есть как раз искажение языка Древней Руси, которая в точном значении этого слова располагалась в границах среднего течения Днепра.

«Обруселая чудь, — пишет Ключевский, — ...портила говор, внося в него чуждые звуки... В говоре владимирском мы видим первый момент порчи русского языка под финским влиянием, а говор московский представляет дальнейший момент этой порчи». (Исторические портреты. М.,

1991, с. 47). Ну да. Помните героя райкинского скетча, который «приехал из Петросавотск»? Это же его акцент: «Катлетта нетту, таво нетту, еттаво нетту...» И он не говорит, а кафарит (путание глухих и звонких г-к, в-ф).

Затем вследствие политического диктата победителей, московских государей, искажение стало нормой: «Правильно говорить так, как мы говорим». И московский стандарт навязывался Новгороду и Киеву простыми полицейскими мерами: сожжением книг «неправильной печати», всякими там валуевскими указами и проч.

Последний пример. Вот одесит Аркадий Львов, тоже писатель и тоже проживающий ныне в США. Много лет проработал в школе на Западной Украине, учил украинских детей. А сегодня, точно так же, как и Аксенов, иронизирует над украинским произношением. Выражая свое несогласие с какими-то действиями киевских руховцев, он кривляется: «Тамошние «дэмократы»... («Столица», 1991, № 43). Но опять-таки: древние киевляне согласные перед е, и произносили как раз твердо, как сегодня украинцы. Они говорили *дэрэва, шэломы* — хотя кириллическая графика и не отображает этого явления, т.к. э оборотное было введено в азбуку только в XVIII веке, но лингвисты установили это опять-таки на основании косвенных данных: иначе, говорят они, *ѣ* в украинском языке перешло бы не в *і*, а в *и*. Во времена князя Игоря также говорили и писали «*Кыев*», а не «*Киев*»:

Звениць слава въ Києвѣ...

Таким образом, имеем парадокс: русский писатель глумится над языком «Слова о полку Игореве», «величайшего произведения русской литературы».

...Но, может, я просто придрался к этим двум русским американцам? Может, просто захотелось мне вспомнить юность, Херсонский пединститут и все сказанное — мелочь, пустяки?

Нет, не пустяки. Развалился Советский Союз. Всем известно, какую роль в этом процессе сыграла Украина. Московская пресса — от крайне правой до крайне левой — дружно жует один и тот же полусушой бифштекс: независимость Украины — выдумка киевской номенклатуры, а простой народ, мол, и т.д. При этом стыдливо умалчивается, что не только Кравчук-сатана, но все шесть кандидатов на пост президента Украины включили в свои предвыборные программы пункт о независимости республики, что на референдуме 1 декабря 1991 г. свыше 90 процентов проголосовало за независимость.

И далеко не последнюю роль в этом сыграло отношение официальной и неофициальной Москвы (а до этого —

Петербурга) к украинскому языку и разные лингвистические забавы вроде тех, что я здесь процитировал.

Непонятно? Ну, представьте, что спода московские литераторы, что политический центр России переехал в Нижний и за норму теперь признано волжское оканье. И осуществляющие власть окающие «старшие братья» с утра до вечера показывают вам язык, представляют рожки к голове, улюлюкают:

— Уй, блин! «Карова!» Тьфу! «Малако!» Гы-гы-гы!!!

Не пошлете ли вы этих «старших нижегородских братьев» на хутор бабочек ловить? Боюсь, пошлете...

Умный русский человек Георгий Федотов в эссе «Судьба империй» (1947) дал точную характеристику тому, что называется имперским сознанием. Оно питается, указывал философ, не столько интересами государства, а еще менее народа, «сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилием над слабым». Этот языческий комплекс, предупреждал Федотов, в XX веке не пройдет!

Как об стенку горохом...

Распад СССР — очень серьезный сигнал. Казалось бы, самое время собраться российскому истеблишменту, почесать затылки да и призадуматься... Не тут-то было. Засевшие в Кремле депутаты продолжают наслаждаться своей властью — теперь уже в границах России. «Какая еще там Российская Федерация?! — грозно вопрошают они. — Не будет так называться наша страна! Не будет!»

А популярный русский сатирик ловит свой маленький кайф от унижения слабого. «Говорят, что Мордовия собирается вести свою денежную единицу, — хохмит он по ЦТ, — и самая мелкая купюра у них будет называться «одна морда». Внешняя реакция депутатов от автономии вполне корректна: «Да, собираемся. Просим вашего согласия воспроизвести на этой купюре ваш портрет». Ну а что там у «лиц мордовской национальности» внутри делается, в душах — догадайтесь сами. И вот уже и из Саранска показывают шиш Москве — дело президента Гусляникова.

Что ж, можно развлекаться дальше. Украинская опасность миновала, но остались еще фрикативички на Дону, на Кубани, в Ставрополье. Добить. Потом взяться изводить архангельцев с их противным цоканьем (*цаска, пецка*). Ну их всех к лешему!

И останутся москвичи с одним лишь чудесным акающим замоскворецкомхатовским говором. В границах Ивана Калиты.

Юрий УСТИМЕНКО

БИЛЛ КЛИНТОН. УТРО НАЧИНАЕТСЯ С ПРОБЕЖКИ

Рабочий день президента США, за редким исключением, начинается рано утром с пробежки от Белого дома к Капитолийскому холму и обратно. После легкого завтрака (Билл Клинтон следит за фигурой) приходят помощники по вопросам разведки с информацией о ситуации в «горячих точках» планеты и важнейших событиях внутри страны. За ними появляется руководитель аппарата сотрудников Белого дома, улыбочный и общительный Томас Макларти, для уточнения программы на предстоящий день и обсуждения злободневных проблем. Эти совещания проходят при участии вице-президента Альберта Гора, чтобы второй человек в государстве был в курсе и не чувствовал себя обойденным вниманием.

При новом хозяине в жизни Белого дома произошли перемены. Во всех помещениях введен запрет на курение. В залах и коридорах не слоняются «звезды» экрана и сцены, как было при Рональде Рейгане, и само здание не служит подмостками для популярных исполнителей. Чета Клинтон пока не устроила ни одного торжественного и пышного ужина для главы иностранного государства, прибывшего с визитом в Вашингтон.

Президент подобрал команду, в которой, впервые в истории США, белые мужчины в меньшинстве. Многие решения выносятся не в зале заседаний кабинета министров с огромным столом и высокими кожаными креслами, как это было прежде, а в «комнате Рузвельта», прозванной так за висящий на стене портрет Теодора Рузвельта. Помещение это поменьше, но более уютное и располагает к свободной дискуссии и спорам, что обычно и происходит, к радости Билла Клинтона. Не любит 46-летний президент казенной атмосферы и не выносит советников, не имеющих собственного мнения и не способных его отстаивать.

Распорядок работы планируется обычно на месяц вперед и включает заседания кабинета министров, беседы с лидерами конгресса, публичные выступления в Вашингтоне и других городах, официальные приемы и встречи. Билл Клинтон, по словам близко знающих его людей, больше всего опасается, чтобы его резиденция из места работы не превратилась в место заточения, и поэтому настаивает на том, чтобы его программа позволяла поддерживать постоянный контакт с самыми разными людьми.

По меньшей мере пару вечеров в неделю он проводит вне дома, у друзей или в ресторане, и редкий выходной в Белом доме проходит без гостей. В обычные дни в половине восьмого вечера Билл Клинтон обедает с семьей, а потом помогает своей 13-летней дочери с домашними заданиями, решает кроссворды или вместе с семьей смотрит новый фильм. Для сна президенту требуется не более 5—6 часов.

При всей, казалось бы, невозможности нарушить строжайший график, Билл Клинтон предпочитает эксперимент заведенному порядку. Он, как правило, не вписывается в отведенные ему временные рамки. Среди журналистов, аккредитованных при Белом доме, бытует выражение «время по Клинтону», а это означает, что вежливость королей президенту не свойственна и его ручные часы, надо полагать, служат всего лишь украшением. Он может опоздать на запланированное мероприятие на несколько минут или на пару часов. Говорят, Хиллари Клинтон, готовясь к приему, обычно отправляет мужу записку: «Я готова. Уточни, сколько ты опоздаешь».

Примерно так же — с некоторой задержкой — идет процесс выработки решений новой американской администрации. Билл Клинтон не принадлежит к числу людей, которые вначале стреляют, а потом целятся. Он

взвешивает каждое слово и всесторонне обдумывает каждый шаг до того, как перейти от слов к делу, что позволяет критикам приписывать ему медлительность и даже нерешительность. Но, скорее всего, он просто старается избежать ошибок, потому что ошибок и непродуманных действий президенту в Америке не прощают.

Особенно в то время, когда широко комментируются итоги его деятельности на старте. Так уж повелось. Цыплят по осени считают, а политический дебет с кредитом принято сводить после первых ста дней. Тем более что Клинтон в свое время обещал: первые сто дней будут ознаменованы «самыми действенными мерами». Однако позднее счел нужным заметить, что президентов в Соединенных Штатах избирают не на три месяца, а на четыре года. В общем, дал понять, что с окончательными выводами спешить не следует. В конце концов президентами не рождаются, их избирают и многому приходится учиться на ходу, уже в Белом доме.

Отсюда довольно разноречивый список достижений и промахов и неоднозначная реакция избирателей. Если верить последним опросам общественного мнения, популярность Клинтона сегодня ниже, чем у его недавних предшественников за тот же период работы. В какой-то степени это можно объяснить несколькими натянутыми отношениями президента с прессой. Билл Клинтон — первый глава администрации, жизнь которого складывалась под воздействием телевидения (его семья приобрела телевизор в 1956 году, когда Биллу было 9 лет). Президент явно благоволил к электронным средствам связи и отказывается подыгрывать запросам вашингтонских журналистов, что больно ударяет по самолюбию ветеранов и отбивает у них охоту давать Клинтону лестную характеристику.

Ругать его пока особо не за что, и пишущая братия, лишенная президентской ласки, распускает разные слухи. Утверждают, что в семье Клинтонов-де не все благополучно и Хиллари время от времени швыряет в мужа тяжелыми предметами, когда исчерпаны иные аргументы. А тот временами шутит, что, мол, наконец-то стал зарабатывать больше своей

супруги, сделавшей неплохую карьеру в адвокатской конторе. Домыслам и сплетням верят чаще, чем авторам серьезных статей, что невольно скажется на итогах опросов.

Как бы то ни было, согласно исследованию общественного мнения, проведенному в конце апреля информационным агентством Ассошиэйтед Пресс, большинство его участников (68 процентов) полагают, что Клинтон сделал за сто дней примерно столько, сколько и можно было от него ожидать. Но по другим вопросам оценки резко расходятся: 44 процента американцев уверены, что новый глава Белого дома «задал верный тон» своей администрации, а 40 процентов — придерживаются противоположного мнения. Почти каждый второй считает Клинтона «сильным лидером», и почти столько же — 48 процентов — упрекают его в том, что он слишком часто нарушает предвыборные обещания. Главным среди них, фактически решившим судьбу кандидата демократической партии на президентских выборах, была экономическая программа, призванная вернуть американцам былую

Чтобы
тело
и душа
были
молоды...

стабильность и благосостояние. Вскоре после инаугурации новый президент блестяще выступил с изложением своих планов на совместном заседании обеих палат конгресса и произвел самое благоприятное впечатление на законодателей, отметивших его эрудицию и знание предмета, способность легко и убедительно оперировать цифрами и фактами.

На волне первого успеха Клинтон добился принятия конгрессом в рекордно короткие сроки своего бюджетного плана, который формулирует экономическую стратегию и предусматривает существенное сокращение дефицита федерального бюджета. Верхняя палата быстро и почти без пререканий одобрила всех представленных президентом кандидатов на высшие посты в администрации. Была накладка с министром юстиции, но никто не винит в том Клинтон.

В апреле его постигла первая неудача на Капитолийском холме. Республиканцы в сенате, недовольные тем, что администрация с ними предварительно не проконсультировалась, устроили obstruction президентской программе создания новых рабочих мест и вынудили его от нее отказаться. Это произошло несмотря на то, что демократы обладают большинством в обеих палатах конгресса и в свое время Клинтону предрекали «медовый месяц» в отношениях с парламентом.

Не получилось. Значит, не удалось заручиться поддержкой консервативно настроенных демократов в сенате и с ними нужно еще работать, убеждать в правильности избранного президентом пути.

Естественно, легче всего было бы свалить неудачу президентской команды на непримиримую оппозицию, встать в позу и заявить, что политические противники демократов мешают работать, препятствуют реформам и норовят пробиться к власти. Более того, при этом американский президент не очень бы погрешил против истины, поскольку республиканцы и не думают скрывать своих намерений вернуться в Белый дом при первой же возможности. Но Билл Клинтон избрал иной путь. Он извлек урок из случившегося и принял решение чаще консультироваться с оппозицией перед тем, как выносить свои проекты на публичное обсуждение.

«Я неверно рассчитал, — признался Клинтон, когда пришли вести из сената. — И я надеюсь, что на будущее это послужит мне уроком. Выходит, для перемен требуется больше времени». Осознание своей ошибки — это, по сути, гарантия ее неповторения, и в ответ лидеры республиканцев заявили о готовности к сотрудничеству

с президентом и пожелали ему успеха при условии, что он будет учитывать их мнение — не повышать налоги при одновременном росте государственных расходов.

Оказалось, договориться можно при наличии обоюдного стремления к выработке взаимоприемлемого решения. «Первые 100 дней уйдут в историю, — сказал лидер республиканцев в сенате Роберт Доу. — А мы хотим смотреть вперед и готовы действовать позитивно... Мы останемся конструктивной силой в американской политике в следующие 100 дней».

Однако Клинтон подстерегали не только внутренние проблемы. По понятным причинам бывший губернатор штата Арканзас не может похвастаться большим опытом международной работы, на что не уставали указывать его оппоненты в ходе предвыборной кампании. Американцы, видимо, рассудили, что не это главное, и отдали свои голоса Клинтону, а он с первых шагов в Белом доме столкнулся, кроме всего прочего, с непредсказуемой, запутанной и взрывоопасной ситуацией в России, которая требовала уточнения американской позиции.

В свое время Джордж Буш заявил о поддержке российских реформ и даже провел через конгресс план помощи России, хотя из ассигнованной на эти цели суммы на деле немного было истрачено. Создавалось впечатление, что тогдашний президент не мог для себя решиться, в какую сторону податься. По-иному повел себя Билл Клинтон. «Мы, — сказал он недавно, — не можем себе позволить остаться в стороне от схватки. Я знаю, что опросы общественного мнения показывают, что президент Соединенных Штатов не должен был тратить свое время и деньги американских налогоплательщиков на Россию, но, при всем уважении к чужому мнению, я с ним не согласен. Там, в России, решается и наше будущее».

Билл Клинтон не только разработал конкретный план содействия российским реформам, но и выступил инициатором совместного с ведущими индустриальными державами мира проекта помощи России. При этом президент США занял недвусмысленную

позицию поддержки президента Ельцина в его начинаниях и его трудностях. Он дал ясно понять, что Ельцину нет альтернативы и что Соединенные Штаты не меньше россиян заинтересованы в сохранении курса на радикальные преобразования в стране, которую недавно величали «главным потенциальным противником Америки».

Конечно, непросто убедить американцев в правильности избранного курса в отношении России, потому что у США есть свои нерешенные экономические проблемы, требующие огромных затрат. Да и не привыкли в Америке бросать деньги на ветер, ожидают отчета за каждый доллар, вложенный в иностранную помощь. Судя по опросу общественного мнения, проведенному в конце апреля телекомпанией Эй-би-си и газетой «Вашингтон пост», Билл Клинтон справился с поставленной задачей: 70 процентов опрошенных одобрили его политику в отношении России. Осталось убедить конгресс, которому предстоит выделить средства под обещанные проекты.

В общем, еще не вечер. Билла Клинтон ожидают новые нелегкие дебаты на Капитолийском холме, в том числе по главному пункту его программы перемен — проекту радикальной реформы системы национального здравоохранения, и от исхода голосования во многом зависит судьба новой администрации. Наверняка возникнут иные вопросы и проблемы, по сравнению с которыми первые сто дней могут показаться «медовым месяцем».

Однако уже сейчас профессор политологии из Техасского университета Брюс Бьюкенен готов отдать должное администрации Клинтон, поскольку у президента «есть своя программа и он энергично проводит ее в жизнь, а это, несомненно, немалое достижение для человека, которого еще год назад никто не знал».

Думается, Билл Клинтон имел все основания заявить по истечении своих первых ста дней: «Мы в корне изменили направление деятельности американского правительства. Мне кажется, у нас неплохо получается и мы следуем верным курсом».

ГОСПОДА!
К Вашим услугам
очаровательные массажистки
в любое удобное для Вас время.

374-19-05

БЕЗ РАБОТЫ НЕ ОСТАЛИСЬ...

После переезда в Белый дом чета Клинтон не забыла позаботиться о «трудоустройстве» няни, которая несколько лет ухаживала за их дочерью Челси. Как сообщил недавно американский журнал «Ньюсуик», 22-летняя Хелен Дики принята на работу в Белый дом в качестве «сотрудницы протокольного отдела» (с предоставлением ей там жилой комнаты, между прочим).

Поскольку 13-летней дочери Клинтон няня уже не очень-то и нужна, Дики, видимо, будет отвечать на многочисленные звонки и письма, а также помогать при проведении официальных приемов и частных вечеринок. Ее оклад составляет около

20 тысяч долларов в год.

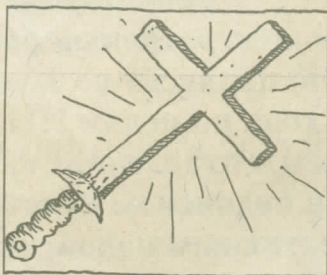
На переезде Дики в Белый дом, пишет «Ньюсуик», настояла сама первая леди Америки, которой очень хотелось бы, чтобы Челси в Белом доме могла бы видеть «знакомое лицо». По словам пресс-секретаря Хиллари Клинтон — Лизы Капуто, няня Челси действительно стала как бы членом семьи Клинтон. Вероятно, этим можно объяснить и тот факт, что одновременно с Хелен в Белом доме была «трудоустроена» и ее мать, Робин Дики, назначенная пока на должность заместителя директора отдела посетителей.

Одно слово — семейственность, как с ней ни борись.

Челси и Хиллари Клинтон.

ДОХОДЧИВАЯ ПРОПОВЕДЬ...

Если до прихожанина не доходит слово Господне, то его следует осенить крестом, и чем сильнее — тем лучше. Так, видимо, рассудил священник из аргентинской церкви святого Хуана Марона.

Во время службы, сообщает информационное агентство ЭФЭ, священник Пьер Саад обратился к одному из прихожан с настоятельным требованием покинуть храм, пос-

кольку тот-де допустил «оскорбительные слова» в адрес священнослужителя. Когда же прихожанин приблизился к алтарю с тем, чтобы объяснить батюшке и всем присутствующим мотивы своего поведения, святой отец вознес вверх свой тяжелый бронзовый крест и со всей силы опустил его на голову «еретика».

«Оскорбительной и небогоугодной», отмечает ЭФЭ, счел священник просьбу прихожанина рассказать, куда и на что уходят обильные пожертвования верующих. Как выясняется, задавать такие вопросы священнослужителям не только нетактично, но и небезопасно.

А прихожанину с разбитой губой и огромной шишкой на лбу все же пришлось покинуть стены церкви, так и не дослушав слово Господне.

Уж больно доходчивой оказалась проповедь.

НУЖНОЕ, ОЧЕНЬ НУЖНОЕ ПОСОБИЕ...

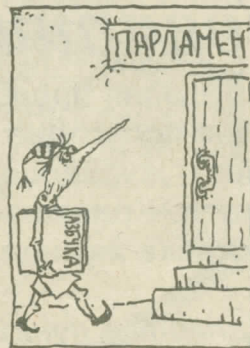

Рис. А.Зайца

Как должен и как НЕ должен вести себя депутат парламента? Вопрос, конечно, интересный. В поисках ответа на него в недрах парламента Таиланда было подготовлено «Пособие по этике» для тайских политиков, которое может оказаться полезным и для законодателей других стран.

Документ сей предписывает депутатам иметь хорошие манеры, быть вежливым, не бросаться словами, отвечать за свои заявления и поступки. Поездки за рубеж предписывается совершать только по служебным делам (если они осуществляются за государственный счет), а не для осмотра достопримечательностей и получения других удовольствий.

Составители столь необходимого, по оценкам специалистов, документа не требуют от депутатов грамотности, четкости выражения мысли и правильности произнесения слов, поскольку исправлению этих столь характерных для нынешних политиков (оказывается, не только у нас) изъянов решено помочь само правительство. Не так давно оно подготовило списки наиболее часто употребляемых политических и экономических терминов и выражений с расставленными в них ударениями и распространило эти списки среди министров и других высокопоставленных работников, включая парламентариев.

Редакция еженедельника «Столица» сообщает:

Товарищество «Криница»

до 15 июня проводит подписку на печатные издания на 2-е полугодие 1993 года и обеспечивает доставку газет и журналов, в том числе и журнала «Столица». Услуги «Криницы» вдвое дешевле, чем услуги почты! Доставка журнала гарантируется точно в срок!

Подписные пункты «КРИНИЦЫ»

- СОЛНЦЕВСКИЙ РАЙОН
Солнцевский проспект, д. 5 (в магазине «Досуг»)
ул. Лукинская, д. 5 (м. «Проспект Вернадского»)
- ДАВЫДКОВО
Славянский бульвар, д. 7, корп. 2 (РЭУ)
- ЯСЕНЕВО
ул. Паустовского, д. 2, 2-й этаж, комн. 3 (РЭУ)
- НОВО-ПЕРЕДЕЛКИНО
Боровское шоссе, д. 19, кв. 4 (депутатская комната)
ул. Скульптора Мухиной, д. 3, подъезд 1
ул. Новоорловская, д.4 (поликлиника № 197)
- ТЕПЛЫЙ СТАН, 9-й микрорайон
Ленинский проспект, д. 127 (школа)
- ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН
МЖК «Кожухово» (м.«Автозаводская»), комната РЭУ

Научно-производственная фирма (НПФ) «Модуль»

(Южный административный округ)

проводит до 12 июня альтернативную подписку на журнал «Столица» на 2-е полугодие 1993 года по ценам НИЖЕ, чем в отделениях связи.

Журнал будет храниться в подписном пункте до востребования, а жителям и коллективным подписчикам микрорайона «Москворечье» по их желанию он будет доставляться в удобное время.

● Адрес подписного пункта:

ул. Москворечье, д.55, корпус 2 (видеосалон).

По вторникам, четвергам и субботам с 12 до 17 часов.

Тел. 923-74-58 с 11 до 17 часов (НПФ «Модуль»).

189-69-61 с 18 до 21 часа (контактный телефон).

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

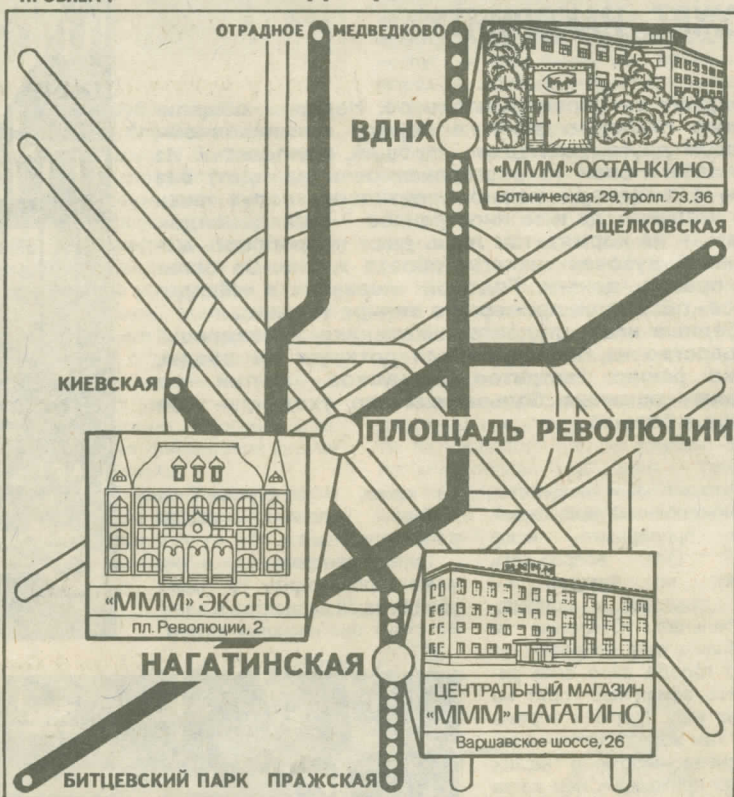
Если Вы имеете
возможность
приехать за нашим
журналом в редакцию,
мы подпишем Вас
на второе полугодие
1993 года
по льготной цене:
780 рублей
(на полгода)
или 390 рублей
(на квартал)

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:
Петровка, 22
(вход с Рахмановского
переулка),
комната № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

**К НАМ ДОЕХАТЬ НЕ ПРОБЛЕМА.
ВАМ ПОМОЖЕТ ЭТА СХЕМА!
ТОВАРЫ ВЕДУЩИХ ФИРМ МИРА И СНГ**

«МММ»-ОСТАНКИНО с 10 до 19, кроме воскр.
«МММ»-ЭКСПО с 9 до 18, кроме пон.
«МММ»-НАГАТИНО с 9 до 19, кроме воскр.

111 00 65
111 20 70

Хороший отдых на Черном море

Пансионат «Альфа»

(п.Бетта Геленджикского р-на)

Финские домики, утопающие в зелени.

Воздух, который жалко выдыхать.

12 дней — \$ 65.

Пансионат «Нева»

(санаторного типа, г.Сочи)

24 дня — 120 тыс.руб.

☎ 292-47-08

Внимание! Бронезилеты рекомендуем носить в Москве.
В Сочи вас надежно защитят плавки.

ОТДАДИМ МОСКВУ ФРАНЦУЗАМ — МОЖЕТ, НАКОРМЯТ?

Общепит — слово ругательное. Недаром общепитовскую столовую зовут в народе «тошнилковкой», «бывшим другом желудка», «прощай, молодость». Из всех забегаловок (о ресторанах речь не идет) без спазм в пищеводе можно произносить вслух лишь одно название, да и то иностранное — «Макдоналдс». Но там — не кормят, там лишь дают попробовать ма-ленький кусочек «ихнего» образа жизни. За большие, правда, деньги. Рядовой «перекус» в «Макдоналдсе» обходится примерно в четыре тысячи...

А бедные наши студенты, школьники, детсадовцы! Государство из последних сил дотирует им обеды, однако ранних гастритов, пропусков занятий «по справке», маминых больничных «по уходу» — все больше и больше.

Но что же наши «новые люди», предприниматели, жаждущие преобразить нашу жизнь? Они возрождать общепит не берутся — бремя тяжелое, а прибыль сомнительная. Столовые и закусовые тихо исчезают из нашего города, зато огни ресторанов заманчиво горят на каждом углу, будто и впрямь — нас там ждут...

И снова забота о наших животах приходит к нам из-за рубежа. От французов.

Известная фирма «SODEXHO», заполонившая полмира своими обедами, пишет письма мэрам Москвы и Санкт-Петербурга, выражает свою готовность накормить наш народ: «ежедневно в 40 странах нами производится около 2,5 миллиона обедов для школьников и студентов, рабочих и служащих предприятий и учреждений, для пациентов клиник и госпиталей, для жилых баз на крупных стройках и нефтяных месторождениях».

Французы предлагают нам обеды из четырех блюд: салат на выбор, бифштекс или шницель, сыр или йогурт, фрукты или пирожные. Стандартный метод, с помощью которого «SODEXHO» кормит мир, — строительство в городе центральной кухни по собственным технологиям, с собственным ноу-хау, с особой системой охлаждения — «холодная цепь при плюсовой температуре». Это значит: не будет отравлений, поскольку гигиена — на высоте, белки и витамины — в сохранности. К тому же обеды можно доставлять даже в школы, не имеющие сво-

ей кухни, и разогревать в любых условиях нашей действительности.

Такая центральная кухня может производить 15 тысяч обедов из 30 вариантов в день. Но стоит она немалых затрат.

Причем с обеих сторон — и с французской, и с нашей...

Во всем мире заказчиками фирмы «SODEXHO» являются мэрии и городские власти, у нас же надежда только на состоятельных людей, на спонсоров. А потому коллективные обеды по-французски пока, увы, будут доступны лишь избранным.

В Москве французам удалось сделать первый пробный шаг — приступить к созданию кухни по технологии «SODEXHO» на базе фабрики-кухни МИИТа. Нашлись партнеры — Русский предпринимательский дом. Французы вкладывают валюту

иностранные представители в Москве уже заключили с «SODEXHO» договоры на первые 500 обедов...

А студенты того же МИИТа питаются пока за 60 рублей в день, и никто не может сказать, какова реальная цена студенческого обеда. Ни один общепит столицы, как выяснилось, не знает про себя такой правды. Себестоимость же обеда «SODEXHO» 3,70 доллара. Прибыль можно делать лишь на обороте, да и Москва войдет во вкус тогда, когда дело будет поставлено «на конвейер».

Если вслед за первым шагом «француза» по Москве последует второй, если у какой-то школы, института, госпиталя найдутся спонсоры, готовые финансировать проект, — французы обещают со временем поднять наш общепит до своего уровня, накормить не только импортного, но и отечественного жителя Москвы.

А вообще-то «общепитовский» бизнес во всем мире считается делом прибыльным. Человек ведь может обойтись без машины, не купить новой одежды, но уж поесть-то он должен всегда...

А.Е.

Зато цена одного обеда обывателю покажется грандиозной — четыре доллара. Что ж, на Западе это считается самым недорогим удовольствием. Да и здесь, например, в Центре международной торговли, пообедать среди бела дня обходится в 4—5 тысяч рублей. Словом,

СОМ РАСЦВЕТАЕТ ПО ВЕСНЕ, А МАНАТ — ПО ОСЕНИ

Рублевое пространство продолжает сужаться, подобно шагреновой коже. Еще недавно все это пространство обещивали, хоть и с трудом, печатные станки Гознака, теперь на СНГ работают именитые западные фирмы, которым выпало выгодное дело — оттиснуть требуемое количество невиданных доселе валют.

Валюты эти, естественно, друг на друга не похожи: где зверюшки резвятся, где — красоты родного края или исторические памятники. А президент Туркменистана Сапармурад Ниязов обрадовал своих подданных сообщением, что на купюрах достоинством в 500 и 1000 манатов будет изображен лично он, президент. Манат — валюта независимого Туркменистана, которая, видимо, войдет в оборот осенью этого года.

А нынешней весной, как известно, родился киргизский сом. Крепкий такой, в 200 раз крепче рубля и всего в четыре раза слабее доллара. Впрочем, поживем — увидим. Новые национальные валюты частенько быстро увядают: во-первых, как ни крути, а экономические и финансовые отношения стран СНГ завязаны плотно, в центре их все равно — наш хиреющий рубль; во-вторых, миллионы долларов, которые выделяет Запад для поддержания на плаву новых валют, имеют особенность заканчиваться прежде, чем новички смогут плыть самостоятельно, не захлебываясь в волнах инфляции.

Тем временем рубли, ставшие вроде бы ненужными в ближнем зарубежье, держат путь на родину, в Россию. Киргизия, к примеру, собирается передать обмененную на сомы рублевую массу Москве в счет погашения государственного долга. Хотя никто не берется сказать, какую часть имевшихся у них «деревянных» киргизы успели (или захотели) обменять. Вернее, сколько не обменяли. Осторожные оптимисты говорят, что на руках остались сотни миллионов рублей, пессимисты — что многие миллиарды. В любом случае эта рублевая масса потечет в Россию своими путями, усиливая финансовое давление на российский рынок.

Безусловно, киргизский сом и туркменский манат — не последние в списке суверенных валют. Где-то, как в Грузии, пока рядом с рублем ходит времен-

ная «полувалюта», где-то уверяют, что ни о чем таком не думают, но... Центральный банк России все равно не вынесет на своих рублевых плечах все экономические передрыги бывших советских республик. Нам самим уже нулей на купюрах не хватает, скоро полюбуемся на 50-тысячные банкноты, а к осени грозят и 100-тысячную показать.

Пока, правда, помалкивают о собственных валютах субъекты Российской Федерации (исключение — Чечня, но она и не субъект). Их борьба с Центром идет сейчас в другой плоскости, на другом — «конституционном» — поле. Но если процесс пойдет по тому же пути, что и в бывшем Союзе, рубль может остаться средством платежа разве что в Москве и Московской области. Вон и вологодские нардепы провозгласили свою область «суверенным государством в составе РФ». (Почему, кстати, не наоборот? Как бы красиво звучало: «Российская Федерация — суверенное государство в составе Вологодской области!») А суверенитет, он, извините, денег требует.

В.С.

Рис. А. Зайца

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПАЛОЧКИ-ВЫРУЧАЛОЧКИ

Чтобы из сырья получалась готовая экспортная продукция, надо только немного поработать ножиком. Именно так решили на одном из заводов Хабаровского края и принялись изготавливать палочки, которыми, как известно, едят китайцы. Леса много, операция нехитрая и помешать ожидаемому обогащению может только одно — вдруг китайцы начнут есть вилками и ложками?!

Я В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ ПИЛ ИЗ СКВАЖИНЫ СОК...

Весной многие операторы татарских нефтепромыслов берут с собой на работу посуду для сбора березового сока. В этом году, однако, дары альметьевского леса оказались подпорченными. Прекрасный природный напиток явно отдает серой. Какие еще замеры и анализы нужны для того, чтобы покорители недр задумались над результатами собственного труда?!

НЕТ — РЕКЛАМЕ! БЕСПЛАТНОЙ

Уличная реклама — дело, конечно, хорошее. А вот бесплатная уличная реклама — как раз наоборот.ласти Екатеринбурга начали решительную борьбу с этим безобразием, постановив в кратчайшие сроки издать проспекты и площади города от нигде не зарегистрированных «халявных» щитов и трафаретов. Либо плати. Либо не порти ландшафт.

По мнению местных наблюдателей, улицы Екатеринбурга стали выглядеть намного скучнее.

НЕСУНЫ — ОНИ И В АНглиИ НЕСУНЫ

Мы почему-то считали, что мелкий ворюшка, расхищающий «народное добро», — это наше явление, родное, совковое. Но издающаяся в Великобритании газета «Индепендент» сообщила, что жители туманного Альбиона тоже не прочь поправить свои финансовые дела за счет государства. Именно из государственных больниц британцы ежегодно утаскивают разного имущества на сотни миллионов фунтов. Ассортимент уворованного широк — от чайников и постельного белья до кресел-каталок. Так что к «народному добру» народ везде относится как к собственному.

Сенсационное заявление вице-президента России о коррупции в высших эшелонах и о грабительских для страны сделках по «красной ртути» и редким металлам сенсацией казалось, пожалуй, лишь одному вице-президенту. Народ привык и к разоблачениям, и к самой коррупции во всех эшелонах. Интеллигенция привыкла, что очередной всплеск борьбы с преступностью случается тогда, когда «борцам» срочно надо оправдать свое существование, связанное с большими государственными затратами. А люди посвященные привыкли к закономерности: в этой стране ничего не случается без ведома того, кому положено быть «в курсе».

По крайней мере, наши старые знакомые — вентиляторы В-1 и В-2 (см. «Столицу» №№ 20, 34 за 1992 год) утверждают: когда в цепочку посредников в сделке по «красной ртути» включен представитель КГБ/МБ, все участники воспринимают это как гарантию «проходимости» сделки. Знают они также, что такого жидкого ртутного вещества красного цвета плотностью 20.20 нет, но сделки по нему идут, чиновники небескорыстно раздают лицензии и квоты на вывоз из страны... сами не знают чего. И уходят деньги из России — в количестве, правда, не столь значительном по сравнению с затратами на содержание этих самых чиновников...

Торгую редкоземом², наши герои В-1 и В-2 столкнулись с вентиляторством международного масштаба, с коллегами-аферистами из стран ближнего и дальнего зарубежья. В-1 и В-2 считают: именно этому безграничному вентиляторскому сообществу и обязана Прибалтика тем, что стала мировым лидером по экспорту (а на деле — реэкспорту) цветных и редких металлов, не имея ни грамма собственного сырья.

Словом, вентиляторский бизнес набирает обороты...

¹ Вентилятор — посредник, продавец воздуха.

² Редкоземом вентиляторы называют любое вещество, которое можно продать: и «красную ртуть», и редкие, и редкоземельные, и металлы платиновой группы.

ЗАПИСКИ ВЕНТИЛЯТОРОВ

Часть III

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

К В-1 и В-2 присоединилась Б. — бандерша. Несмотря на то, что Б. моложе В-1 и В-2, по аферизму она их гораздо «круче». В бизнесе для нее важен не столько результат, сколько сам процесс. Переговоры на основе чистого блефа — ее родная стихия. Обладает даром внушения: даже те, кто знает ее как облупленную вентиляторшу, идут с ней на контакт покорно, как кролики...

ВЕНТИЛЯТОРЫ С «ТОМАТНОЙ ПАСТОЙ»³ И ОСМИНОГОМ

В-1: С Б. мы познакомились случайно: встретились в цепочке сделки, которая тянулась два месяца и в один день распалась. Потом позвонила Б. и сообщила: я тут создала очередное СП, есть о чем потолковать. Диапазон тем не настолько широк (от 187⁴ до

³ «Томатная паста», «красуха», просто «паста» — так именуется вся та туфта, которая успешно продается под видом красной ртути. Цена — около 400 тысяч долларов за литр.

⁴ 187 — изотоп осмия, который добывается в бывшем СССР исключительно на территории Казахстана в количестве 30 г в год. Цена его в десятки раз превышает стоимость мифической «красной ртути». Вентиляторское название осмия — «осминог».

20.20), чтобы не догадаться, о чем пойдет речь. Приехали в офис Б. Надо заметить, образ жизни у нее довольно кочевой: квартиры, которые одновременно служат офисом, она меняет регулярно. Она работает с партнером, доводит его почти до летального исхода и съезжает, оставляя за собой хвост долгов.

С порога Б.громко заявила: «У меня теперь все схвачено, в СП с российской стороны — МБ и МВД, с другой — мощный западный партнер»...

Из «Истории вентиляторства в России»:

Подобные СП делаются исключительно для того, чтобы переправить товар через Эстонию. В Эстонии — десятки контор, где работают отставные прапорщики, жаждущие втиснуться в цепочку по «томатной пасте» или «осминогу». Схема проста: подписывается тройственный контракт, ко-

торый регулирует только финансовую сторону сделки. Юридических аспектов такие документы не предусматривают. Называется слово «товар», но уж никак не «187-й» или «20.20».

Главный признак фирмы, занимающейся редкоземом, — никаких внешних признаков. В уставе может быть записано все что угодно, хоть «научно-техническая внедренческая фирма по разведению тутового шелкопряда в Средней полосе России», но уж точно не «торговля редкоземельными металлами».

«Тут у нас, — продолжала Б., — переговоры с иностранцами идут. Австралиец приехал». Мы прониклись еще большим уважением к фирме, прошли на кухню, которая была вся захламлена. Нам расчистили местечко, предложили выпить французского коньяка, после которого у В-2 схватило живот... Вскоре на кухню заглянул сам австралиец. «Ребят, огоньку нема?» — спросил он с бердичевским пронономом.

На следующий день этого «австралийца» мы увидели на кухне в тренировочных штанах с вытянутыми коленками, он ел из банки кильку и курил «Беломор». Сделка по «красной ртути» шла своим чередом...

«Австралиец» представлял покупателей, мы с В-2 должны были найти продавцов.

Из «Истории вентиляторства в России»:

Несмотря на то, что вещества под названием «красная ртуть» реально не существует, есть ряд заводов, которые берут его изготовить и продать. Поскольку эти объекты совершенно засекречены, правдивой информации о производственном процессе нет и быть не может — рыбку в мутной воде ловят все кому не лень...

В-2: В какой только таре не предлагали мне «томатную пасту!» В глечиках, в бутылке из-под шампанского, в камере от футбольного мяча. Причем всегда — с лицензией.

Ездил я по заводам. Посетил Томск-7, Арзамас, Красноярск, Челябинск, размахивал доверенностью от знаменитого концерна «Промэкология». На что «заводчане» неизменно отвечали фразами из трех вариаций: а) с «Промгинекологией» мы дела не имеем; б) зайдите завтра в третьей половине дня; в) извините, но вы пришли спустя две минуты после того, как мы закрылись.

Говорят, что концерн назаклучал уже кипу договоров и долги его превышают на сегодняшний день государственный долг России...

В-1: А недавно в офис Б. пришли сами продавцы. «Мы, — говорят, — из Омска, привезли контейнеры. Давайте сделаем так: мы доезжаем до границы, закапываем контейнеры под рельсы. Ваш эксперт приезжает, выкапывает, вскрывает, берет оттуда пробу, делает анализ. Если подходит, вы зарываете в землю деньги, а товар увозите». Словом, как партизаны...

Б. выслушала их, не перебивая, затем ответила: «Ребята, а не пойти ли вам...» Они: «Но мы уже несколько раз так делали и получали деньги!» А потом: «Ну дайте хотя бы на обратный билет до Омска...»

В-2: Звонок в два часа ночи. Голос Б.: «Благая весть — к нам едет болгарин, имеет гарантию Дойчебанка на сумму 55 миллионов долларов — сияняя печать и все подписи. Хочет купить «красную ртуть». А у нас аккурат вчера возникли новые клиенты по телефону, обещали достать два десятка кило. Созвонились, договорились при встрече получить образец. «Стрелку» они назначили в странном месте — у памятника Пушкину. С В-1 мы приехали на фирму. Б. познакомила нас с болгаринном, он представился: «Милка Пезду Пездев». Мы слегка покраснели, но быстро взяли себя в руки — в нашем деле всякое встречается... Отправились на свидание. Несмотря на хмурое утро, Б. была в темных очках и сильно в гриме. Оказывается, несколько дней назад ее поймал на очередном адресе очередной кредитор и дал в переносицу, что отозвалось ровными черными блиндажами вокруг глаз. На войне как на войне...

Милка остался сидеть в машине, а мы втроем с В-1 и Б. вышли на встречу с «красной ртутью». От памятника к нам приближались тоже трое. В метре друг от друга мы остановились, рассматривая противника. Мы были, что называется, «при шпаге», Б. — в роскошном черном плаще с красными отворотами, а продавцы «красной ртути» стояли в «маминых кофточках» и в ботинках «прощай, молодость». Наша Б. правой рукой приспустила очки к носу, подняла глаза и произнесла классическую фразу, которая сразу вписалась в скрижали вентиляторского движения: «Что-то, ребята, от вас деньгами не пахнет». Они заметили: «Да мы специально, чтоб из толпы не выделяться!» Но исход встречи был предreshен. Первое, что я прикинул: можно сбавить цену. Как выяснилось — сбавлять было не на что. Через пару минут появился четвертый, которого они ждали, — химик в очках, явный лабораторный червь, представившийся экспертом российско-кувейтской фирмы по анализу

«красной ртути». Вместо образца он вручил нам дощечку с формулой. Честно говоря, мы не представляли, что такое «красная ртуть», но сделали умные лица: «Надо проконсультироваться» — и трусцой побежали к машине. Милка, глянув на формулу, сделал заключение эксперта: «Дерьмо». «Сейчас всеотрегулируем», — выпалили мы и вернулись к Пушкину. Далее действие разворачивалось следующим образом. Среди бела дня в толпе стоит группа посредников, и единственная в ней женщина кричит на всю Москву: «Мать вашу так, да шож вы ити вашу... привезли — мы у вас «красную ртуть» просили, а не куриный помет!» Народ стал оглядываться. Б. сменила лексикон, кричала матом уже не «красная ртуть», а «рэм 20.20»⁵...

Милка так и уехал к себе в Болгарию, хотя, как он уверял, в России он — вторично и один раз уже вывез отсюда 10 кг настоящей «рэд меркури», после чего ему и выдали кредит на 55 миллионов.

Из «Истории вентиляторства в России»:

Из соображений престижа в некоторых фирмах, специализирующихся на редкоземле, некоторые работники имеют звания и звездочки. Говорят, все это покупается, причем заносится в реестр МБ и МВД и в случае чего подтверждается компьютером. По крайней мере у Б. в фирме есть парень, который «получил майора» оперативной службы. Сама она тоже собирается в ближайшее время прикупить погоны и стать бандершей-капитаншей.

В-1: На днях Б. порадовала новыми достижениями: ее СП скупает акции Джезказганского месторождения, где добывается осмий 187-й. Чтобы привлечь инвестиции с Запада, казахи разработали технологическое обоснование: как повысить добычу 187-го изотопа с 30 г до 40 кг в год. Иностранцы «купились» с потрохами. При ближайшем рассмотрении, правда, выяснилось, что речь шла не об изотопе осмия, а о рении, из которого 187-й осмий получается в ничтожном количестве...

Несмотря на эти акции и на погоны со звездочками в наших рядах, «кидали» нас в сделках по 187-му изотопу неоднократно. Причем по этому виду товара особо преуспели в вентиляторстве западные партнеры. Как правило — наши бывшие соотечественники.

Типичная ситуация. Мы — посред-

⁵ Рэм — рэд меркури, «красная ртуть».

ники со стороны покупателя. Немецко-израильская фирма «Х» имеет 5 кг природного осмия (никому не нужна дрянь) и 0,5 г заветного 187-го. Все это сокровище фирмы заложено в Израильское отделение банка в Лихтенштейне. На время проведения анализа товара фирма просит нас выставить деньги на аккредитив. Под этот аккредитив у другого отделения того же банка фирма «Х» берет кредит. При цене 65 тысяч долларов за грамм и при количестве 5 кг сумма получается солидная. Деньги идут в оборот. Когда анализ общей массы товара не подтверждается, аккредитив они нам отдают, но остаются с прибылью. По оперативным данным, мы были пятыми, кому израильско-немецкая фирма предлагала таким образом на анализ осмий...

В-2: В ответ мы тоже «кидали» западников нещадно. Однажды рядом со мной, как комета Галлея, прошел настоящий 187-й изотоп осмия. Я почувствовал его дыхание — запахло, наконец, деньгами. Мне предложили сэмпл⁶, за которым ничего не было.

Б. связалась с зарубежной фирмой, которая закупает осмий, предложила образец якобы под дальнейшую партию. Заведомо зная, что анализ в российской лаборатории иностранцев не устроит, в контракт она заложила условия — «без права вывоза за рубеж» и отдала сэмпл. Фирма увезла его на проверку в Юлих. Подтвердилось содержание осмия в ампуле, только плохого качества. Иностранцы сообщили: «Товар — дерьмо, но давайте еще». Не тут-то было: Б. затребовала неустойку плюс обратно образец. Так мы с ней заработали по пять тысяч долларов на сигареты...

В-1: Однажды, когда мы с Б. под видом китайского шпата вывозили по железной дороге один из радиоактивных изотопов цезия, случился форс-мажор. Местные энтузиасты — то ли от ракеты, то ли от «Гринписа» — из города Электростали решили поддержать честь Родины и не выпустить состав с товаром. Они искренне думали, что там — китайский шпат, и гоняли состав с ветки на ветку, потому как китайский шпат является достоянием города. Если бы этот состав был вскрыт, направленная радиация сделала бы из Электростали

⁶ Сэмпл — образец, ампула, которая отдается покупателю на анализ. Хороший посредник на одном сэмпле умеет сделать прибыль. Можно блефовать не один раз: отдать ампулу, взять выкуп, потом завесить стоимость и вернуть образец. Покупатель под реальный товар выложит любой задаток.

новый Чернобыль. К счастью, ребятам доходчиво «объяснили», и состав, наконец, поехал в Эстонию. Правда, еще пару раз он терялся в дороге...

ВЕНТИЛЯТОРЫ С ДЕНЬГАМИ

В-2: Самая крупная моя удача в бизнесе связана с цезием 133-м⁷, нерадиоактивным. Я был «первой рукой» держателя товара, который гарантировал его мне, кладя голову на плаху.

Из «Истории вентиляторства в России».

Когда на вопрос: «Чем отвечаете, если товара не будет?» — следует ответ: «Головой, а не деньгами», уважающий себя вентилятор говорит: «Я мясом на рынке не торгую».

Б. «подарила» мне покупателя — немца с французской фамилией. Встречу назначили в валютной гостинице. Припарковались мы на машине продавца, разумеется, не у центрального входа, а метров за сто в подворотне. Я поднялся в номер. Меня ждали. Немца самого я в глаза не видел, со мной работали его переводчица и еще двое русских.

Деньги были в наличии, спустились за товаром. Загрузили в четыре сумки. В номере стали считать ампулы и деньги. Представьте картину: двухместный номер, наполовину усыпанный 15-граммовыми ампулами, наполовину — купюрами. Валюты у «немцев» не оказалось, они платили по биржевому курсу банковскими упаковками по сто тысяч.

Стали думать: в чем выносить деньги? Ни в один кейс не влезет. Находчивые работники фирмы загрузили стотысячные брикеты в гигантский

⁷ Цезий — легкоплавкий металл, если взять ампулу в руку — при температуре 36,6°С он начинает плавиться. Если вам попал в руки цезий — не радуйтесь: продать его вам вряд ли удастся. Самый «большой» покупатель цезия за всю историю СССР — Управление пожарной охраны, которое в свое время приобрело 10 кг, чтобы понять — как его тушить. Дело в том, что цезий при контакте с воздухом самовозгорается и потушить его нельзя ничем. Поскольку потребности в цезии в нашей стране были минимальны, никто не потрудился придумать для этого вещества подходящую тару и достойную транспортировку. Поэтому теперь, когда возник непонятный ажиотаж вокруг цезия, на ампулы с ним не существует никакой документации. Зато в той же Германии существуют особо жесткие требования к качеству упаковки и перевозки...

фирменный пакет из-под мусора. Попытались забросить мне, как сидор, за спину, — я рухнул. Выделили помощника, и поволокли мы мешок, ударяя о каждый угол. Отель-то пятизвездочный — сразу посреди холла подскочили два швейцара и перехватили пакет. Пока я бегал за машиной, бросив всех с деньгами, они стояли прямо в дверях главного входа, народ валил в гостиницу, спотыкаясь о мешок. Машина у нас была большая, иномарка все-таки, но записывали мы мешок на заднее сиденье с трудом и с матом, опасаясь, что сейчас он разорвется на глазах у изумленной публики.

Поехали делить прибыль. Место выбрали подходящее — у Бутырской тюрьмы. Попытались считать сперва при потушенном в машине свете — не вышло, пришлось зажечь. Любопытный человек, которому взбрело бы в голову посреди ночи выйти из подъезда или выглянуть в окно, увидел бы: в шикарной машине сидят двое и перекаладывают из пакета в пакет пачки с деньгами. Моя доля в итоге составила два фирменных пакета с надписью «Мальборо»...

С тем пока, увы, и оставила меня фортуна по цезию 133-му. Люди из валютного отеля готовы были брать еще 100 кг, но главного немца самого внезапно «взяли» в Германии, в аэропорту перед вылетом в Россию. Бизнес, связанный с таблицей Менделеева, — вообще, афера чистой воды, но «наш» немец оказался супер-аферистом. Соучредитель одного из немецких банков, он незаконно присвоил 65 миллионов долларов, попытался переквалифицироваться в «редкоземщника», но «сгорел» на старых долгах...

ПАРТИЙНЫЕ ВЕНТИЛЯТОРЫ

В-1: Моя деятельность не ограничилась одной таблицей Менделеева. Как-то раз мне позвонил старый приятель, который, зная мои небольшие, но все-таки успехи в бизнесе, предложил мне... портфель министра экономики в некоей околоправительственной структуре, составляющей теневой кабинет. Друг этот был ярым антисемит, совершенно повернутый на политике, — вроде Жириновского. При встрече он пригласил меня вступить в партию, из рядов которой готовятся министры. Программу партии я знал, она укладывалась в девиз «Белый дом» — белому движению». Спросил про название. «Партия единства России и демократического устройства народа» — гордо ответил двойник Жириновского. Я обещал подумать. Однако, выезжая

из штаб-квартиры партии, увидел ее рекламный плакат, на котором были выделены как заглавные первые буквы в словах названия партии. Издалека они красиво складывались в непотребное слово «ПЕРДУН». Я чуть не врезался в столб, но вовремя вспомнил, что в этой стране все возможно: Фонд Возрождения Храма Христа Спасителя может находиться в Безбожном переулке, а один из руководителей — носить фамилию Хриstopродавцев... Но все-таки решил ответить отказом от вступления в партию «пердунов»...

НЕИСПРАВИМЫЕ ВЕНТИЛЯТОРЫ

В-2: Заработали мы с В-1 на редкой земле определенный капитал и стали думать — как разумно им распорядиться. В столь сложное для страны время, с такими смутными явлениями в политике, как расказачивание евреев и т.д., решил я заняться инвестициями. Предложил В-1 профинансировать какой-нибудь подмосковный совхоз. Выдвинул девиз: «От мифической «красной ртути» — к конкретной корове». В-1 выслушал меня с отсутствующим видом и, как только я закрыл рот, выпалил: «Идея гениальная! Ты прав, надо закупать земли». Он хитро прищурил глаз: «А ты знаешь, что Домодедовское кладбище скоро — ёк... Местов-то нет!» Я не понял — вроде нам еще рановато. Хотя в нашем бизнесе и об этом не грех подумать. Он: «Надо нам купить землю под коммерческое кладбище. Будем продавать места. Определим стоимость куска два на полтора плюс охрана. Под это святое дело муниципалитет подпишет, батюшку местного тоже приобщим. Организовано будем вывозить народ». Я: «Автобусами, как в пионерлагерь, что ли?» В-1 юмора не понял. Тогда я развил тему: «Ну а в целях экономии сделаем следующее: чтобы не тратиться на ограду и памятники, покойников мы будем закапывать по пояс, они у нас возьмутся за руки, и мы их зальем бетоном. Получится, действительно, первое коммерческое кладбище».

Тут, наконец, В-1 расхохотался, и оба мы поняли: настоящего вентилятора даже могила не исправит.

Составитель Азлита ЕФИМОВА

Дмитрий БЕЛОВ

ВОСЕМЬ «БАКСОВ» ЗА ЧЮРЛЁНИСА В ИСПОЛНЕНИИ ЛАНДСБЕРГИСА

Когда я возвращаюсь домой из Литвы, друзья каждый раз набрасываются с расспросами. Их интерес к этой прибалтийской республике нельзя назвать праздным; просто они давно обратили внимание на то, что события в ней, на удивление точно, предвосхищают происходящее в Москве.

Вспомним: 1990-й год. В марте Литва первой из республик бывшего Союза заявила о своей независимости; в июне провозглашается суверенитет России. 1991-й год. Январь — в Вильнюс введены войска, есть жертвы среди мирного населения. Август — то же в Москве. Конец 1992-го — начало 1993 года: в Литве на парламентских выборах побеждают левые — Демократическая партия труда Литвы (ДПТЛ); президентом, набрав большинство голосов избирателей, становится лидер этой партии, бывший первый секретарь Компартии Литвы А.Бразаускас... Впрочем, стоп! Никаких прогнозов! Поговорим не о России, а о Литве.

Нынешнее тяжелое положение литовской экономики выглядит особенно удручающим на фоне пусть и относительных успехов советского периода. Объем производства в 1992 г. по сравнению с 1991 г. упал вдвое. К концу прошлого года в республике, по официальным данным, было 12 тысяч безработных, реально же — во много раз больше, только половина предприятий были загружены на 50 и более процентов своих мощностей. Но сильнее всего ударил по Литве переход к мировым ценам на энергоносители в расчетах с Россией. Энергетика страны переживает тяжелейший кризис. Вот уже полгода в ряде городов и районов, в том числе в столице, нет горячей воды, а температура воздуха в квартирах поддерживается на уровне 10—13°C (чуть теплые бата-

реи). Характерные заголовки литовских газет: «Баня — не роскошь, а средство выживания»... «Берите пример с воинов Чингисхана!» (они, как известно, не мылись с рождения до самой смерти, считая, что вода вместе с грязью смывает силу).

Участились случаи педикулеза (попросту — вшивости). Пассажирам троллейбусов всю зиму, несмотря на холод, приходилось открывать окна — иначе, извините, пованивало.

Только для того чтобы оплатить российский газ, Литве, по подсчетам, в 1993 г. понадобится 340 млн. долл., когда как весь ее валютный резерв на конец прошлого года не превышал 100 млн. долл. «Утром деньги, вечером — газ», — примерно так говорят в России, с подозрением относясь к поставкам в кредит. Но откуда же взять эти деньги? Продукции-то производят крайне мало, а энергии, которую дают Игналинская АЭС (литовские «зеленые» как-то разом перестали настаивать на ее закрытии) и собственное топливо, не хватает даже для того, чтобы предприятия заработали на полную мощность. Замкнутый круг...

Республика могла бы обменивать нефть и газ на сельхозпродукты, как это, по сути, было и раньше. Но, увы! Сельское хозяйство Литвы тоже не на подъеме. Передача земли в частные руки прошла, на удивление, «диким» образом. Сельскохозйственные угодья дробились на небольшие наделы; владельцами многих из них

стали горожане, и не помышляющие переезжать в деревню. Зачастую такие земли никто не обрабатывает, и они выпадают из оборота. Фермеры же сталкиваются с проблемами: где, к примеру, взять корма? Ведь далеко не каждый был раньше председателем колхоза или совхоза, а значит, не все они обладают соответствующими пробивными способностями. Вот и сократилось на треть (это в Литве-то!) производство молока: численность молочного стада падает из-за бескормицы. Астрономически растут цены на продукты. Дело доходит до того, что литовцы ездят теперь за ними в соседнюю Беларусь. А ведь еще совсем недавно литовские власти ломали голову: как бы установить эффективный таможенный контроль, чтобы пассажиры «дизеля» Вильнюс—Гродно вывозили поменьше колбасы.

Еще один удар по сельским жителям нанесла все та же энергетика. Многие из них в свое время, слишком сильно уверовав в научно-технический прогресс, разобрали печи в своих домах. Непредусмотрительность обернулась сегодня необходимостью готовить еду во дворе на костре и возрождением популярности профессии печника. Последней каплей для сельчан стало решение правительства прекратить государственное дотирование сельхозпродукции (оно, между прочим, существует практически во всех странах мира). После этого слово «Саюдис» в деревне окончательно перешло в разряд ругательных, что отразилось на географии результатов выборов.

Что бы произошло в любой «нормальной» стране в таких, с позволения сказать, экономических условиях? Революция? Кровавые беспорядки? Как минимум конфликт между различными ветвями власти с мордобоем если не на улицах, то в парламенте? Скорее всего. Но не такковы литовцы, корни мироощущения которых следует искать в истории.

Во-первых, жители Литвы пережили и не такое. Вильнюс, например, испытал бедствия всех войн, какие только велись Польшей или на ее территории соседними государствами. Голод и пожары, мятежи и эпидемии не смогли уничтожить город, закалив его жителей так, что такая мелочь, как отсутствие горячей воды, кажется чуть ли не приятной. Литовцы настолько привыкли ко всевозможным бедам (среди них, кстати, и территориальные потери, связанные с распадом Великого княжества литовского, границы которого доходили в свое время до Черного моря), что у них выработался особый характер, отличающийся удивительным хладнокровием. Известный французский географ прошлого века Ж.-Э. Реклю писал, что флегма литовцев вошла в пословицу; никакой другой народ не покоряется превратностям жизни с таким невозмутимым спокойствием. Легенды гласят даже, что в средние

А Ландсбергис играет на рояле...

века осужденные на смерть литовцы вешали себя собственными руками. «Флегма» объясняет и поразительную устойчивость к внешним воздействиям. Думается, отнюдь не случайно литовцы одними из последних в Европе приняли христианство, а языческие символы и обряды в Литве до сих пор почитаются куда больше, чем в соседних странах.

Итак, литовцы предпочли спокойную (и достойную) попытку выхода из глубокого экономического тупика, проголосовав на выборах за ДПТЛ и А.Бразаускаса, иными словами, за левых. «Саюдис» сделал свое дело, должен был уйти и ушел. Да, правые внесли большой вклад в дело восстановления независимости, но умения управлять экономикой у них не хватало.

Хватит ли такого умения у левых? Будем надеяться, что да. Основой для оптимизма является профессионализм команды А.Бразаускаса. Многие из его советников работали с ним еще раньше, в ЦК КПЛ. Последнее, правда, вызывает критику со стороны оппозиции, но упреки в адрес бывших коммунистов выглядят не вполне аргументированными. Только один пример: в свое время именно коммунистическое руководство Литвы воспротивилось массовой иммиграции из СССР, в конечном итоге настояв на своем и, вольно или невольно, — предупредив конфликтные ситуации, подобные тем, что сложились между «коренным населением» и «мигрантами» (или «русскоязычными») в Эстонии и Латвии.

Что же будет делать новое правительство? «Снова оборачиваться к Востоку и медленно туда идти, увязая в болотах половинчатых реформ полунезависимости» — как рисует перспективу сегодняшний лидер

оппозиции В.Ландсбергис? Или и дальше мириться с глубочайшим кризисом, гордо отвернувшись от России и занимая под грабительские проценты деньги у МВФ? А.Бразаускас предлагает третий, центристский, путь, заключающийся в постепенном переходе к рынку при сохранении взаимовыгодных связей с Россией. Для радикальных реформ в Литве пока нет необходимых предпосылок. В частности, еще не сформирован слой местных предпринимателей, не хватает частного капитала. Так что рано ставить вопрос о немедленной приватизации крупных предприятий, готовиться к ней надо постепенно, поставив во главу угла стабилизацию экономики.

Вернувшись в очередной раз из Вильнюса, я не стал рассказывать друзьям, какие товары исчезли с прилавков магазинов и насколько грязнее стало на улицах (в Москве, разумеется, не чище; просто к Литве я привык подходить с европейскими стандартами). Я привел только одну маленькую, но вырастающую до символа «зарисовку с натуры». Дело было в книжном магазине, расположенном на окраине литовской столицы. Книг там меньше не стало, на русском языке, правда, поубавилось, но выбор все равно неплохой. Так вот, на фоне обычных («талонных») ценников мое внимание не мог не привлечь один — яркий и броский. На нем было крупно выведено: 8 \$. Странно, книжка-то невзрачная. Посмотрим! Оказалось, что она — о музыкальном творчестве Чюрлёниса. Скромными мелкими буквами набрано имя автора: музыковед, профессор Витаутас Ландсбергис.

Вильнюс—Москва

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РАЗВИТИЕ

НА ФОНЕ ТЕРРОРИЗМА, СКАНДАЛОВ И РЕФЕРЕНДУМА

Таксист был вежлив, как все лондонские таксисты. Но непреклонен: «На Бишопсгейт нельзя, сэр... Бишопсгейт закрыта полицией...» Не надеясь на свой английский, я тыкал пальцем в схему, где именно на улице Бишопсгейт был обозначен Европейский банк реконструкции и развития, показывал свою аккредитационную карточку и всеми способами давал понять, что мне нужно как раз туда.

Таксист ответил длинной фразой, из которой я понял, главным образом, два слова: «террористы» и «бомба». Потом он посмотрел на меня с сожалением и добавил, что подвезет как можно ближе к зданию Европейского банка...

«Как можно ближе» оказалось за несколько кварталов от Бишопсгейт. Дальше улицы были опоясаны специальными лентами, а на углах стояли полицейские. Поглядев на карточку с эмблемой ЕБРР, фотографией владельца (то есть меня) и надписью «Пресса», полисмен разрешил перелезть через ленту. Эту процедуру пришлось проделать еще три или четыре раза, пока, преодолев последний кордон, я вошел в здание банка. Здесь, впрочем, не было никого, кроме парочки сотрудников службы безопасности. Один из них произнес странное слово: «Эвакуация».

Оказалось, что час назад террористы из Ирландской республиканской армии взорвали неподалеку от штаб-квартиры ЕБРР автомобиль, начиненный динамитом. При этом один человек погиб, несколько десятков были ранены, ущерб от разрушений и иных последствий (как-никак — Сити, деловой центр Лондона, обилие офисов, банков, магазинов) составил миллиард фунтов стерлингов.

И хотя здание Евробанка не пострадало, террористы, судя по всему, адресовали свою варварскую акцию именно ему, вернее — второму ежегодному заседанию Совета управляющих ЕБРР, по случаю которого в Лондон съехались делегации десятков стран. Такая вот попытка пробудить сочувствие общественности к

своей борьбе — убивая, взрывая, калеча. Большая логика всех террористов.

Естественно, это «приветствие вне программы» вызвало разноязыкие разговоры в кулуарах заседания Совета, но не смогло отодвинуть в тень другой скандал, связанный с ЕБРР. Он разразился неделей раньше, когда выяснилось, что администрация Европейского банка во главе с президентом Жаком Аттали за год израсходовала на «внутренние» нужды вдвое больше средств, чем на программы помощи странам Восточной и Центральной Европы, ради которой, собственно, банк и создавался. Суммы, истраченные на строительство роскошного (действительно — впечатляет!) здания штаб-квартиры, на президентские поездки и тому подобное, мелькали в прессе, проигрывая вполне «бомбовый» эффект. Правда, жертва этого информационного взрыва виделась одна — президент ЕБРР Жак Аттали.

Каждый день в пресс-центр проникали сведения из «надежных источников»: Аттали подал в отставку (не подтвердилось); Аттали отстранили от должности (не состоялось, хотя представители некоторых стран и потребовали такой кары); работает суровая ревизионная комиссия (полная правда); нет, все-таки президент уходит (опять не подтвердилось). За слухами об «импичменте» тянулся шлейф гипотез о возможной смене позиций и приоритетов ЕБРР: то ли возобладает более жесткая американская стратегия, то ли шведская, ориентированная на увеличение помощи странам Балтии.

Сам Жак Аттали на заключительной пресс-конференции на вопрос о его судьбе ответил: «Мне трудно сейчас судить о том, как критика в мой адрес отразится в дальнейшем. В ней было и справедливое, и несправедливое. Ошибки мы учтем, но трудно планировать бюджет и не ошибаться. Что же касается моей отставки... Несколько месяцев назад я почувствовал сильную усталость и действительно стал подумывать об уходе. Но не-

которые мои друзья меня разубедили — все же я столько мечтал об этом банке. А теперь, после скандала, уж точно не уйду. Только я знаю, когда это случится: Евробанк мое детище, и я хочу прочно поставить его на ноги».

Два этих события в большей или меньшей степени создавали фон, на котором развивалось главное действие — обсуждение итогов работы банка за прошедший год и его планов на дальнейшее. И оба события в корне отличали лондонское заседание от прошлогоднего, в Будапеште. Но было еще одно, о чем тоже говорили многие и что могло впрямую повлиять на ход дискуссий. А тут уже невольно возникали будапештские ассоциации: как и год назад, очередные политические катаклизмы в Москве совпали с обсуждением судьбы инвестиций в экономику России.

Тогда, в апреле 92-го, шестой съезд народных депутатов яростно накинулся на правительство Гайдара, на реформы — словом, на то, что собирался поддержать Европейский банк. И когда пришло известие, что российское правительство заявило об отставке, разговоры, споры, проекты враз показались если не бессмысленными, то, во всяком случае, преждевременными. Вскоре, однако, правительство вернулось, съезд утих (как оказалось, ненадолго) и российская ситуация снова стала выглядеть более-менее определенной. Банк подтвердил, что готов к участию в реформировании нашей экономики.

Теперь же, в апреле 93-го, в России случился референдум. Исход его виделся из Лондона как подтверждение или неподтверждение экономического курса страны. А ведь мы и без того пока не являемся образцом надежности и эффективности для западных инвесторов. (К слову, участникам лондонской встречи предложили ответить на вопрос о том, в какие посткоммунистические государства сегодня лучше вкладывать деньги. 129 голосов набрала Венгрия, 120 — Польша, 94 — Чехия. Россия оказа-

лась на четвертом месте с 54 голосами, за ней Казахстан — 32. Седьмой была Эстония, Украина поделила с Румынией восьмое-девятое место, а прочие наши собратья по бывшему Союзу — еще дальше.) Предварительные результаты референдума подошли как раз к официальному открытию совещания, и о них с явным облегчением говорили премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, Жак Аттали и многие другие выступавшие. В итоге политические страсти в России и на сей раз не помешали ей оставаться главным объектом внимания Евробанка.

Что, к слову, отнюдь не радует некоторых членов этой организации, особенно из числа новых, принятых в ЕБРР за последний год. Они, естественно, рассчитывают на достаточно солидные финансовые вливания в собственные реформы, поскольку им тоже надо выбираться из коммунистического прошлого поближе к цивилизации. А тут все Россия да Россия.

Однако, если говорить всерьез, Евробанк пока больше декларирует свое участие в решении российских проблем, нежели участвует в нем. И вполне понятна суровость, с какой председатель Центробанка РФ Виктор Геращенко упрекал с трибуны совещания: «По состоянию на конец марта правлением Европейского банка было одобрено десять проектов на территории России. На сегодняшний день, однако, сумма реально использованных кредитов из числа одобренных банком составляет не более 6,3 млн ЭКЮ. По-моему, это ничтожная величина. Она не идет ни в какое сопоставление с прогнозами участия Европейского банка в финансировании экономических реформ в России... Давайте считать, что здесь сказались реальные трудности начального периода работы и в какой-то степени наша собственная недостаточная готовность предложить банку проекты для финансирования с учетом всех его особенностей и требований». (Потом, правда, Геращенко добавил к «реальным трудностям» и ирреальные: работу средств массовой информации, «которые как у нас, так и здесь не всегда объективно отражают действительное состояние дел».)

Что ж, действительное состояние этих самых дел таково: до последнего времени легче всего проходили в Евробанке проекты, связанные с нашими добывающими отраслями — например, переоснащение нефтепромыслов в Тюмени или модернизация сетей «Газпрома». В результате некоторые специалисты стали упрекать банк в желании сох-

Жак Аттали, президент Европейского банка реконструкции и развития, крепко задумался — то ли о судьбе банка, то ли о своей собственной

ранить Россию пресловутым «сырьевым придатком» Запада. Мы же хотим партнерства ЕБРР и в иных сферах: финансовой (недаром Геращенко сообщил, что в апреле утверждены «Условия открытия банков с участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации»), агропромышленной, в программах приватизации и конверсии, в том числе связанных с высокой технологией. А здесь серьезным шагом можно назвать разве что участие ЕБРР в создании Российского банка проектного финансирования. Во многом остается декларацией (не только, конечно, для России) и уставное требование о распределении инвестиций и кредитов: 40% — государственному сектору, 60% — частному. Хотя, скажут скептики, где нам взять столько «частников», достойных серьезной прямой помощи (в Польше, к примеру, уже почти половина рабочих мест относится к частному сектору), и кто возьмется однозначно разобраться, что у нас еще государственное, а что уже нет? Скажем, средства, выделяемые на поддержку программ приватизации: с одной стороны, они вроде бы адресованы правительству, с другой — идут на благо дело развития негосударственного сектора.

Возможно, самым конкретным делом станет создание под эгидой Евробанка Фонда содействия развитию малого и среднего бизнеса в России. При этом средства фонда в большой степени должны направляться не в

Центр, а на места, в российские регионы. В ЕБРР уже прикидывают, где проще и надежнее договариваться с местными властями. По словам советника президента Евробанка по вопросам политики Андрея Бугрова, перспективными с этой точки зрения выглядят, в частности, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Владимир, Красноярский край, Республика Коми. Евробанк предполагает создать региональные центры поддержки предпринимательства для тех, кто хочет завести свое дело, но не знает, с чего начать, и не имеет необходимых средств. Главное требование к местным властям — действительная поддержка предпринимателей, проекты которых важны для региона.

Еще один фонд, создаваемый Евробанком и имеющий к нам прямое отношение, — Многосторонний фонд ядерной безопасности, средства которого пойдут на повышение безопасности, как деликатно выразился Аттали, «некоторых не совсем надежных атомных электростанций». Речь идет об АЭС «Советского» типа. В мае рассматривается первый проект, связанный с АЭС в болгарском городе Козлодуде. А там дойдет очередь до станций в России, на Украине и т.д..

На итоговой пресс-конференции президента ЕБРР спросили: «В Германии «План Маршалла» осуществлялся пять лет. Сколько может длиться ваша помощь реформам в Восточной Европе? До 2000 года или дольше? И что потом — просто закроетесь?» Жак Аттали ответил: «Возможно, когда все уже будет сделано, мы и закроемся. Но нельзя сказать, когда. А вообще, речь идет не о помощи, а о партнерстве». Действительно, судя по всему, не только Евробанк, но и его клиенты начали понимать: не в деньгах счастье. В том смысле, что никакие инвестиции, кредиты и прочие финансовые вливания не изменят экономику России, Молдовы, Албании, Болгарии и иных стран, если эти страны не будут сами выбирать на твердый грунт. Когда есть на что опереться, конечно, легче, но все равно — сами, сами, сами...

Следующее заседание Совета управляющих Евробанка должно проходить в апреле 1994 года в Санкт-Петербурге. Почти наверняка на сей раз обойдется без террористов, вполне вероятно — без скандалов в собственном доме ЕБРР. И хорошо бы без политических катаклизмов в России. Не европейских банкиров жалко, а нас с вами.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ,
спецкор «Столицы»

Лондон—Москва

Прибыль превыше всего, но честь — выше прибыли

ВЕСТНИК СИСТЕМЫ

«МАЛЕКС» № 13

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «СЕРВИСТРЕСТ» СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»

— возьмет на дострой объекты незавершенного жилищного строительства в г. Москве;
— приобретет за рубли квартиры в г. Москве на Ваших условиях (оплата сразу и любым способом);
— купит готовые жилые дома;
— проведет переговоры с городскими администрациями по покупке комплексов жилых домов и микрорайонов.
ТЕЛЕФОН: 278-35-38

ЭТО ВЫ МОЖЕТЕ НЕ ЧИТАТЬ!

Но тогда Вы не узнаете об уникальной возможности вложить деньги в строящиеся отдельные благоустроенные квартиры в Москве и коттеджи в ближнем Подмосковье, причем строительство производится по рекордно низким ценам, а по вкладу кроме того начисляются выгодные проценты. Эта возможность —

ЖИЛИЩНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»

Покупайте их в МП «Атрис» по адресу:
Москва, ул. Рогожский поселок, д. 3
(ст. м. «Марксистская»)
☎ 489-05-53, 233-44-01

Квартиры	Ориентиров. общая площадь, кв.м	Стоимость, тыс.руб.		
		1-й жилищ.список (3 года)	2-й жилищ.список (5 лет)	3-й жилищ.список (8 лет)
Однокомнатные	38—45	3.990—4.725	1.710—2.025	760—900
Двухкомнатные	56—62	5.880—6.510	2.520—2.790	1.200—1.240
Трехкомнатные	75—77	7.875—8.085	3.375—3.465	1.500—1.540
Четырехкомнатные	86—89	9.030—9.345	3.870—4.005	1.720—1.780

НОВОСТИ «МАЛЕКСА»

Осуществляются
жилищные
ДОТАЦИИ

Даются
конкретные
ГАРАНТИИ

Разрабатывается
система
предоставления
квартир В КРЕДИТ

Введена схема
УСКОРЕНИЯ
РАСЧЕТОВ

У РЫНКА ДОЛЖНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО!

О, СПОРТ! ТЫ — ...

«Ну что ж, друзья...» — так начинается концептуальное интервью с начальником Центрального спортивного клуба армии полковником Станиславом ЛАГОВСКИМ в новом журнале «ЦСКА-суперклуб». Форма обращения «друзья» о чем-то напоминает. О чем же?

«Ну что ж, друзья...» Журнал «Столица» в числе других изданий был приглашен на пресс-конференцию по слу-

дет не о фуршетах — речь как раз о семидесятилетии.

Темно и загадочно произошло ЦСКА. Истоки его

Такой видится «сила России». Страшно, да?

чаю семидесятилетия ЦСКА — Центрального спортивного клуба армии. Вместе с привычным в таких случаях набором документов избранным журналистам выдавались желтенького цвета талончики с печатью то ли буфета ЦСКА, то ли столовой ЦСКА, то ли самого ЦСКА. Они давали право входа на «фуршет», как объяснял журналистам человек в форме майора. Но речь пой-

видны аж в 1918 году. Тогда, в апреле, через два месяца после выхода декрета об организации Красной Армии, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом был принят декрет о всеобщем военном обучении. Так возник пресловутый Всевобуч, поломавший в свое время немало судеб. На основании «Положения о клубах и спортивных площадках Всевобуча», утвержденного

Реввоенсоветом республики, в апреле 1923 года была создана военно-спортивная организация РККА — опытно-показательная военно-спортивная площадка Всевобуча. Однако днем рождения ЦСКА принято считать 29 апреля 1923 года — тогда в Сокольниках состоялся футбольный матч, на котором москвичи впервые увидели команду с эмблемой ОППВ. ОППВ со временем превратилась в ЦДКА, ЦДКА — в ЦДСА, а затем — в нынешний ЦСКА.

«Ну что ж, друзья...» Только бы и радоваться: когда все кругом распадается, ЦСКА остается нерушимым, когда журнал «Декоративное искусство» приходит один раз в год, журнал «ЦСКА-суперклуб» заявлен как «ежемесячный иллюстрированный». Среди «олимпийцев» полным-полно воспитанников ЦСКА. Но журналисты — люди привередливые, им изнанку подавай. Почему, например, уничтожена Аллея чемпионов, гордость и слава клуба? Оказывается, только лишь потому, что на ее месте возводится гостиница. Другого места, увы, не нашлось. А почему спортсмены уезжают на Запад? Потому, отвечают нам, что нужен хозрасчет и полная самоокупаемость. В этом весьма предсказуемом ответе видится желание «клубного» начальства двух зайцев одним ударом — приватизацией — уложить. Во-первых, сохранить команду, которая, собственно, и кормит высоких функционеров. А вторых, отхватить не самый худший кусочек земли рядом с метро «Аэропорт» — со всеми разбросанными по территории сооружениями. Пожалуй, второе желательнее даже, чем первое.

«Ну что ж, друзья...» Пока что весь комплекс сооружений ЦСКА, утверждают, является федеральной собственностью, находится в ведении Министерства обороны России. Руководству клуба приходится метаться меж двух огней: с министерством обороны дружить — надежно, но не слишком выгодно, порвать совсем — нельзя. Но хочется же, хочется заполучить в свои руки все эти дворцы тяжелой и легкой атлетики, все эти гимнастические залы, бассейны

и корты! Для чего понадобились? Не знаю. Впрочем, в Ледовом дворце уже давно работает валютный ресторан. Говорят, что в скором времени и крытый бассейн станет как бы и не рублевым, то есть совсем уж «крытым».

«Ну что ж, друзья...» Эти самые «друзья» напоминают только об одном. О том самом, о чем уж и говорить надоело. Увы, как и раньше, заявление начальника ЦСКА зачитывается по бумажке с немислимыми ударами. Как и раньше, жалуются на «хронический недобор» заместителя министра обороны (это на «официальной части»). Как и раньше, суетится директор художественного театра «Темп» (главный режиссер цзэсковских празднеств), вдруг обнаружив, что за начальственным «фуршетным» столом отсутствует бутылка хорошего армянского коньяка. И, как раньше, коньячок немедленно находится.

Эдуард ДОРОЖКИН

«ИОСИФ СТАЛИН» — В РЕМОНТЕ. ПОКА

На Северном Кавказе появились ретро-поезда для иностранных туристов, с видами виды отечественными паровозами в качестве «тягловой силы». Составы курсируют мимо Ростова-на-Дону, Кисловодска, Армавира, Туапсе... Заманчивый круиз предлагает совместное российско-испанское предприятие «Велтроком».

Увы, пока старых паровозов не хватает. Сейчас один из них — «Иосиф Сталин» — стоит на ремонте в тихоречком локомотивном депо.

До войны была известна песня: «Он ведь теперь «Иосиф Сталин» — самый лучший в мире паровоз...» Как всегда, все лучшее у нас — для иностранцев. Даже «Иосиф Сталин».

Дмитрий ЕРМАКОВ

ТЕРРОРИСТ ОШИБАЕТСЯ ОДИН РАЗ...

Доморощенный террорист объявился в городе Набережные Челны. Навестив районную прокуратуру, он оставил в приемной бумажный пакет с просьбой передать его «главному». При вскрытии было обнаружено письмо, в котором аноним требовал выдать ему полтора миллиона долларов и пятьдесят миллионов рублей, два автомата, два пистолета, боеприпасы и гранаты. В случае отказа грозил потрясти город взрывами в детсадах, школах и общественном транспорте.

Органы правопорядка отреагировали мгновенно. По подозрению задержаны три возможных автора ультима-

тума: тунеядец, инвалид второй группы, неработающий психбольной.

Город спит спокойно. Следствие по делу продолжается.

Элла РЫЛОВА

...А ВОЕНКОМ — НИКОГДА

Только случайность дважды спасала дорожных строителей из Псковского городка Струги-Красные от беды. Добывая песок, они наткнулись в карьере на четыре неразорвавшихся снаряда, оставшихся еще со времен войны. Строители чудом не взлетели на воздух, вовремя заметив боеприпасы. Однако работники не подозревали, что опасность их еще не

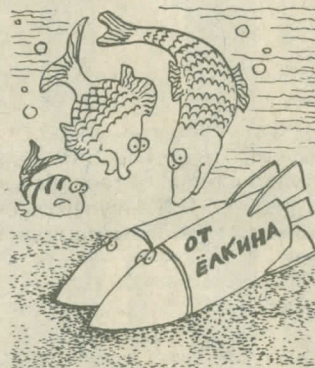

Рис. О. Разиной

миновала, что им придется пережить ощущения саперов, которые, как известно, ошибаются только один раз. Дело в том, что на месте находки по поступившему сигналу прибыл райвоенком по фамилии Елкин. Чтобы не хлопотать с вызовом квалифицированных специалистов, он уговорил мужиков друженно извлечь снаряды из песка и утопить их в ближайшей речке.

А если кто найдет эти боеприпасы? Кто их будет доставать и обезвреживать? Опять, наверно, гражданским нырять придется...

Анатолий ТИХАНОВ

ГАЗЕТЧИКИ ВОРА КРОЮТ — 2

Неизвестные лихоимцы проникли в помещение ленинградской газеты «Новая волна» и унесли оттуда добра на 170 тысяч рублей. Газета в ответ разразилась редакционной статьей, в которой поносила грабителей всеми мыслимыми обидными словами. Об этом мы сообщили в «Осколках» номера 13 за этот год. И добавили: мол, не худо бы предоставлять возможность высказаться на газетной полосе каждому пострадавшему от воров гражданину.

Так вот, в Барнаульской прессе, оказывается, подобные объявления-оскорбления практикуются очень широко. Например: «Те, кто вчера ограбил квартиру и унес телевизор, вещи и две бутылки водки, — чтоб вы подавились!» Редакции, впрочем, вычеркивают из объявлений все непарламентские выражения, отчего объем текстов заметно сокращается.

Тимофей СЕРГЕЕВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Раньше в мае вспоминали о ветеранах. Подталкивали детей с цветами к дядям и тетям с медалями: иди, поздравь, они нашу Родину защищали. Теперь само слово «ветеран» означает политическую косность, узость, а то и обычную грубость. Как будто не осталось стариков, равнодушных к митингам.

В старом доме в районе Арбата живет очень пожилой литературовед. Он почти не выходит из кабинета. Всю жизнь писал, преподавал, изучал, воевал, путешествовал. По его учебнику занимаются все студенты-гуманитарии. Многие думают о нем как о части истории. А он пишет и изучает. Спроси о чем хочешь — достанет папку. Вся жизнь разложена по тематическим папкам. Война, например, отчасти поместилась в «итальянской» папке, потому что из народ-

Ксения КЛИМОВА

СВИДЕТЕЛИ

ного ополчения ученый попал в плен, а оттуда — в итальянские партизаны. Перебирая фотографии, он вдруг с безупречной точностью описывает мне двоих охранников, которых видел, когда бежал из лагеря. Улочку итальянского городка. И цитирует, что сказал ему нищий, сидящий на ступеньках углового дома, — цитирует на двух языках. Господи, как все это можно помнить? Непов-

торимый материал, брошенный мне с царской щедростью, — садись и пиши.

Ученый помнит столько, что хватило бы на десяток книг, причем разных: о Брюсове, московских улицах, педагогическом университете. Но писать ему трудно. Сил не хватает даже на то, чтобы приготовить себе обед.

В следующий мой приход обед стряпала симпатичная деваха в «легенсах» и майке

навыпуск. Нет, не правнучка, она здесь работает. Выяснилось, что одна из слушавших ученого журналисток, придя домой, отложила записи и занялась другим: здесь же, на Арбате, основала службу и стала принимать заказы на нянь-сиделок-помощниц. Клиенты побогаче платят за неимущих, и служба живет.

Как уж у бывшей журналистки сальдо с бульдо сошло — не ведаю. Но что-то очень важное сошло и в ее жизни, и у тех, кто с ней работает. Они не спорят со стариками о Сталине. Они просто слушают и помогают. Может быть, только и надо, что внимательно слушать и понимать? И черт с ней, с политической, и с вечным конфликтом поколений, неиссякаемым в нашей стране, где никогда не умели слушать свидетелей.

Мы находимся на одном из таможенных постов столицы, который называется «Терминал-Москва». В кабинете начальника поста Н.И.Раменских. Николаю Ивановичу тридцать два года, в таможню пришел служить после срочной службы в армии, закончил юридический институт. Его кабинет выглядит очень солидно: компьютер, рации, «крутые» телефоны...

«Терминал-Москва», — рассказывает молодой начальник, — контролирует грузы, которые иностранные фирмы ввозят в Москву для постройки объектов «под ключ». Отнюдь не только чемоданы. В чемоданах — что бы там ни лежало — много не ввезешь и не вывезешь».

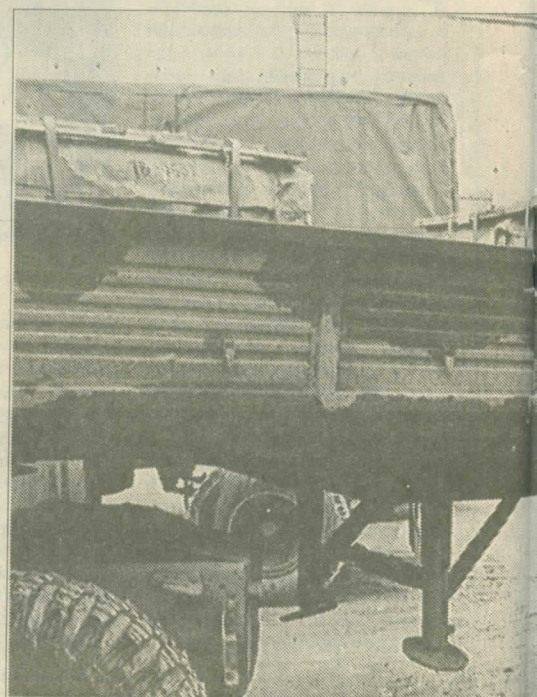
«Легко работать с «фирмачами», — продолжает Николай Иванович, — мы имеем дело, как правило, с крупными зарубежными фирмами. Они дорожат своей репутацией, поэтому наших законов стараются не нарушать. Да, конечно, иногда даже иностранцы «шалят». Но по мелочевке. То какой-нибудь болгарин попытается провезти ящичек другой коньяка «Слынчев бряя», то господа из Турции — несколько кожаных курток или свитеров. Но вообще, слухи о возросших объемах ввозимой из

ТАМОЖНЯ ДАЕТ «ДОБРО»...

Проверено
Контрабанды нет

Что такое таможня в представлении простых обывателей (то бишь нас с вами)? Скорее всего — чемоданы. Просвеченные рентгеном, обшаренные ловкими руками бдительных специалистов, невеселые, как сама «совковая» жизнь... Между тем таможня — это гораздо сложнее и серьезнее.

Фоторепортаж
В.Шишова

дальнего зарубежья контрабанды явно преувеличены. До тех пор, пока рубль не станет конвертируемым, ввозить оружие, наркотики и прочую дрянь не слишком-то выгодно».

А вот с нашими соотечественниками — сложнее. Тут нужен глаз да глаз. Чего только не придумают! Например, везет какой-нибудь хитроумный нувориш японские «видаки». А в декларации заявляет, что «видаки» эти малазийские. Вы спросите — почему? Дело в том, что госпошлина в таком случае не пятнадцать процентов, а только семь с половиной — вдвое меньше. Или декларируют минеральную воду, а ввозят спирт «Royal». И так далее. В общем, сообразительные ребята.

Печальнее же всего дело обстоит с вывозом товаров из страны. Об этом рассказывает начальник оперативного отдела поста «Терминал-Москва» Г.В.Голоиков. Геннадий Всеволодович работает в таможене шесть лет, по образованию юрист. Возраст — тридцать с гаком! Кабинет его оборудован простенько: никаких тебе факсов-компьютеров...

«После развала Союза, — рассказывает Геннадий Всеволодович, — работать стало крайне тяжело. Границы прозрачные. Таможни оснащены чрезвычайно плохо. Странам «ближнего зарубежья» до российских грузов нет никакого дела. Например, Белоруссия объявляет себя суверенным государством — тотчас брестская таможня перестает интересоваться российскими грузами. С республиками Востока — тоже проблемы. Ввози, вывози — что хочешь! Только-только нормализовалась ситуация с Прибалтикой, построены таможенные посты. Но это произошло лишь в прошлом году. А сколько контрабанды к тому времени вывезли из России?! Коммерсанты писали в декла-

рациях, что груз идет, например, в Калининград, а сами ввозили его в Прибалтику. Оттуда — уже на Запад...»

Сейчас тоже немало «умников», желающих погреть руки на развале страны. Декларируют запчасти — вывозят металл. Декларируют отходы — вывозят древесину. Дай волю — вывезут ВСЁ

Таможенники как могут борются. Вот недавно вместе с милицией и министерством безопасности провели операцию «Тралл» — как раз по предотвращению вывоза из страны сырья. Чего только не изъяли!

Как и все государство, таможенную службу лихорадит от постоянных взаимоисключающих указов. Что решает президент — отвергает Верховный Совет. И наоборот. Постановления приходят одно за другим.

Материального стимула никакого. В январе зарплата оперативника составляла... три тысячи рублей. Сейчас, правда, подняли до двадцати—тридцати тысяч. Задержавший контрабанду сотрудник получает премию в размере примерно 1 (одной!) тысячи рублей. Между тем еще в 1918 году неглупый немецкий шпион по фамилии Ленин издал совершенно замечательный указ, суть которого сводилась вот к чему: двадцать процентов стоимости задержанной контрабанды получает таможня, причем одну треть суммы — именно отличившийся. Логично? Вполне. Конечно, нужен контроль за самими таможенниками, дабы не переусердствовали.

Орган контроля в таможенном комитете, кстати, уже есть. А вот стимула нет. И это при том, что таможенники приносят значительную прибыль государству. Например, только пять инспекторов поста «Терминал-Москва» в течение декабря прошлого года сдали в казну около трех миллио-

нов рублей. Ну и получили три тысячи...

Все это, конечно, очень грустно. Однажды наш видный борец с коррупцией Михаил Моисеевич Гуртовой сказал мне: «Советский чиновник обязан воровать. У него масса возможностей. И мало денег. И никаких особенных — законных — привилегий. А рядом — красивая жизнь, которую можно поиметь, согрешив хотя бы несколько разочков».

Таможенник — тоже чиновник. Причем, как правило, молодой, неискушенный. Приходит сюда мальчишка после армии, кроме унижений, ничего в жизни не видел. А тут... Столько красивых вещей. И реальная возможность их получить. Только поставь штампик, что «видаки» в самом деле малазийские, а не японские — и будешь дома смотреть не съезды народных депутатов, а что-нибудь более завлекательное: боевики там, эротику... «Поставь штампик, поставь», — шепчет змей-искуситель. Конечно, кто-то не выдерживает...

Впрочем, на посту «Терминал-Москва» случаев коррупции не зафиксировано. Приятно.

А как происходят дежурства таможенников? Мы на посту вместе с С.В.Чекановым. Сергей Викторович молод (лет двадцать пять), но серьезен, я бы даже сказал, солиден. Успел закончить военное училище. Судя по всему, дело знает, хотя и работает в таможне всего-то с декабря прошлого года. За день инспектор проверяет в среднем десять—пятнадцать клиентов. Иногда меньше. Вот один (точнее, одна) из них. Компания «Главсеверторг». Фирма государственная, но коммерческая. Сергей Викторович проверяет номе-

Идет проверка импортного груза

ра трех грузовиков (сходятся, не сходятся), вскрывает пломбы, осматривает груз. Все, как заявлено, — сухое печенье из Нью-Йорка.

«Да-да, из Нью-Йорка, — почему-то волнуется ухоженный, упитанный коммерческий директор фирмы Леонид Иосифович Гухлернер. — Мы вступили в контакт с американцами, там, в Штатах, наши надежные партнеры. Один из них — наш бывший соотечественник, он сам из Кишинева, но уже семнадцать лет в Америке. Ввозим мы не только продовольствие, но и одежду — куртки, блузки, юбки... Это выгодно. Несмотря на то, что перевозка, конечно, очень дорогая. Груз сначала летит в Бельгию, потом в Латвию, оттуда мы его уже гоним на машине в Москву — на наши склады. Но, в общем, мы не жалуемся. Рэкет нас, слава Богу, не трогает. Может быть потому, что мы — государственное предприятие».

Таможня Леонида Иосифовича тоже не «трогает».

«Это наш постоянный клиент, — говорит Сергей Викторович, — мы его хорошо знаем, он возит грузы регулярно. Вообще, к постоянным клиентам отношение более лояльное».

Возвращаемся в служебное помещение. Чеканов заполняет бланки. Ставит государственную печать. А также свою собственную. Проверено — контрабанды нет. Гухлернер, улыбаясь, отправляется к своим грузовикам.

Честно говоря, когда я готовился к этому репортажу, то тешил себя надеждой увидеть, как доблестные таможенники задерживают матерых контрабандистов, которые наводняют Россию наркотиками, оружием... Ничего этого не увидел. И слава Богу. Может быть, подобного «добра» в страну в самом деле ввозят не так уж много?

Но откуда оно тогда все-таки берется?

Евгений СТЕПАНОВ

...И ИНОГДА БЕРЕТ...

Читатель, верно, устал от многочисленных «разоблачительных» материалов, в которых фигурируют сплошные анонимы. Впрочем, поди найди камикадзе, который согласится рассказать хоть что-нибудь «здакое» и при этом публично назвать свое имя (вице-президент не в счет), — здоровье, как говорится, дороже. Владимира А. мы не разыскивали — он пришел в редакцию сам. Молод, энергичен, подвижен. Недавно прервал свою карьеру на казенной службе — уволился из аппарата Государственного таможенного комитета Российской Федерации. По биржам труда не мыкался, газетами в подземном переходе не торговал — сразу же нашел хорошую работу с приличным заработком. Но — «за державу обидно», совсем по-киношному...

«Личные счета? Нет, ерунда. Если бы хотел с кем-то посчитаться, то не в журнал обратился бы, это уж точно... И вообще, я из таможенного комитета уволился тихо, без скандалов. Работал, между прочим, на тепленькой должности, начальство меня ценило».

Никакой я не коммунист, не консерватор. Просто сравниваю, вспоминаю. Как будто в двух разных ведомствах служил: одно до августа 1991 года было, другое — после. И второе однозначно хуже, грязнее».

Ну да, конечно, раньше там парткомы, идеологическая накачка и все такое... Лу-

бянка нас опекала серьезно — почти все высшее руководство комитета из того ведомства вышло. Но на вторых ролях работали настоящие профессионалы, которые дело знали, имели какое-то представление о чести, долге, интересах государства...

А потом демократы к власти пришли, «генералитет» наш разогнали, заявили, что в таможне «нужны новые люди». Не знаю, не знаю, такие ли уж они «новые», эти люди, если тот свежее испеченный начальник — из аппарата ЦК ВЛКСМ, тот — из хозяйственного управления СЭВа. Ну что они в этой работе смыслят? Впрочем,

Оперативный пост
«Терминал-Москва»
Задержанная контрабанда

председателем Госкомитета назначили опытного «профи» — Анатолия Сергеевича Круглова. Он раньше был начальником шереметьевской таможни. А что такое таможня Шереметьево-2, объяснять, наверное, не нужно: повальное воровство, взяточничество, коррупция — вы, журналисты, про тамошние безобразия много писали... И человека, который командовал этим замечательным подразделением, ставят во главе всей таможенной службы страны! Убейте, но я такую кадровую политику не понимаю.

Случаются и просто головокружительные взлеты. Вот, скажем, нынешний начальник управления федеральных таможенных доходов Эльчин Алекперович Сафаров. Совсем недавно он был обычным чиновником аппарата — и вдруг перескочил через несколько должностных ступеней, получил чин, соответствующий генеральскому. Чтобы сделать такую карьеру, нужно быть просто управленческим гением. Впрочем, насколько мне известно, Эльчин Алекперович женат на родственнице Круглова...

Демпресса раньше, помнится, очень любила писать про раздутый управленческий аппарат, про огромные ведомственные штаты... Так вот, до 1991 года в нашем отделе работали шесть человек — и ничего, справлялись. После «реорганизации» отдел стал управлением, со штатом под три десятка сотрудников. А в целом аппарат комитета увеличился вдвое. Вы скажете: границы у России другие, люди больше стали ездить за рубеж, экспортеры-импортеры активизировались... Безусловно, это так. Но аппаратчики-то не на таможенных постах сидят, они бумажки перебирают. И профессионалов среди них — меньшинство, потому что до

сих пор нет системы подготовки таможенных кадров. Одно только небольшое отделение в МГМО — и все.

Раньше все службы Госкомитета прекрасно умещались в одном здании на Комсомольской площади, теперь же еще один громадный дом понадобился — на Пречистенке. Так что сейчас иногда одну визу на документ нужно на Пречистенке ставить, а за другой ехать к трем вокзам — очень удобно. Вообще, писанины, бумаг, всяких согласований, «зайдите завтра», «зайдите через неделю» — этого намного больше стало. Как будто нарочно такую систему выдумали, что посетитель по мельчайшему поводу месяцами ходит: в один кабинет ткнется, в другой, в третий... А в четвертом уж толсто намекают: надо, дескать, «подмазать». И это не в курдюпинской какой-то конторе, это в центральном ведомстве творится! «Шереметьевский» опыт внедряют, что ли... Нет, при коммунистах такого беспредела не наблюдалось.

А «низовой», так сказать, уровень, таможенные посты — это вообще как обратная сторона Луны, терра инкогнита. Раз в два месяца появляются проверяющие из отдела по борьбе с контрабандой, а в промежутках между этими визитами можно творить, что душа пожелает. Большое начальство, кажется, вообще про «обратную сторону» не вспоминает. Так что каждый таможенный пост теперь — как государство в государстве. Вернее, королевство в государстве: своя иерархия, свой монарх (начальник поста), свои законы, даже «налоги» свои собственные.

Попасть в эту систему просто так, «с улицы», невозможно. Требуется рекомендация, поручительство кого-нибудь из «своих», а еще лучше — родственные свя-

зи. Если нет «лапы» — извини-подвинься. Даже купить должность нельзя: нет таких денег, за которые в «клан» пустят чужого. Если же кто-то из «кухаркиных детей» случайно на пост попал, его все равно скоренько выживут, «съедят». Потому что общий интерес, круговая порука — совсем как в «малине».

Зарплата у таможенников смешная, вы знаете. А была еще смешнее. И никакие «кормовые» надбавки и бесплатная униформа дела не поправят. Служба приносит государству громадные прибыли, а получает взамен шиш с маслом. И где же недовольные, где забастовки? Все тихо, спокойно. Ведь не ради же этого мизерного заработка люди на работу нанимались. Оклад — так, на сигареты. А машины, мебель, аппаратура — это покупается на совсем другие доходы. Руководство Госкомитета, по-моему, прекрасно понимает: местечко на таможенном посту — синекура. Вот как в средние века губернаторов сажали «на кормление» — так и тут. Начнешь гайки закручивать, отбивать у людей заработок — останешься вообще без сотрудников.

Есть целая система «тарифов» на таможенные «услуги» (неофициальная, естественно). С этих тарифов работники постов и кормятся. Скажем, в Москве за заполнение грузовой таможенной декларации нужно «отстегнуть» 5—10 тысяч рублей, за оформление документов на грузовую машину без очереди — 200—500 долларов и так далее. Впрочем, коммерсанты эти тарифы признают, с деньгами расстаются легко. Потому что любой из них знает: если не даст «на лапу», так будет два месяца на посту кувать со своим грузом. И при этом нет никакой гарантии, что через два месяца его не развернут на сто восемьдесят градусов: иди, браток, оформляй документы заново, у тебя вот тут и вот тут неправильно. Ведь все таможенные инструкции — что дышло, очень хитро составлены. Ни в одном пункте их не нарушить — это надо каким-то эквилибристом быть.

...Периодически, конечно, кто-то попадает на взятках, конечно, кто-то зарвавшись. А умный человек денег и в руки не возьмет. Трудится он на таможне, досматривает, например, багаж. Весь из себя такой честный служака, примерный семьянин. Досматривает, досматривает... А потом ему вдруг соринка в глаз попадает или просто он случайно отвернется в неподходящий (вернее, в самый подходящий) момент. И никто ему, конечно, тут же купюры в кулак не сует: есть предварительная договоренность — когда и за какую беззачетную сумму нужно «ослепить». Отвернется парнишка раз, другой, третий — а у него в банке уж приличный счет. Тут он тихонечко подает заявление «по собственному желанию». Все, концов в случае чего не найти. А парень же, глядишь, на другом таможенном посту работает: такой же честный и примерный, толь-

Молодые руководители таможенного поста «Терминал-Москва» Николай Раменских и Геннадий Голиков

ко со зрением плоховато... Отсюда постоянная кадровая чехарда, «текучка».

Есть и другие способы подзаработать. Таможенникам, насколько знаю, запрещено «совместительство» в коммерческих структурах. Но за этим, собственно, никто не следит. Так что почти у каждой фирмы, которая ведет внешнеторговые операции, есть в таможене свой консультант на окладе. Можете себе представить, что такое «консультация» чиновника, от которого зависит перемещение ваших грузов через границу.

Были бы деньги, а обойти инструкции тебе всегда помогут: декларацию задним числом оформить, в запретную зону пройти, медные болванки записать «металлоломом», вообще без досмотра уехать...

Вот, скажем, зал «VIP» в Шереметьево-2. Это раньше он был «депутатским», закрытым и туда действительно попадали только «very important persons» — очень важные персоны. Сейчас же — такие, с позволения сказать, личности... Натуральные уголовники, урла, бизнесмены наши скороспелые. Предположим, у вашего журнала завелись деньги и вас хотят отправить за границу через зал «VIP». Составляется письмо: «просим забронировать столько-то мест...». А аэрофлотовские начальники уж решают — нужен им человек из «Столицы» или нет. Если вы им понравились, можете быть полезным в дальнейшем — запишут в «очень важные». А досмотра в VIPовском зале практически никакого нет: багаж привозят — и сразу на транспортер. Бери с собой что хочешь.

Кстати, знаете, какая работа у шереметьевских таможенников считается самой престижной? Нет, не в начальничьем кабинете сидеть, а дежурить там вот, в «VIP», с «форинов» и «приблатненных» зелененькие бумажки собирать. Это даже не взятки, а что-то вроде чаевых. Ну, скажите, может ли быть больший позор для государственной службы?

Вот из-за всего этого я и уволился из таможенного комитета. Стыдно...

Мы посчитали, что монолог Владимира А. будет выглядеть убедительнее, если кто-нибудь из таможенных служащих его дополнит. Владимир рекомендовал еще одного информатора — сотрудника Управления по борьбе с контрабандой Михаила Р.: «В том управлении честные ребята работают, если б не они — Россию героиною бы уже по уши завалили...»

Михаил Р. (имя, фамилия, отчество, служебный телефон редакции известны) согласился встретиться с корреспондентом «Столицы», порассказать такого, что «волосы дыбом встанут». Но попросил за столь ценные сведения пятьдесят тысяч рублей. У нас, к сожалению, подходящей статьи расходов не нашлось. Так что подтвердить рассказ Владимира А. чьими-либо свидетельствами нам не удалось. Может, и правда кристально честные люди работают в таможене?

Кирилл РЫБАК

...А МЫ ЕЗДИМ ПО-ПРЕЖНЕМУ

Раньше россияне не могли похвастаться таким большим количеством заграничных родственников, как сейчас, когда кругом сплошные границы да таможни. А родственные отношения хочется поддерживать. Хочется навещать близких, даже если они обитают за пределами рублевой зоны. В конце концов для кого-то эта самая новоявленная граница — родина, на которую любого человека иногда тянет.

Вот у нас с мужем одни папа и мама живут в Грузии, а другие — на Украине. До Грузии (особенно до самых лучших ее мест) добираться чрезвычайно трудно, и наши визиты туда, к сожалению, редки.

Иное дело — Украина. Она близко, всего одна ночь в вагоне. При этом никто не взрывает железнодорожные мосты, банды абреков не грабят поезда и почти всегда есть билеты. К тому же, как и все родители, украинские папа с мамой ужасно озабочены тем, чтобы их детки не голодали, и всегда отправляют нас назад с сумками и коробками, полными продуктов. Ну как, скажите, не ездить в такие замечательные места! И мы едем, как только появляется возможность.

В последний раз она была у нас осенью. С тех пор на границах России со многими бывшими советскими республиками появился (например, в той же Грузии) или усилился таможенный контроль. Уезжая на Украину на майские праздники, мы считали, что не минуем таможни. И трепетали.

Нам было чего бояться: едой родители нагружали нас с тем условием, что тару из-под нее мы вернем назад. Поэтому наши баулы были забиты дефицитными банками всевозможных емкостей. А еще мы везли кофе и рис, которые, по причине дороговизны, стали на Украине предметом роскоши. Если не бакалея, то банки обязательно привлекли бы к себе внимание таможни. И кто знает, за какую мзду дала бы она свое «добро».

Надо сказать, что все пассажиры в нашем купе боялись таможни. Ехали мы, поджав ноги, потому что на полу разлеглась немецкая овчарка со своей миской. Она грызла морковку.

— Вообще-то, мы мелкие, потому что мы — сучка. Вот если бы мы были кобелек, мы были бы больше, — сообщил нам хозяин овчарки.

Он боялся, что на границе придерутся к собаке. Советский человек с рождения знает, что граница — место непредсказуемое. Здесь каждый может обидеть и напугать пассажира, что-нибудь у него отнять...

Еще одна наша попутчица — маленькая старушка — нервничала невероятно. Своим поведением она напоминала мне

женщину, с которой мы в девяностом году пересекали границу с Польшей (ту в Бресте чуть не хватил удар из-за того, что в носке ее были спрятаны двадцать не внесенных в декларацию рублей).

Наша старушка была очень жадная, и когда ела, делала это так торопливо, что постоянно давилась и кашляла. Что она везла в своих коробочках, оставалось неизвестным. Маленькие жадные старушки могут везти с собой много интересного.

Границу, разделяющую державы, поезд проезжал поздно. Мы ложились спать с тяжелым сердцем. Ночью всех разбудили истошные крики, беготня по коридорам и бряцание ключей. Овчарка залаяла, мы вскочили и полезли за паспортами. А потом затаились в своем купе, как четыре танкиста и собака на разведке. Но оказалось, что шумят вовсе не таможенники с пограничниками, а алкоголик, который хотел кого-то «порюхать». За ним гонялись проводники.

Второй раз я проснулась от старушкиного кашля и утробных звуков и поняла, что страшная ночь миновала и наступило время завтрака. Оказалось, что алкоголика в Харькове забрали милиционеры, и больше происшествий на границе не было.

Провози, пассажир, что хочешь!

Этим, впрочем, и занимались совершенно спокойно мелкие украинские коммерсанты, поскольку они, как люди заинтересованные, знали точно, что таможенные досмотры начнутся в ночь с 23 на 24 мая. С этой же ночи изменится и расписание, и наш, например, поезд будет идти на шесть часов дольше. Узнав о лишних шести часах, все сначала изумились: что можно проверять на границе между Россией и Украиной столько времени, если на «настоящей» границе на всяческие досмотры, разборки и смену наших колес на «их» узкоколейные уходит максимум часа два. Но потом выяснилось, что просто, задержавшись на границе единожды, поезд уже не вписывается ни в какие графики и вынужден пропускать все составы, какие окажутся поблизости...

Не стоило, право же, не стоило самоопределяться!

Елена АВЕРИНА

Елена САЛИНА

ПРОСТОЙ СПОСОБ ЛИШИТЬСЯ ВСЕГО И СРАЗУ

Дейл Карнеги в переходную эпоху

«Если человек признается, что читает на ночь Карнеги, я тут же теряю к нему всякий интерес», — заявил как-то один мой шибко умный приятель и погрузился с ушами в глубины классического психоанализа.

Между тем великий популяризатор элементарных навыков общения, кумир «американца с улицы» Дейл Карнеги сотворил чудо. Он заставил Америку улыбаться, доступно объяснив, что это полезно для здоровья и состояния.

На вопрос: «Как дела?» — следует всегда отвечать: «Отлично!» Запомнили? Еще раз, все вместе: и-и-и...

Каждый нормальный человек хочет здоровья, пищи, сна, денег и вещей...

Простой способ произвести хорошее впечатление...

Если вы этого не сделаете, вас ждут неприятности...

Все просто, как огурец, и потому привлекательно.

Да сотрите вы свою кривую ухмылку! Для страны, с маниакальным упорством играющей в наперстки, и Карнеги — божий дар.

Итак, начали.

«На свете есть только один способ побудить кого-либо что-то сделать. Задумывались ли вы когда-нибудь над этим? Да, только один способ. И он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать».

Одна почтенная дама захотела сдать квартиру. Вернее, не сама дама, а ее дочь с мужем, уехавшие работать по контракту в солнечную Италию.

Заграница, как известно, разворачивается удивительно быстро. Она притупляет бдительность, и реалии родной действительности издалека видятся все более расплывчато.

Сдавать только за доллары, настаивала дочь. И подороже, вторил ей муж — долларов за 400—500 в самый раз будет.

Бедная мама — она растерялась. Небольшая «хрущевная» квартирка на первом этаже не хотела сдаваться ни за 400, ни тем более за 500 зеленых бумажек ежемесячно. Максимум, что предлагали знакомые знакомых, 100 долларов и ни центом больше.

И тогда несчастная женщина совершила свою первую ошибку. Она опубликовала объявление в бульварной газетке «Из рук в руки».

«Если вы не правы, признайте это быстро и решительно», — мрачно изрек Карнеги.

Молодые люди, откликнувшиеся на объявление, были красивы и предупредительны.

Назвались «Соколовым и К^о», «многопрофильным научно-производственным предприятием». Честно показали паспорта, где у одного действительно значилось: Соколов Юрий Валентинович, 1968 года рождения.

— Я — генеральный директор, — скромно потупившись, сообщил г-н Соколов, а на вопрос, чем же занимается столь солидная фирма, небрежно заметил: — Профилей у нее так много, что перечислять замучаешься.

Но один он все-таки назовет — юридическое консультирование.

Означенный профиль сразу и безоговорочно покорила сердце почтенной хозяйки, и беседа заметно оживилась.

— Можно, мы поставим у вас компьютер? — ласково заглянув в женские глаза, пропел генеральный директор.

Компьютер развеял последние сомнения. Компьютер — это да!

Второго (то есть К^о) юношу звали Филлиповичем Анатолием Валерьевичем. Тоже молодой, тоже эlegantный, высокий и темноволосый.

О, Италия! Как же, как же, с Италией у нас тесные контакты. И с Францией, и с Америкой, и с Гонолулу, впрочем, тоже.

«Соколов и К^о» не торговались. Сразу согласились на предложенную цену (а она к тому времени существенно снизилась, до 280 долларов), подписали с хозяйкой договор, заплатили за два месяца вперед и въехали со своим компьютером под мышкой в конце февраля.

— Вы только поаккуратнее, мальчики, мусор за собой выносите, — попросила вполне довольная хозяйка.

— Не беспокойтесь, сударыня, все будет о'кей, — улыбнулись мальчики. Они прекрасно усвоили важное правило.

Итак, если вы хотите нравиться людям, соблюдайте правило второе: улыбайтесь».

Ровно месяц все было о'кей. Милая дама регулярно проверяла, благо сама жила в том же подъезде, двумя этажами выше.

Мальчики исправно выносили мусор, мыли за собой чашечки, которые они попросили оставить для кофе, и обращались к ней по всем житейским мелочам. В обмен на собственные юридические советы.

— Я вот тут составила завещание на верхнюю, свою, квартиру, — поделилась счастливая квартировладелица. — Хочу оставить ее второй дочери. Вы не поможете мне заверить его побыстрее у нотариуса?

Ну, конечно, они помогут. Просто даже с радостью. Почему же не оказать любезность такой приятной женщине? Нет, совсем недорого, всего рублей 15 это стоит.

— И принесите, пожалуйста, все приватизационные документы — это необходимо, — подчеркнули мальчики.

Она принесла. Все документы от верхней квартиры. А документы от нижней, дочкиной, тоже приватизированной, и раньше не уносила. Здесь же они и хранились, в запортом на

смешной ключик ящичке. Зачем беспокоиться?

Правда, уходя, машинально отметила одну странную деталь — компьютер был упакован, — но не придавала ей значения. Конечно, Карнеги был прав.

«Помните: сначала заставьте вашего собеседника страстно чего-то пожелать. Тот, кто сможет это сделать, завоеует весь мир, а кто не сможет — останется в одиночестве».

Через пару дней в дверь верхней квартиры позвонили очень решительно. Она глянула в глазок: военный с «дипломатом» в руке, майор.

— Вы не знаете, куда делись те парни, из нижней квартиры? — спросил майор. — Я прихожу уже второй раз, но там никто не открывает. Вот соседи отправили к вам. Понимаете, я купил у них гараж, заплатил почти 100 тысяч и еще должен доплатить, но они куда-то исчезли...

От плохого предчувствия у нее запыло сердце. Сразу вспомнился упакованный зачем-то компьютер.

Схватив ключ, почтенная дама стремительно увлекла майора за собой, вниз.

Нижняя квартира была пуста. Ни проклятого компьютера, ни хозяйского телевизора, ни дорогих, спрятанных в дальних углах шкафов сервизов, ни приличной дочкиной одежды, ни настенных часов, ни (увыл!) опрометчиво оставленных документов в обозримом пространстве не наблюдалось. Зато кофейные чашечки в купе с другими кухонными принадлежностями горкой разбитых надежд плавали в ванной, смытая с себя все возможные отпечатки пальцев.

Она тихо охнула. Хотя...

«...вместо того чтобы переживать из-за неблагодарности, будьте к ней готовы».

И потянулась в дом череда несостоявшихся гаражевладельцев. Ткнувшись в запертую дверь нижней квартиры, каждый из них, по совету соседей, шел наверх, чтобы, услышав печальный приговор своей выброшенной на ветер сотне тысяч, обронить скую слезу. Или яростно выругаться — в зависимости от темперамента.

Обитатели верхней квартиры сбились со счета где-то на третьем десятке. (К моменту выхода этого материала число потерпевших приблизилось уже к двум сотням, а это, считайте сами, под 20 миллионов «наваря». — Е.С.)

«Кинутые» фирмой клиенты, так и не ставшие собственниками прекрасных разборных гаражей, приходили группами и поодиночке, дежурили ночами под дверью «нехорошей» квартиры, устраивали во дворе стихийные митинги, а вдоволь наплакавшись и накричавшись, обреченно тянулись унылой вереницей по протоптанной дорожке — в сторону 8-го отделения милиции. Без особой, впрочем, надежды на успех.

К тому времени наша дама уже знала, что «ее» Соколов ничего общего не имеет с Юрием Валентиновичем Соколовым, который пару лет назад потерял свой паспорт. А «ее» Филлипович хоть и существует в природе, но по месту прописки давным-давно не появлялся и где его искать — непонятно. Он уехал завоевывать мир. Словом...

«...ведите счет своим удачам, а не своим неприятностям».

Но как только наша героиня собралась последовать очередному совету простодушного американца, на ее голову свалилась новая напасть.

Из толпы орущих «лопухов» выделился человек с особой тоской во

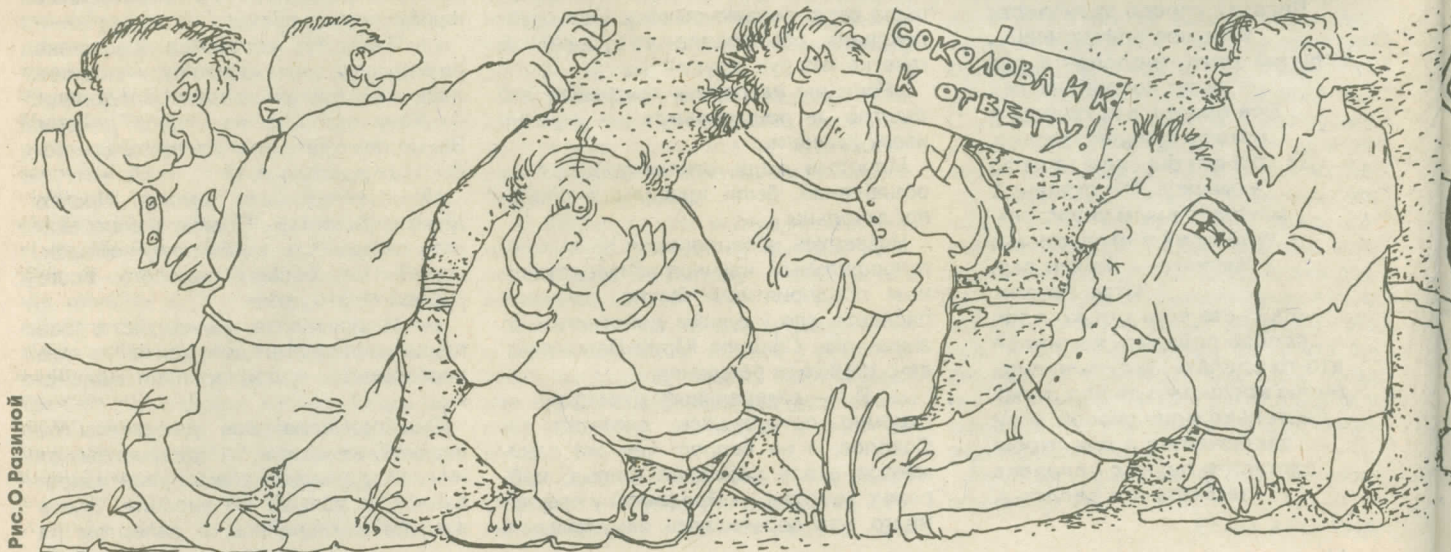
зоре. Послушав «прения сторон», он все понял и счел своим долгом уведомить милую даму, что фактически-то хозяином нижней квартиры является именно он, а вовсе даже не ее дочка, вершащая трудовые подвиги в солнечной Италии. Квартиру эту он приобрел у «Соколова и К^о» для своего брата, за 12 тысяч долларов. Вот приватизационные документы, вот договор, а вот доверенность на имя Филлиповича, присланная дочкой из Италии и заверенная консульским отделом российского МИДа в Риме. Дескать, доверяю ему, Филлиповичу, как отцу родному, продать мою квартиру, кому пожелает, и никаких гвоздей. Все — подлинное.

Вот это был удар, что называется, ниже пояса. Ей ли было не знать, что документы действительно настоящие, из запятого самолично ящичка! Как ни странно, настоящей оказалась и доверенность (с печатью), хотя под указанным номером, как позже выяснилось, в Риме ничего подобного не значилось. Но, говорят, сейчас это не проблема. За 100 долларов в любом зарубежном представительстве можно найти человека, который сделает вам все в лучшем виде.

Покупатель же, как истинный джентльмен, уверил потерявшую на время дар речи женщину, что претендовать на их квартиру, конечно, не будет ввиду бесперспективности подобной затеи, но уж «К^о» вместе с «Соколовым» непременно найдет сам. А когда найдет — не поставит на их жизнь и бутылки воды из-под крана...

Вот так витиевато выразился покупатель, представившийся, кстати, тоже юристом (что за напасть!) и даже бывшим следователем по особо важным делам. Но он, скорее всего, не читал Карнеги.

«Никогда не пытайтесь свести счеты с вашими врагами, потому что

этим вы принесете себе гораздо больше вреда, чем им».

На том и закончилась пока эта история. Вернее, приостановилась.

Милиция возбудила уголовное дело по факту и делает вид, что ищет блистательных злодеев, провернувших красивую аферу. Хотя, с другой стороны, не скрывает, что просторы нашей Родины широки и необъятны, а уж в ближнем зарубежье человек и вовсе часто исчезает бесследно.

Я заикнулась было насчет фоторобота, думала опубликовать — вдруг поможет? Меня спросили: «А вы видели, как их делают? Не в кино, а в жизни?» Оказывается, все они почему-то выходят похожими друг на друга, как близнецы-братья. Загадка восприятия.

Наша несчастная героиня сидит дома и с ужасом ждет своего нового наследника. Ведь свою приватизированную квартиру она уже завещала. Знать бы только кому.

Так к чему я все это написала? Требуется резюме — им непременно заканчивается каждая глава у Карнеги.

Техника безопасности, простейшая защита от негодяев при переходе к так называемым рыночным отношениям — каковы ее правила? Вот что пыталась я уяснить для себя и донести до читателей, которым все активнее (иногда поневоле) приходится сегодня вступать друг с другом в различные сделки. Как им, неопытным, свести свой риск к минимуму?

И выяснила: никакой техники безопасности на данном интересном этапе нашей цивилизации просто не существует. Ни тебе банковских гарантий партнера, ни рекомендательных писем, ни обычного подтверждения, что данная фирма существует. То есть потребовать-то их можно, а вот получить — все равно что сертификат качества в коммерческом киоске «спального» района. К тому же при современном развитии копировальной техники «нарисовать» требуемую бумажку — раз плюнуть. И если у правоохранительных органов еще есть возможность проверить документацию официальным путем, то у частных лиц — никакой.

Ну и что будем делать, дорогие братья и сестры? — спросил бы потускневший Дейл Карнеги, отравившись коммерческой сосиской.

Остаются только доморощенный опыт друзей, собственная интуиция да счастливый случай. Значит, будем писать свою книгу. И назовем ее не «Как завоевывать друзей», а «Как распознать врагов». Слушайте сюда.

— Воспользовавшись рекламными услугами популярных газет, вы рискуете привлечь к своей персоне внимание людей с криминальными наклонностями. Лучше искать партнеров среди знакомых, которые несут перед вами хоть какие-то моральные обязательства.

— Все свои сделки старайтесь фиксировать на бумаге с подтверждающими подписями обеих сторон, ведь многие из них вовсе не требуют участия нотариуса. Это позволит вам обратиться в суд и когда-нибудь что-нибудь отсудить, если, конечно, ваши отношения из гражданско-правовой сферы не переместятся в уголовную.

— Решившись сдавать квартиру, уберите из нее все дорогие вещи и, естественно, документы. Ссылки на нехватку места, по меньшей мере, наивны. Квартира с хорошей обстановкой, само собой, ценится куда выше, но в таком случае реально рассчитывайте степень своего риска. Даже если ваш жилец устоит перед соблазном умыкнуть что-то из мебели, не исключено небрежное обращение с ней. Лучше заранее упомянуть в вашем договоре условия компенсации, хотя добиться ее, на самом деле, сложно.

— Не приглашайте к себе знакомых людей по первому же звонку с их стороны, даже если вы очень обрадованы. Попросите абонента назвать номер

его телефона, перезвоните и удостоверьтесь, что Колю, Мишу или Севу хотя бы знают на том конце провода. В случае дальнейших неприятностей у милиции будет пусть тоненькая, но ниточка.

— Покупателей, квартирсыемщиков, людей, желающих обменяться с вами — если их несколько, — зовите в гости одновременно и в строго назначенное время. Скажем так: «Я жду вас завтра с 6 до 8 вечера. Извините, но в 8.05 дверь вам уже не откроют». Не рекомендуется бросаться фразами типа: «Днем никого дома не будет» — это привлекательно для воров.

Кстати, способ «столкнуть лбами» ваших партнеров чисто психологически заманчив еще тем, что таким образом ненавязчиво создается здоровая конкуренция.

— Не обольщайтесь слишком дешевыми товарами или услу-

гами — это подозрительно. Вспомните, часто ли вам в жизни что-то дарил первый встречный?

— Раз и навсегда откажитесь от предоплаты, тем более от денежных переводов в адрес загадочных а/я. Если «вечером — деньги», то это вовсе не значит, что «утром — стулья».

— Не слишком доверяйте первому впечатлению, которое пытается произвести на вас ваш потенциальный партнер. Идя на крупное «дело», никто не станет одеваться вокзальным бомжем. Помните: модная одежда, компьютер и даже роскошная машина еще не есть гарантия платежеспособности. Демонстрация в качестве аргументов порядочности и надежности любящей мамы или беременной жены — сомнительна.

Короче, учитесь разбираться в людях, и да поможет вам Бог.

P.S. К тем, кто продолжает слать деньги за советы, как разбогатеть или похудеть за один день, все сказанное не имеет ни малейшего отношения — они безнадежны.

A тех, кому есть что добавить в мои «Правила личной безопасности», приглашаю к сотрудничеству. Пишите, звоните. Спасение утопающих, как снова выяснилось, дело рук самих...

ОТДЫХ В СОЧИ!

ВНИМАНИЮ ЧАСТНЫХ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Всех желающих провести свой отпуск за умеренную цену на Черноморском побережье известного Российского курорта (ст. Лазаревская Сев.-Кав. ж.д.) приглашаем обращаться по адресу: 107140, Москва, ул. В.Красносельская, д. 17, комн. 522, **ФИРМА «ЭКОЦЕНТР-ВНИРО»**

Телефон 264-92-87.
Факс 264-91-87.

К вашим услугам прекрасная база отдыха, благоустроенные корпуса, солнце и море.

Питание входит в стоимость путевки.
Возможна оплата по безналичному расчету.
Сроки и время заезда — по вашему выбору.

Торопитесь, время отпусков не за горами!

Московский ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

ВСЕ
ГАЗЕТЫ
РОССИИ В
ОДНОЙ

Индекс в
подписном
каталоге
32114
(стра-
ница 40).
Цена
подписки
390 руб.

...лучшие статьи и самые
интересные новости из 200
газет России читайте в
еженедельнике
«Московский обозреватель»

Алексей МИТРОФАНОВ

ЧАСОВНЯ

Первейшая московская святыня — часовня с Иверской иконой Богоматери — стояла между двумя нынешними музеями: Ленина и Историческим, у ныне сломанных Воскресенских ворот. Часовня и икона слились в восприятии москвичей воедино, в моем восприятии — тоже, и я, увы, не знаю, о чем же именно пишу.

Иверская часовня

— Я московская полукровка, мещанка. Говорю «на Москва-реке», «нипочем», люблю блины, к Иверской хожу, — молвила Анна Дмитриевна, глядя в могучую спину «голубушки»-кучера (Б. Зайцев, «Голубая звезда»).

Да и приезжие ступали первым делом к матушке-заступнице, к иконе Иверской, потом уж шли многие церкви — Похвалы Пахлавы, Похвалы всех Похвал — сорок сороков московской Азии. Факультативно.

«Анна Дмитриевна подошла к Иверской, знаменитому палладиуму Москвы — часовне, видевшей на своих ступенях и царей и нищих. Купив свечку, взошла, зажгла ее и поставила перед ликом Богородицы, мягко сиявшем в золотых ризах. Кругом — захудалые старушки, бабы из деревень; ходил монах с курчавой бородой, в черной скуфейке. Плакали, вздыхали, охали. Ближе к стене музея занимали места те, кто устраивался на ночь. Ночевали здесь по обету, чтобы три или десять раз встретить ту икону Богоматери, которую возят по домам и которая возвращается поздно ночью. Здесь служится молебн. И невесты, желающие доброй жизни в замужестве, матери, у которых больны дети, жены, неладно живущие с мужьями, мерзнут здесь зимними ночами...»

— Она, матушка-заступница, все видит, всяческое усердие ценит.

Ох, не плакалось да не вздыхалось у огромных белых стен Христа Спасителя, ох да не охалось. А и охалось — да не так сладко.

И виделась болезным именитая вдова из города Никеи.

Как двенадцать столетий назад, обиженная византийскими иконоборцами, взяла она после горячей молитвы тот образ Богоматери с Младенцем и опустила в реку. А образ вдруг вынырнул, встал на ребро и уплыл.

Плавал два столетия и вдруг явился огненным столбом знаменитым афонским послушникам, инокам Иверского монастыря. Дался в руки лишь самому строгому схимнику — тот прошел, как Христос по воде, и отнес чудный образ на берег. И сразу открылся источник с целебной водой.

Спустя три дня икона вдруг переместилась из главного собора на ворота — охранять подвижников. И стали звать ее — «Заступница», «Вратарница».

В семнадцатом веке сделали с нее три списка для России. Один из них поставили в специальную часовню.

Но болезные не видели серьезной

НЕ ХОЧУ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

Поздно вечером 19 апреля по телевидению России показывали диалог вице-президента А.В.Руцкого и Е.Т.Гайдара, в котором один (Руцкой), мягко говоря, искажал факты, а другой (Гайдар) вынужден был эти искаженные факты опровергать.

Не буду разбираться в вопросах купли-продажи золота и драгоценностей, затронутых вице-президентом, — это дело следственных органов, но меня очень возмутила неприкрытая ложь Руцкого, когда он стал доказывать Гайдару и, разумеется, телезрителям, что, дескать, до начала реформ, начатых правительством Ельцина—Гайдара, в стране были низкие цены на продукты питания и продукты эти были доступными.

Боже мой, неужели Руцкой действительно, на полном серьезе, думает, что мы, телезрители, такие дураки и примем его рассуждения за правду?

Интересно, приходилось ли вице-президенту хоть однажды наблюдать, как покупатели бросались за кусками колбасы в универсамах? Видел ли он, как люди порой теряли самообладание, вырывая друг у друга тот или иной продукт, выбрасываемый им из-за стеклянной перегородки? Так было в Москве, которую, как известно, снабжала вся страна.

Что же было в других городах?

Чтобы не быть голословным, приведу несколько строк из одного, сохранившегося у меня письма:

«...одновременно прошу привезти с собой следующее:

1. Колбасы за 2 р. 20 коп. — 2 кг.
2. Колбасы полукопченой — 1 кг.
3. Зеленого горошка — 5 банок.
4. Апельсинов — 2—3 кг.
5. Хлеба белого — 5 батончиков».

Письмо получено от брата моей жены из города Калинина 28-го февраля 1964 года, именно в это время на каждом заборе «кричали» слова: «Наше поколение будет жить при коммунизме!».

А как вице-президент объяснит многолетнюю скрытую карточную систему на периферии, которая совсем недавно отчасти подобралась и к Москве: были введены талоны на сахар, на табак, на водку. Были введены продовольственные ви-

зитные карточки.

Или Александр Владимирович об этом не знает? Миллионы россиян, не только москвичей, смотрели эту телепередачу. Я уверен, были среди них и те, кто бросал жребий, чтобы занять место в автобусе, отправляющемся в столицу за продуктами.

Зато цены были низкие, так радующие сердце нашего вице-президента. Впрочем, понятие «дорого-дешево» очень относительно. Вспомните, например, огромные очереди за дешевыми продуктами или товарами — это один из показателей платежеспособности населения.

Вместо того чтобы, засучив рукава, бросится в бой, как подобает военному, а теперь и государственному деятелю, за необратимость реформ, за их претворение в жизнь, Руцкой с карандашиком в руке скрупулезно подсчитывает, сколько стоила, далеко не лучшего качества, колбаса. Разве этим должен заниматься вице-президент?

В заключение хочу сказать: все стремления вице-президента и ему подобных остановить реформы, затормозить их ни к чему не приведут. Потому что такого рода деятели по-прежнему хотят жить при коммунизме, к которому нас всех звали семьдесят с лишним лет. А новая Россия при коммунизме жить не будет никогда!

Г.РЕШЕТИН

Москва

ГЕНЕРАЛ-РЕНЕГАТ

В «Столице» № 14 прочла «Гусар от свиноматки» Максима Соколова. Наконец-то показали истинное лицо вице-президента и его камарильи. Руцкой без конца выкрикивает, что его выбрал народ. А поскольку я тот самый народ и есть, хочу сказать по этому поводу несколько слов. Я хоть и отношусь к дамам «те, что постарше», но от «душки военного» не млею. Более того, считаю, что летчика, побывавшего в пакистанском плену, нельзя было и близко подпускать к власти. Чтобы понять это, обязательно читать Фрейда. Альянс Ельцина с коммунистами на какой-то там платформе мне, как и большинству моих сограждан, не нравился с самого начала. Как оказалось, не напрасно. Этот альянс никогда бы не состоялся, если бы не тулеевы-макашovy. У нас просто не было выбора, как нет его и сейчас.

Кстати, хотелось бы знать, какой

ценой полковнику (в то время) Руцкому удалось вырваться из того страшного плена, в котором до сих пор гниют наши рядовые солдаты? Да и генеральские погоны вице-президента, на мой взгляд, ничем не заслужены. Так же считает мой муж — защитник «Белого дома». Впрочем, какой бы мундир ни был на вице-президенте Руцком, в историю он все равно войдет ренегатом.

Л.ПАВЛОВА

Москва

ПОМЕЩИК НЕ ЗНАЕТ ИСТОРИИ

В небольшом, но многозначительном редакционном врезе, предваряющем публикацию «Нагоходец» («Столица» №12) некоего В.Помещика, автор именуется писателем, весьма известным на Западе. Допустим. Однако чем он известен — вот вопрос, который невольно возникает после прочтения отрывка. Высокой художественностью? Глубиной и убедительностью изображаемых характеров и коллизий? Судя по тому, что я прочитал, — вряд ли. Невнятица, ложная многозначительность, утомительное обилие ненужных подробностей...

Но это не все. Писателю полагается знать эпоху, в которой живут его герои. К сожалению, о «весьма известном на Западе» Помещике этого сказать нельзя. Приведу всего два примера, которые подорвали мое доверие к автору и его творению. Нагому герою проезжающая мимо боярыня сбрасывает с саней лисью шубу, которая впоследствии, по словам автора, выделяется рыжим пятном в толпе. Никак этого быть не могло — в XVI веке на Руси, кроме полшубков или тулупов, носили только крытые сукном или бархатом шубы, а не современные — мехом вверх. Ну а что касается боярыни на царском пиру, это уж, извините, и вовсе нонсенс. Во времена Ивана Васильевича боярыни ни на какие пиры не приглашались. Они по теремам сидели. И выпустил их оттуда только Петр Великий. Досадно, что редакция моего любимого журнала выглядит в этом случае не так уж интеллигентно.

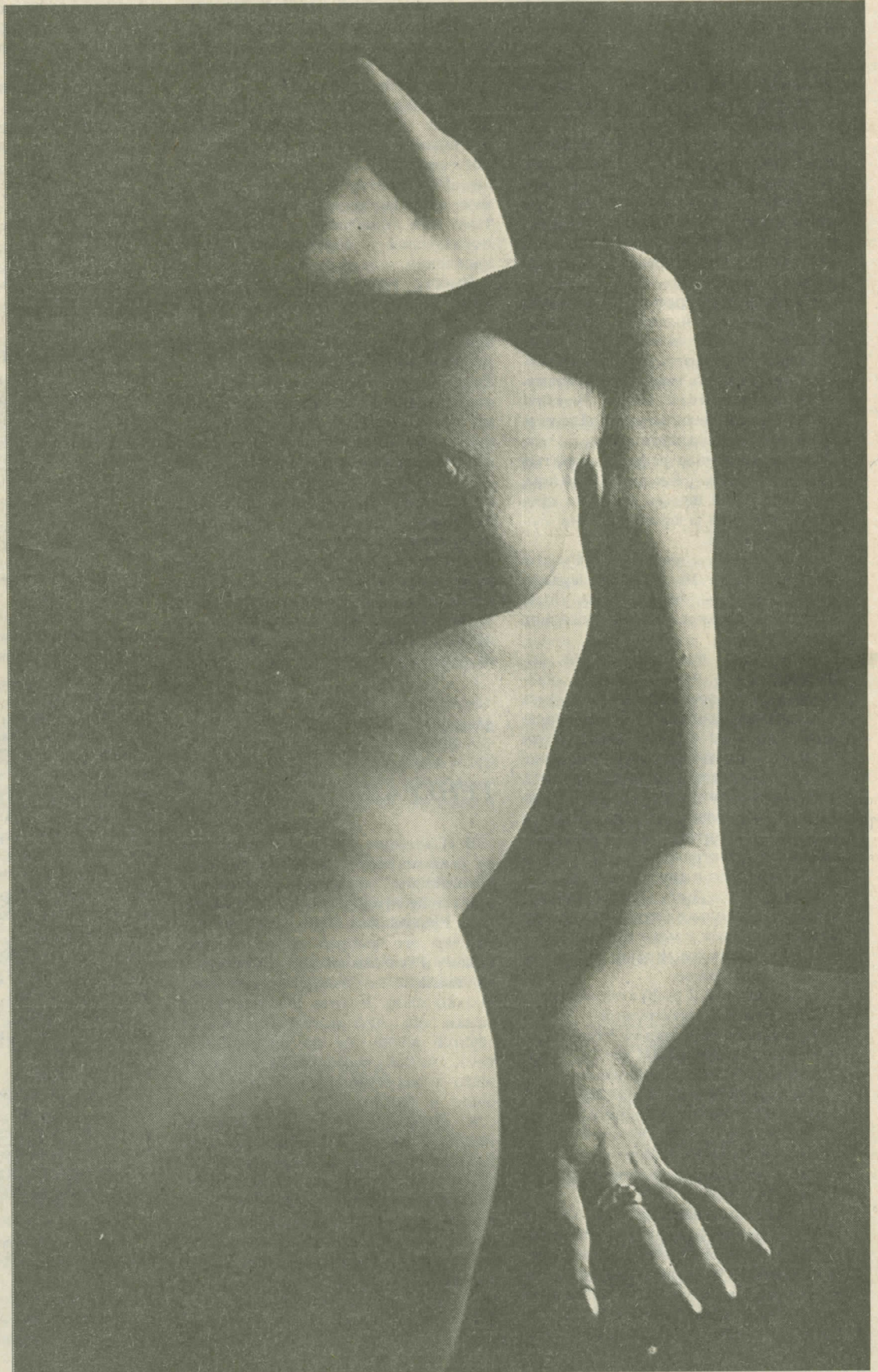
Ф.СЕРОВ

Пермь

ПЕРОСТО

Фотографии
Владимира
ШИШОВА

Тургеневским девушкам было хотя и не сладко, но просто — они наслаждались природой и думали, кого бы полюбить своей тургеневской любовью. А кандидаты в это время грохали друг друга на дуэлях, чем, конечно, облегчали процедуру выбора.

Долготельные набоковские девушки не слишком усложняли свою жизнь и, купаясь в возвышенных переживаниях, были не особенно закомплексованными.

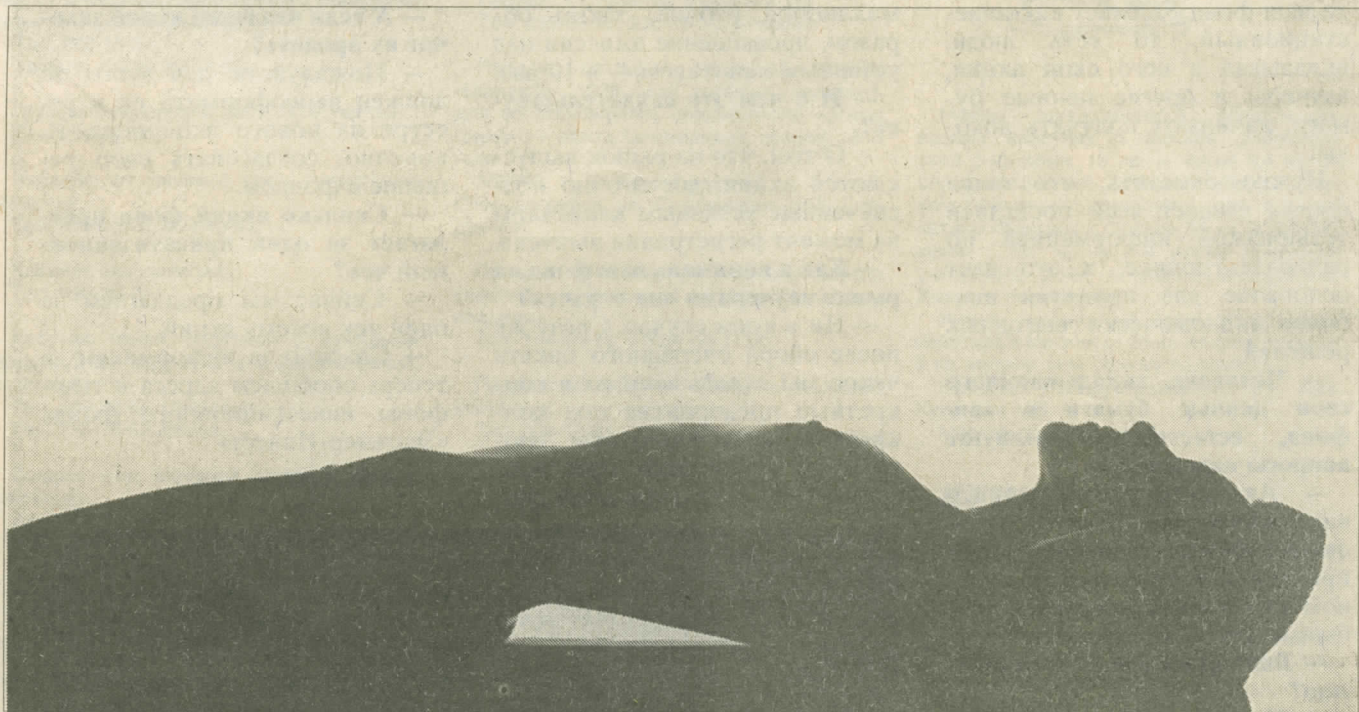
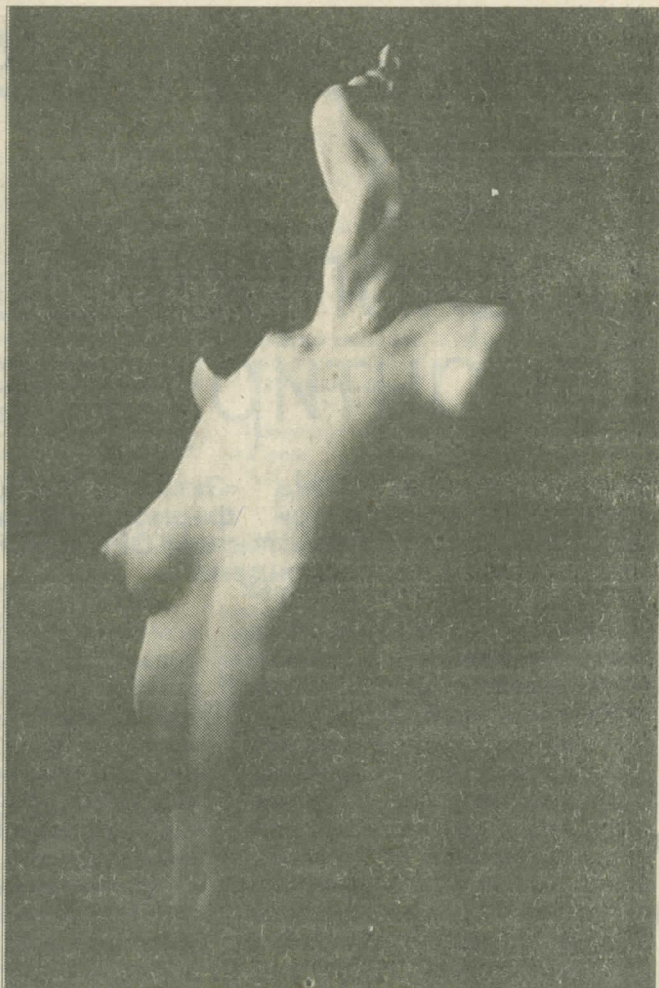
Платоновские героини, обретаясь в «прекрасном и яростном мире», жили ради великой идеи и были просты.

По большому счету все понятно и у наших современниц — они имеют свои цели, разными путями к ним идут и иногда позируют фотографу.

Пусть все будет просто и у тех, кто смотрит сейчас на эти фотографии.

ПРОСТО

Алексей МИТРОФАНОВ

«Эксимер-Инвест»:

ЭКСИМЕР®

Наша радиопромышленность гарантирует вашу прибыль

Инвестиционный фонд «Эксимер-Инвест» создан известной московской фирмой «Эксимер». Его управляющим стал Константин КОРЕНЕВСКИЙ. С ним и беседует наш корреспондент.

— Константин Юрьевич, сейчас возникло множество различных инвестиционных фондов. В чем особенность вашего?

— Фирма «Эксимер» занимается производством и реализацией компьютерной и оргтехники, и наш фонд связан с приватизированными предприятиями радиопромышленности, в чьи ценные бумаги мы и вкладываем собранные ваучеры и денежные средства. И если многие фонды стараются только скупить у людей ценные бумаги, то наш фонд работает как инвестиционный, то есть люди, вкладывая в него свои акции, ваучеры и другие ценные бумаги, начинают получать доходы.

Нужно отметить, что наша фирма владеет всей последней технической информацией по радиоэлектронике, и это дает основание для принятия наиболее экономически выгодных решений.

— Человека, вкладывающего свои ценные бумаги в ваш фонд, естественно, волнуют вопросы надежности...

— Акционер, доверившийся нам, ничем не рискует: наш фонд работает с группой предприятий, и потеря средств в одном из них компенсируется прибылью других предприятий.

— Ваш фонд имеет гослицензию?

— Конечно. Лицензией Гос-

комимущества закреплено наше право на операции с приватизационными чеками — это свидетельствует о проведенной проверке фонда, его инвестиционной политике и компетентности его руководства в вопросах деятельности на рынке ценных бумаг.

— С чего начинался фонд?

— Мы располагали уставным капиталом в 25 миллионов рублей при предполагаемом количестве акционеров — 10 тысяч. Акции мы выпустили на 250 миллионов рублей, таким образом, превышение эмиссии над уставным капиталом — в 10 раз.

— И о чем это свидетельствует?

— О том, что на рынок выпускаются акции, достаточно обеспеченные уставным капиталом на момент регистрации выпуска.

— Как я понимаю, ваш фонд на рынке ваучерами «не играет»?

— Ни в коем случае. Сразу же после сбора очередного пакета чеков мы вкладываем их в конкретные предприятия под конкретные инвестиционные программы. Реализации этих программ в значительной мере спо-

собствует наличие неизношенных фондов у предприятий радиопромышленности, что способно увеличить их производственный потенциал и снизить себестоимость продукции. Таким образом, приватизационные чеки приобретают вещественную форму в виде основных фондов предприятий.

— В настоящее время стоимость предприятий значительно возросла и, естественно, возрастает стоимость их акций?

— Это соответственно влечет рост стоимости акций фонда и прибыльности вложений средств акционеров. Акции фонда простые именные, каждая акция дает акционеру правоодного голоса.

— А если владелец акций захочет их продать?

— Пожалуйста, для этого он должен переоформить их в реестре на нового акционера. И, конечно, согласовать свое решение с фондом.

— Сколько акций фонд предлагает за один приватизационный чек?

— Сейчас мы предлагаем за один чек восемь акций.

— Спасибо за информацию, а теперь сообщаем адреса и телефоны инвестиционного фонда «Эксимер-Инвест»

Москва, ул. Клары Цеткин, 2/3.

Москва, Варшавское шоссе, 116.

Москва, Ленинский проспект, 76.

(095) 156-93-34, 318-50-35.

Для вас круглосуточно работает автоответчик:

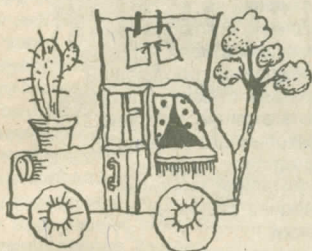
156-94-90

ПРЕДЛАГАЮ

Классическое преподавание у-шу, цигун.
Ул. Вешняковская, д.17.
Тел. 375-02-02.

Организовываю выездную торговлю ТНП (весенне-летний ассортимент) на предприятиях и в организациях. Цены значительно ниже рыночных.
Тел. 164-59-67, после 19 часов.

Грузоперевозки.
Тел. 405-01-02.

Предлагаю несложную работу на дому. Оплата в весьма выгодной для вас форме. Письмо и конверт с обратным адресом выслать по адресу: 330015, Украина, г.Запорожье, Б.Бельфорский, 6, кв. 28. Шиманаева В.П.

Фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам.
Тел. 438-31-87.

Настройка пианино, роялей.
Цены умеренные.
Тел. 438-31-87.

Лингфонный курс англ. яз. Срок обучения — 2 месяца. Гарантируется овладение навыками разговорной речи.
Тел. 208-15-54.
Звонить с 9.00 до 15.00.

Грузовые перевозки. ЗИЛ-130 с тентом.
Тел. 276-04-56.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.
Тел. 319-68-72, 909-43-42.

Кабинет биоэпиляции.
Тел. 190-29-71.

Работаю няней, сиделкой с пожилыми людьми. Ищу партнёрш для работы няней, сиделкой.
Тел. 379-99-64, Светлана.
Тел. 175-15-62, Елена.

Создаю под Москвой частную школу-пансионат.
Тел. 372-45-18,
Наталья Олеговна.

Ликвидация полноты — раз и навсегда.
Тел. 265-42-37.

Уроки русского языка для англоязычных иностранцев.
Тел. 233-87-69.

ЗНАКОМСТВА

Мне 40 лет. Ищу интеллигентного мужа.
Тел. 264-57-00, с 18.00 до 22.00.

Хочу познакомиться с девушкой 15—16 лет, желательно ростом 1,15 см. В конверт положить свою фотографию.

416365, Астраханская обл., Икрянский р-н, пос. Мумра, ул. Набережная, д.7, Огнев И.А.

Ищу опору в жизни в лице одинокого, надежного, немеркантильного мужчины до 48 лет (рост от 172 см), серьезного, материально и жилищно независимого, желательного имеющего дом или дачу в ближайшем Подмосковье. О себе: 40 лет, рост 162, вес 62 кг, моложава, симпатична, одинока, имею 2-комнатную квартиру, интересы разносторонние.

Писать: 129282, Москва, до востребования, Алышевой О.В.

Эффектная, энергичная, моложавая вдова 50 лет (рост 160 см, вес 60 кг), желает познакомиться с интеллигентным мужчиной до 55 лет (рост 175 см), любящим садово-огородные работы.

Адрес: 125083, Москва, до востребования, Жучковой Н.Д.

ПРОДАЮ

Продаю ХТ, принтер «Epson» и др.
Тел. 235-02-49, 235-28-98, Алексей.

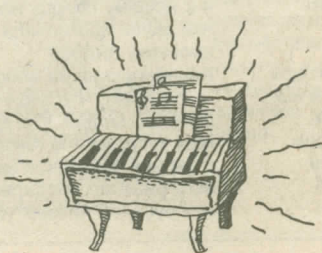
Продаю мотоцикл немецкой фирмы «Цюндапп» 1938 года выпуска, недорого, для восстановления, фисгармонию «Элеан гранд» — завод Циммермана, выпуск 1868 года.

353900, Краснодарский край, г.Новороссийск, ул. Смоленская, д.45, Гайдук И.И.

Продаю 3-комнатную изолированную квартиру недалеко от метро «Электрозаводская».

Тел. 144-96-18, с 9.00 до 17.00.

Продается пианино «Рига» в хорошем состоянии.
Тел. 333-17-31.

Продаю 4-комнатную изолированную квартиру на улице Неждановой.
Тел. 360-81-37, с 9.00 до 17.00.

Продаю однокомнатную квартиру в городе Химки.
Тел. 292-47-08.

Продается стиральная машина мини-«ЗВИ» в упаковке.
Звонить с 11.00 до 17.00.
Тел. 921-15-10.

Продаю хинкалин — импортный биостимулятор.
Тел. 928-83-40.

Продаются щенки чау-чау по рыночной цене.
Тел. 425-51-68.

МЕНЯЮ

Меняю 3-комнатную квартиру, 39 кв.м., комнаты изолированные, кухня 6 кв.м., коридор 10 кв.м., с/у раздельный, паркет, балкон, встроенные шкафы, 5 минут от метро «Новогиреево», на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами и комнату.
Тел. 303-67-13.

Меняю однокомнатную приватизированную квартиру в Москве (Бабушкинский р-н), комн. 19 кв. м, кухня 8,4 кв. м., с/у совмещенный, прихожая, балкон, паркет, 14-й этаж 17-этажного дома, и 2-комнатную квартиру в Одессе, 35 кв. м. (21+14), кухня 7 кв. м, на 1-м этаже каменного 2-этажного дома в районе Молдаванки. Имеется палисадник.

Нужна 2-комнатная приватизированная квартира в Москве от 35 кв. метров, кухня от 9 кв. метров. Или Одессу на Москву.

Одесса, ул.Индустриальная, 21, кв.4, Куликова М.В.
Москва, тел. 475-42-32.

КУПЛЮ

Куплю однокомнатные квартиры рядом с метро.
Тел. 144-96-18.

Куплю малогабаритные 2-комнатные квартиры рядом с метро. Первый и последний этаж не предлагать.
Тел. 144-96-18.

ДУРАК В ГОРОДЕ

«Жорж Данден, или Одураченный муж»

Театр на Малой Бронной,
реж. Б.Ставрев
(Македония)

Фото М.Гугермана

Сцена из спектакля «Жорж Данден, или Одураченный муж»

Неудачные спектакли более сходны со счастливыми семьями, чем с несчастливыми: как и первые, все сценические нелепости похожи друг на друга — во всяком случае, нынешние. Так, например, общим для них является стремление, что называется, «идти в ногу с веком» и «быть не хуже людей»: «Жоржа Дандена» Ж.-Б.Мольера непременно нужно предварить экстрактом из «Версальского экспромта», введя тем самым в спектакль «метатеатральное» измерение, — вот, мол, и мы насыщены о том, что теперь принято не скрывать условную природу театрального зрелища, но отважно обнажать ее, обсуждая на глазах у зрителя закулисные проблемы. Сюда же относится и стремление «тонко вышутить» седую старину, взглянуть на нее «со стороны», добродушно и покровительственно, ведя игру как бы «не всерьез». Здесь приходится заметить, что для того, чтобы нечто пародировать, надо, по меньшей мере, знать это «нечто»: так клоун «оступается» на проволоке. В противном случае во французской пьесе времен Людовика XIV будут звучать

«мелодии из классических опер», а именно — из итальянской оперы периода Реставрации («Севильский цирюльник» Россини), франко-итальянской времен перехода от Второй республики ко Второй империи и промежутка между

двумя революциями Рисорджименто («Травиата» Верди) и французской периода Третьей республики («Кармен» Бизе). Драматические актеры будут выделывать под эти «мелодии» неуклюжие па, да к тому же разевать рты, словно в некоторых телепередачах, — а публика будет поглощать все эти анахронизмы, включая и какие-то романские ворота в качестве декорации, и млеть от удовольствия, что сподобилась узреть «классику». Но и этого мало: поскольку играется фарс, достижения эксцентрической школы не должны пройти для нас даром — и вот на Дандена напяливается странный черно-рыжий парик, а на его спесивого тестя де Сотанвиля — и вовсе изумрудно-зеленый, и только предельная необразованность (или, наоборот, врожденная деликатность) должна помешать нам вспомнить здесь о цирке и о Мейерхольде. Нельзя, однако, сказать, что актеры не стараются, выполняя все описанные у Мольера и придуманные режиссером фарсовые трюки, как-то: побивание не того, кого следует, ошибочные

объятия в темноте, пинки, затрецины, падения в яму, подглядывания в замочную скважину и т.д. Недурны, в сущности, и костюмы Е.Дончевой, хорошо стилизующие исторический силуэт: декорированные затейливо, но как бы инфантильно, персонажи могли бы выглядеть забавными бумажными куклами. Но — увы! — снова и снова чудовищным fortissimo вступают «мелодии», и все больше хочется вспомнить о том, что фамилия «Данден» переводится как «олух», а фамилия его тестя и вовсе значит «дурак в городе».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

БАБОЧКА ЛЮБВИ НА ИГЛЕ ЭПОХИ

«Ближний круг»

«Коламбия Пикчерз»,
«Мосфильм» —
«Арифильм»,
реж. А.Кончаловский

Вокруг сталинской темы кинематографисты ходили кругами, как акулы. Первый большой круг вызвал испуг — эпоха явила на экран свой звериный лик. Оказывается, Сталин был не душка, а зверушка, пожиравшая и чужих и своих. От правды зазнобило. Затем круг стал поменьше, то есть поближе к теме, но при этом — и к нам, так что все ввали в истерику и началась национальная истерическая ржачка. Сталина усадили на толчок, а на Ленина дети стали показывать пальцем, как на Олега Попова в кепке. «Акула» Кончаловского приблизилась к жертве вплотную, сделала последний, маленький круг — он и оказался ближним. Ближним и к теме, и к нам, и к нашему сердцу настолько, что акула проглотила жертву целиком. Андрей Кончаловский не иностранец — он знает, что значит для русских сердце. Его душа хоть и одолжена Америке, но в ранней советской юности на него работал прядильный цех русской литературы XIX

века и качественные образцы искусства века XX. Он-то знал, что со СВОИМИ лучше делиться не мыслями, а чувствами. У нас умом поймешь, а сердцу не прикажешь. В нашей «нелюбовной стране» (М.Цветаева) так огромна тяга к любви, но любовное было всегда какое-то куцее, обглоданное. Обьедки довели до голодухи. Кончаловский как истинный «жрец любви» (см. «Романс о влюбленных» и мемуары Ширли Маклейн) предложил голодающим братьям отменную вырезку. Но в отличие от Ивана Дыховичного («Прорва») предпочел позицию пуританина: невинная бабочка любви на игле эпохи.

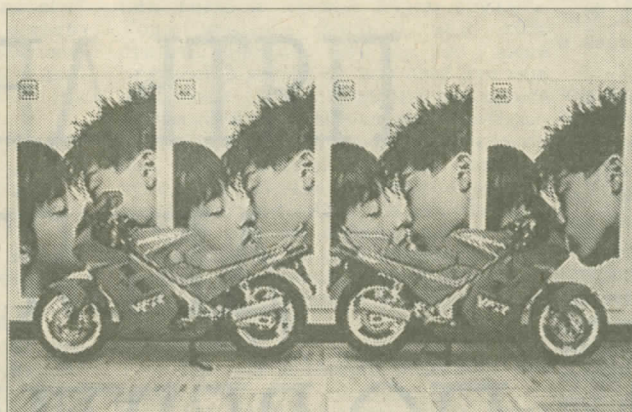
У него сталинизм — с «человеческим лицом». Что может быть человечнее любви простого русского Ивана к простой русской Насте? Наш народ не проймешь постмодернизмом. Он не знает, с какого склада выдается этот товар. Но он доверчиво ловится на колбасную кожуру. Его так легко порадовать. Сказать с экрана: «Я счастлива с тобой» или «Ты любишь товарища Сталина, а я люблю только тебя!» И народ зарыдает. Он зальет слезами друга и соседей, он будет плакать по дороге домой, не спать по ночам и писать

Кадр из фильма «Ближний круг»

письма киномеханику Ивану, как не прав он был, больше любя бандита кавказской национальности, чем чудесную, добрую Настю. Кончаловский знает все про маленького человека, у которого еще в середине прошлого века отняли шинель. Он сделал фильм для него — для того, кто жил в коммуналках, кто помнит портрет Вождя над Москвой в свете прожекторов, кто верил обещаниям, но говорил шепотом даже дома. Он кроит историю не по мемуарам генерала Волкогонова, а по законам беллетристики, массовой литературы. Маленькому человеку скучен политический портрет Берии, ему интереснее посмотреть, как этот бабник, похотливо сверкая пенсне, сажает девочек в черную «Марусю». Эта примитивная, но замечательная мелодрама совсем не вяжется с образом Кончаловского — интеллектуала и дворянского отпрыска. Он так умно рассуждает о русском характере, о крайностях и бескрайностях русской души, о его уютном треугольном сожителе с Богом, и с Чертом. Право, наслушавшись речей, начинаешь верить, что Рублев написал совсем не ту «Троицу». Режиссер ведь на самом деле считает «Ближний круг» первым серьезным фильмом о сталинизме. И называет его ответом на вопрос, почему не самый глупый в мире народ тридцать лет молился извергу и злодею. Все-таки Михалковы неисправимы. Приехать в Россию через десять лет, чтобы объяснить нам, кто мы есть?.. Славно, что в своем фильме Кончаловский не ужас какой умный, а прелесть какой наивный, даже инфантильный... Как октябрьский значок. Стоит ли фыркать, что заделал г-н Kopchalovskiy экскурсию для американцев по нашему историческому музею? Он знал, что делает. Американцы, скорее всего, проржут весь фильм, жуя кукурузу, а русские — они откликнутся на него всем сердцем.

Наталья РТИЦЕВА

На выставке в ЦДХ

ВЛАСТЬ ИСКУССТВА

Выставки «Искусство как власть и власть как искусство» и «Французская коллекция»

ЦДХ

РИНАКО, активно коллекционирующая искусство, недавно провела в ЦДХ две выставки. Первая — «Искусство как власть...» — представляет концептуальную акцию художников (чь работы есть в собрании РИНАКО), которая доказывает, что власть в конце века уже стала частью искусства. Осматривая работы, можно также убедиться, что Боровой занимается чистым меценатством, а не думает о выгодном вложении денег в картины, которые можно потом перепродать втридорога. Концептуализм не продается. Хотя искусство это вполне конвертируемое, что явствует из экспозиции соседних залов, где размещена французская коллекция «Кэсс де депо» (то есть Депозитно-сохранной кассы, которая тоже покровительствует искусствам. РИНАКО и «Кэсс де депо» обменились выставками в рамках «Международного форума корпоративных коллекций»). Тут же никто не скажет, что только наши художники разучились рисовать. Придется принять правила интернациональной игры и учесть то, что говорят французы о своих *artist'ax*: «большинство, пользуясь новыми, появившимися

недавно средствами выражения, отдает предпочтение жесту, рефлексии, а не традиционным формам и техникам». Так что если вы не понимаете и не любите новаторов, то эти выставки не для вас. Хотя, может быть, на вернисаж сходить стоило. Ибо только там встречаешь людей, которые могут объяснить, что все сие значит, к тому же выставка на открытии существует еще в том виде, в каком ее планировали устроители. Например, радовали глаз публики куры, клюющие пшено на карте мира (работа «Любимое место»). Увы, недолго. Правда, мотоциклы «Хонда» из французской коллекции сохранились и через неделю после вернисажа, но все может быть... А главное, жест и рефлексия на вернисажах обычно демонстрируют не только художники, но и тусовка. А потому количество творчества на единицу времени и площади сильно увеличивается, разом подтверждая названия работ К.Звездочетова «Искусство принадлежит тем, кто его обрабатывает» и Ф.Казаля «Все больше и больше людей начинают ценить современное искусство, мы тоже». Особо хочу отметить прелестный экспонат вернисажа — Мальвину, т.е. девушку с голубыми (точнее, васильковыми) волосами. Билетерша тетя Маша сказала о ней: «Я такого еще не видела», а тетя Маша, как известно, многое видела в жизни.

Марина ГЕОРГИЕВА

ПРЕКРАСНАЯ РАМА ДЛЯ ВЕНСКОЙ МУЗЫКИ

Концерт Г.Кремера (скрипка) и О.Майзенберга (фортепиано)

Большой зал консерватории

Десять лет Гидону Кремеру было «высочайше запрещено» выступать в России. Серый поток этих лет прекратила, естественно, перестройка, обруганная всеми. Однако положительный факт налицо — пятый год в конце сезона Кремер наносит кратковременный и надолго запоминающийся визит в филармонические залы Москвы и Петербурга. Заждавшейся «чего-то такого» публике он представляет каждый раз совершенно особые «кремеровские» программы. В прошлом году он открыл российским меломанам русского композитора Артура Лурье. А вот на этот раз программа представляла собой не портрет отдельного музыканта, а раму «портрета» венской музыки XIX и XX веков — прекрасную декорацию с национальным славянско-дунайским узором. Большая часть сочинений в России никогда не исполнялась, хотя композиторы в программе были вполне почтенные: Шуберт, Барток, Дворжак, Лист. Подлинными открытиями нынешних гастролей стали два имени: Эрвин Шульхоф — чешский композитор, погибший в фашистском концлагере, и наш бывший соотечественник Олег Майзенберг — пианист с европейской известностью, с середины 80-х годов живущий в Австрии. Качество исполнения дуэта Кремера и Майзенберга можно определить только одним словом — божественно. Слава обоих музыкантов переводит это слово из области эмоций в сферу статистики и рейтингов.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ,

Алла БОССАРТ

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ПО ВЕРТИКАЛИ

Эти раки стоили пятьсот рублей штука. Поэтому я не обиделась, когда Михал Михалыч закричал, едва я переступила порог:

— Разговоры отменяются! Я не могу! Ты понимаешь, что такое раки? Они требуют полной самоотдачи. Напейся уже наконец и отстань от меня!

В то утро Жванецкий в доме его друзей Инги и Валеры провожал нас из Одессы, с юморины, которая окончательно из праздника города свернулась в праздник для своих, но зато какой! И потом надо же помнить, что такое «свои» вокруг Жванецкого, когда он вступает в город де Рибаса и Бабеля. У Вити Шендеровича есть фраза: «Тараканов нельзя уничтожить, но можно сделать их жизнь невыносимой». Такими тараканами в Одессе тридцать лет назад были некие Михаил Жванецкий, Роман Карцев и Виктор Ильченко. Имен людей, травивших их идеологическим дустом, мы не помним, а если б и помнили — много чести оглашать. В 64-м году трио было, по сути, изгнано из родного города-порта. В 93-м Михал Михалыч Жванецкий въезжал сюда практически на белом коне. Роль белого коня исполнял синий «мерседес», встречавший его у поезда в знак любви и благодарности спонсорских кругов как полномочных представителей свободной экономической зоны. Ура. Справедливость торжествует. Синий «мерседес» увозит нас на тот же вокзал, и Миша Жванецкий устраивает на проезжей части небольшой парад-алле. Незнакомые люди вылезают из своих автомобилей, чтобы обнять любимого писателя, который кажется таким счастливым со стаканом пива в руке, в обществе земляков, кордебалета обворожительных подруг и милых сердцу товарищей по борьбе, глядящих на него влюбленно, на прекрасном таком веселе в первый солнечный из этих апрельских дней в трехстах метрах от моря в Аркадии, счастливой, райской, пасторальной стране, где нравы как бы вновь изначально дружелюбны и просты, что в высшей степени свойственно мягкому курортному климату.

Веселый король, гармоничный благоразумный правитель, отдающий только те приказы, которые не составляют труда к общему удовольствию выполнить.

Разумеется, я люблю Михал Михалыча, как любят его все подданные. Он тяжелый, непоследовательный, капризный человек, беспокойный, ревнивый, смятенный, подверженный депрессиям, не знающий мира в душе, живущий не в ладу с собой. Нормальный. Замечательный.

Фото РИА-Новости

— Почему вы так часто меняете жен? — обстановка широкой ночной отважной располагала к такому вопросу, брызги шампанского радужной стояли над столами, как пена прибой, ветераны жанра орала в микрофон, и только в такой обстановке король согласился потолковать, но зато — о чем угодно. Тишина его якобы парализует. Поэтому время от времени нам придется отвлекаться и вводить в действие посторонних персонажей, хотя, впрочем, как уже было сказано, тут все свои. За что и люблю во многом потускневшую Одессу.

— Жен?

— Ага. И куда вы их деваете?

— Да с чего ты взяла? Я абсолютно не женюсь. Я был женат всего один раз, в 64-м году. Все!

— Но ваша слава Синей Бороды...

— Сильно преувеличена. Нет,

женщины, конечно, играли роль в моей жизни... Женщины! Они вообще управляют жизнью. Все зависит от них. Они разворачивают всю игру по-своему, как им удобно, и мы вдруг с удивлением замечаем, что нами распорядились. Уже. Всю эмиграцию затеяли женщины. Это жены вывозят мужиков. Жены и дочери. И немедленно становятся там еврейками и американками. А наш брат — там всегда русский. Я писал об этом. Я вообще обо всем писал.

— Сурков или кто-то в этом роде объявил, помните: «Написал стихи о любви, закрыл тему». А как у вас с этим делом?

— С каким именно? То, что я ушел из большого секса, — общеизвестно. Сообщил об этом вовремя, правда, ушел поздно...

— А любовь? Давайте вообще поговорим о любви...

— Что ж любовь... Вы что хотели?
— Это к грязноватому юноше, нетвердо подошедшему и бессильно севшему на пол у ног Жванецкого, с диктофоном в слабеющей руке. — Вы кто?

Юноша: — Да я так, просто посижу тут...

М.Ж.: — Нет, тут сидеть не надо.

Юноша: — Да я не помешаю, посижу просто так...

М.Ж.: — Я никому интервью не даю. Я разговариваю с дамой. О любви. Вы где воспитывались?

Юноша: — Где-где... Так я пойду?

М.Ж.: — Ну, так чего ты хотела о любви? Мне пятьдесят девять лет, и этот еще... сбил кайф совсем. А любовь — это работа. Это такой тяжелый труд. И большое несчастье. Любовь — в основном несчастье, потому что ты теряешь человеческий облик, если настоящему...

— Кому вы рассказываете!

— Ну о чем говорить. Знаешь, мне друг один сказал: на страсть я, говорит, даю тебе полтора года, а на любовь — семь лет. И оказался прав. Семь лет несчастья и изнурительной работы.

— Так, может, просто жениться надо было?

— Нет. Я не доверяю себя женщинам. Мне кажется, я слишком скверен, плох, тяжел характером, и мне страшно за человека, который рядом со мной. Ну, кто хочет возле меня держаться, пусть держится... Но желающих все меньше и меньше. Настоящих же, эпохальных романов у меня в жизни было... два. И женитьбу я, как ты понимаешь, сюда не включаю.

— Один из них — небось первая любовь, первая женщина, а?

— Ну, во-первых, это не одно и то же. А первая женщина у меня была — путана. Одесса, портовый же город. Я студент, она чуть постарше. Говорила мне: «Рыбонька, зайдем в порт, если «Солнечнороск» пришел, ты пойдешь домой, если нет — пойдем вместе». И мы шли. Я все понимал, изводился, конечно, но — никаких сцен, скандалов там — ни-ни. Работа, не совсем обычная, но работа. Со своими проблемами, в которых я даже не пытался разобраться. «Рыбонька, — говорила она, — поддержи цветочки, мне надо зайти кой-куда на пару слов». Давала мне какой-то огромный роскошный букет, исчезала в каком-то доме, выходила действительно через две минуты, изодранная вся в лоскуты — и мы шли дальше. Я никогда ни о чем не надо спрашивать. Я многому у нее научился и благодарен ей. С тех пор вообще люблю проституток. Они хорошие, очень добрые бабы. Со своим кодексом чести. Я и в Москве с ними дружу.

— В каком смысле «дружите»?

— В прямом. Мне, к сожалению, достается только дружба. Я все понимаю. Мне говорят: Миша, у тебя ведь нет лишних ста долларов? Лишних —

нет. Тогда не мешай, будем дружить. Тоже неплохо. Вообще, надо тебе сказать, дружба — это все, что у меня осталось в жизни. О, вон они! Это мои школьные друзья. Ведь мы находимся в Одессе, и это все — люди, с которыми я вырос. С пятого-шестого класса. Нас было шесть человек, осталось трое. Это самые близкие. Они все знают, вся моя жизнь для них открыта. Каждый год мы собираемся на даче у Аркадия, на десятой станции... Мама умерла, родственники разъехались, и, кроме них, в Одессе у меня никого нет.

— А дети?

— Как раз в Одессе обошлось без детей.

— Но вообще-то вы своих детей знаете? Там, где не обошлось?

— Я их знаю. И вижу. Очень редко. Я — идиотский ежемесячный папа...

— Вы их навещаете или они — вас?

— Никто меня не навещает... Я бываю. Это дурацкие, придурковатые визиты. Неловкие. И ненужные. Никакой близости нет. Ничего вообще в этом нет хорошего. Это трагедия, в сущности. Трагедия артиста.

— Но некоторые артисты, я слышала, живут со своими детьми и вполне довольны семейной жизнью... Может, все-таки трагедия характера?

— Все эти прекрасные дети родились помимо моей воли. Я не хотел — по той же причине, почему и не женился. И веду себя, возможно, по-детски: я же просил, что же вы натворили? Я же просил... Женщины немножко злоупотребляли своим положением... Кто-то говорил: я не могу иметь детей; кто-то говорил: мне уже тридцать три года, я не хочу оставаться одна... Самые умные говорили: никаких претензий! Миша, я совсем забыла тебе сказать — никаких к тебе претензий, чего ты так испугался? И надо признать: никто от меня ничего не требует. Я очень уважаю всех своих женщин, ни одной среди них не было непорядочной, ни одной хищницы. Я помогаю своим детям — но сам, мамы действительно никогда не предъявляли никаких претензий. Думаю, это вообще характерная черта современной советской жизни — когда женщина все решает сама: за себя, за вас, за детей...

— Вам, я вижу, вообще не нравится положение, когда женщина решает?

— Не нравится.

— Хотелось бы паранджи?

— Нет, почему. Мне только не нравится, когда нас заставляют страдать.

— Мужчина страдает потому, что женщина перестала в нем нуждаться? Что она самоощенна?

— Ну конечно, это же страшно унижительно. Тем более что она — вы, Аллочка, вовсе не перестали в нас нуждаться.

— Что правда, то правда.

— Ваша пресловутая материальная независимость. Взять американских женщин, которые, наконец, этого всего добились, к чему мы сейчас идем. Феминистки очкастые. Вот не нравятся они мне. Хотя они могут нравятся

мужчинам, и нравятся. А мне — нет.

— Всей Одессе нравится, а вам...

— Вот именно. А мне — нет. Меня возмущают судебные процессы, когда дама через двадцать лет подает в суд на сенатора за какие-то сексуальные притязания. Как можно осуждать мужчину за сексуальные притязания! Давайте судом отшибем у него это все, и он не будет никак сексуально притязать. И кончен бал. Что, вам это понравится?

— Судя по вашей досаде, ваше намерение уйти из большого секса — не бесповоротно...

— То есть как — а тренерская работа? Я же должен готовить смену! Надо думать о молодежи.

— А как было у вас в семье? Кто решал?

— У нас — папа. Ну, там было нормальное дореволюционное воспитание. У мамы — две сестры и три брата. Все они с детских лет работали в дедушкиной мастерской, он держал в Одессе какое-то мелкое дельце. Папа — побогаче, его отец был мельником. А папа получил образование, стал врачом. Мама не училась. И спокойно — спокойно! — заняла подчиненное положение. Но это не мешало ей быть со своим характером, и воспитывала меня, между прочим, она.

(Для справки: Клара Новикова делала свою тетю Соню с мамы Михал Михалыча, так что с генами и воспитанием тут все ясно.)

— Отец, правда, тоже принимал участие — но больше ремнем. Да, бил меня папа... Часто. Поймал с куревом — отлупил, за двойки-тройки — лупил... В результате я закончил институт с красным дипломом.

Добросовестность Жванецкого в нашем мире халтуры вызывает почти недоумение. При виде Жука и Арканова, играющих перед выходом на сцену в шахматы, его прямо передернуло от гнева. «Вам же работать сейчас! Завидное хладнокровие...» Жванецкий волнуется! — изумилась я. И где? В Одессе, на публике, которая дрожала бы от обожания и восторга, если бы он просто вышел со своим портфельчиком и потрелался бы с ней о бабах. Знает ли он цену публике? Будьте благонадежны. Знает ли он цену себе? Или! Но — никуда не денешься: воспитание. Так, вероятно, отзывается папин ремень и мамимо монаршее чувство ответственности перед народом, сфокусированным во дворе на Молдаванке. Думаю, что отзывчивость Михал Михалыча на всякого рода демократические акции — митинги типа «Референдуму — да!», встречи в верхах и прочее, что применительно к творческим людям и к Жванецкому в особенности, меня лично раздражает, — думаю, что, когда он транслирует свой голос протеста или, наоборот, в защиту, — мотив: «Я выбрал этого президента и должен быть с ним до конца» — также продиктован папиным ремнем и глубоким материнским комплексом.

Назовем его комплексом Нехамы... Я не хотела говорить с мужчиной, писателем и одесситом о политике, но из отдельных реплик заключила, что к Ельцину он относится как к одинокому беспризорнику, нуждающемуся лично в его, Миши Жванецкого, помощи.

— Михал Михалыч, а вы сами, вы — одинокий человек?

— Скажем помягче, я — человек, несчастливый в личной жизни. Поэтому что семья же нет... Но одинок ли я? У меня прекрасные друзья — и в Одессе, и в Москве: прекрасный, талантливый режиссер Олег Сташкевич, который взялся быть моим секретарем и взвалил на себя груз всей моей жизни; прекрасный, талантливый Игорь Иргеньев, который взвалил на себя мой журнал «Магазин»; Рома Карцев, который взвалил на себя чтение моих монологов вслух...

— Но живете-то вы один. Как вам одному живется?

— Я трупшу. Ночами трупшу очень. Тяжело ночами... Не знаю, куда звонить, если что, куда бежать... Вот так. А впрочем — когда один, а когда и не один...

— Вы умеете готовить?

— Умею. Я все умею. Я же инженер. Это вот они ничего не умеют. Даже веселиться толком не умеют. Рост! Черт возьми, ты же так хорошо можешь вести стол! Вцепись в этих людей! Посмотри, какая красавица у Голубовской доч! Посмотри на папу и маму — они все отдали ей, причем на моих глазах!

Юра Рост, Валера Хаит, вице-президент всемирного клуба одесситов Женья Голубовский, чья остроумнейшая красотка Анька тогда едва родилась, Жванецкий, Мишин, Славкин, Клара Новикова — мы помним, что здесь творилось двадцать лет назад. Тогда почему-то веселиться умели. Но, с другой стороны, и этим криминогенным подросткам, которые первого апреля валили с размазанными физиономиями по Дерibasовской, — тоже вроде бы весело. Все чаще предаваясь ностальгии, я не исключая возрастного фактора как ее причины. Конечно, на двадцать лет моложе — это ровно на двадцать лет изобретательнее и беззаботнее. Но вот я наблюдаю сцену. В давке праздничного шествия к эстраде, где правит в соответствии со своим темпераментом и законами своего жанра Лёня Якубович, протискивается тетка водоизмещением с полную шаланду и, оголив корму, предлагает диктатору экрана оставить на этом выразительном фрагменте ее экстерьер свой автограф. Великий Лёня — а он действительно шоумен международного класса, совершенно гениально работающий с таким важным качеством публики, как безмозглость, — Леонид Якубович, не думая ни секунды, вынимает из воздуха фломастер и пишет по центру золотого сечения (каковая часть тела в аллегорической форме выражает как Лёнину аудито-

рию, так и современную смеховую культуру в целом): «Поле чудес».

Хорошо это или плохо, но эпизод, заставивший Одессу — Одессу! — стоять от колик, — знак времени. Как не было и быть не могло тогда феерического, разбойного Якубовича, так и любимый народом, как бы сказать, «жопов» язык — не исчерпывал юмора. В причинно-следственных связях разобраться можно, но долго: публика воспитала, скажем, Якубовича, или он с успехом воспитывает ее. Я думаю, процесс тут обоюдный. Как в переходе на «ты». «За это нам и перепало: на грош любви и просто-ты, а что-то главное пропало»...

— Вам не кажется, Михал Михалыч, что сейчас, когда все можно, жизнь катастрофически поскучнела? Ну вспомните, согласитесь: то время, которое мы — не поручусь, что справедливо, — называли застоем, было очень контактным, был развит жанр компании, люди умели друг друга заводить, без Якубовича, юмор был ценен сам по себе, на любом уровне, а не как мероприятие... Короче, ну весело же мы жили! А вот как только стало «можно» — анекдот ушел, смех ушел... Осталось бешенство правды-матки и физиологическая реакция на шекотку.

— Смех не ушел, люди хохочут. Он просто переместился. Из области головы — в область живота и ниже. Туда спустилось искусство, спустился смех и — переместился страх. Ведь и страх вместе со смехом гнезвился в области головы. Это был страх сверху. Сейчас страх — снизу. Мой страх — он исходит от заросших людей с дубинами, от митингов национал-патриотов. Страх от банды, которая образовалась внизу. И он потянул за собой все. Искусство не поднимается выше пояса. Юмор на тазобедренном уровне. В период застоя, чтобы выразить свою мысль, надо было облечь ее в такую форму, чтобы никто не догадался. Только вы, я, он. Потому что был страх — сверху. И это вызывало смех такой «этажности»! Ведь присоединялся кайф от догадки, от собственной значимости, от ума собственного — едренть, он намекнул, а я-то еще и понял! Была радость от того, что я принадлежу к тем, кто понимает, к клубу! Был — клуб. Его больше нет. Видимо, отпала нужда...

— И вы тоже сейчас чувствуете свою зависимость от публики? Диктует она вам свои законы?

— Ну конечно. Конечно, я все чувствую. И поэтому я никогда не собираю таких залов, как... Не буду называть. Скажут, я завидую. Да, завидую. И очень страдаю от этого. Но! Вот это запиши обязательно. Есть люди, выступления которых вызывают гораздо больший хохот. Я даже не могу сравниться по уровню хохота с... кое с кем. Но по пленкам иду — только я. А записывают — только меня! И я этим немножко горжусь. Хотя в суд подать, конечно, хочется: популярность растет, а успех падает. Ведь куда бы

я ни приезжал — все мои тексты уже известны. На Дальнем Востоке, на крайсере, в Америке...

— Именно такой метод и был началом вашей популярности.

— Это точно. Если бы не магнитофонное пиратство, — ничего бы не было.

— Вы правду сказали сегодня на концерте, что в свое время читали по баням?

— А какие у тебя основания мне не верить? На концертах я всегда говорю то, что было в действительности.

— То есть вы с портфельчиком, в партийной бане...

— Это были партийно-хозяйственные бани.

— Значит, начальники вас любили?

— Московские — любили. В Одессе и Ленинграде терпеть не могли.

— А в Москве почему любили?

— Знаешь, кто был тогда главным? Референты были главными. В чем разница между министром и референтом? Ни в чем. Только министр об этом не знает. Референты правили страной.

— Ну не сказать, что очень успешно.

— Не без помех. Это были молодые ребята, похожие на адвоката Андрея Макарова. И комплекции такой же.

— Те, кто сейчас занялся бизнесом?

— Да-да! Все ушли в бизнес, все председатели банков — бывшие референты. Практически. Так сложилось, что среди них у меня образовались поклонники. Вот они собирали эту баню и пригласили меня. С одной стороны — чтоб развлечь начальников. С другой — поддерживали меня.

— Вы имели от этого какую-нибудь практическую пользу?

— Только безопасность.

— Ну, в те годы это была немалая польза.

— Конечно. Хотя я семь лет снимал, например, квартиру. Но психологически — как бы близость с этой мафией, — психологически это очень поддерживало. Тягу к начальникам привил мне, должно быть, Райкин. Старик тоже любил дружить с властями...

— А была необходимость вас прикрывать?

— Через два часа после того, как стало известно, что Миша Барышников остался в Канаде, мне позвонили. Но спасли меня не начальники. Меня всегда спасали женщины. В тот день я был не один. И — ох, до чего не один! И когда эти ребята позвонили, я понял, что немогу, ну просто не могу оторваться от моей гостыи и куда-то там ехать. И я им так и сказал: я сейчас не могу. Они, вероятно, обалдели, потому что спросили — а когда, мол, сможете? Я мало что соображал от любви и называл совершенно произвольное время — завтра в три часа. Они оказались пунктуальны... Я спросил: «Что брать с собой?» Они сказали: «Возьмите зонт, обратно мы не сможем вас отвезти». Тут мне, конечно, сильно полегчало, хотя Большой Дом с его заношенными полами и ступенями не стал от этого менее гнусным...

— Когда вы впервые попали за границу?

— Ну вот как Горбачев начал выпускать... 86-й, что ли, год. Мы с Романом поехали туристами. Какая-то дама взяла нас под крыло. По-моему, эта дама сотрудничала с КГБ, но это неважно. Важно то, что мы на борту теплохода «Михаил Суслов» вышли из Одессы и — через Босфор, в Грецию, потом в Испанию, потом Мальта...

— **Шарахнуло?**

— Самое сильное впечатление — блестящий асфальт. Сумеречный вечер, справа — море, слева — аэропорт, и прямо над нашими головами заходят на посадку лайнеры невиданной красоты и почему-то не очень шумят. Улицы из люстр. Море света. Мне казалось все это сказочным и прекрасным. А это был Пирей, Афины. Довольно пыльный, жаркий город, нечистый, похожий на Одессу. Но это я понял потом.

— **Поняли, что не убежать? Что «все мы в ловушке под названием земной шар»?**

— Это я понял, когда увидел, что мои друзья в Израиле несчастнее тех, кто здесь. Мои близкие, немолодые друзья, которые не смогли и никогда не смогут там приспособиться. «Я работаю в больнице», — говорит мне главный конструктор Одесского завода. Он — помощник санитаря... Тяжелая тема.

— **А для себя вы этот вопрос не ставили?**

— Каждый нормальный человек ставит для себя этот вопрос.

— **Вы же сами справедливо пишете: «Миша, у тебя такой жанр»...**

— Да, с моим жанром никуда не денешься. Но когда я иду мимо Дома кино, сквозь толпу, которая кричит мне:

«Жванецкий — жид, Иуда!» — я мгновенно ставлю этот вопрос для себя. Но я понимаю, что надо терпеть, потому что, может быть, я умнее этих людей. И может быть, кому-то нужно то, что я могу еще сказать. Ведь люди приходят ко мне на концерты. И не кричат — жид.

— **Вы несете еврейство как крест?**

— Еврейство всегда крест.

— **Но вы лично это ощущаете?**

— Может быть, благодаря Одессе — не так остро. Русские приобрели здесь этот заразительный язык, этот... я не люблю слово «ментальность» — способ мышления... И эта взрывчатая смесь разных кровей, степи, моря — она всех уравнивала. Поэтому я так люблю возвращаться в Одессу. Нигде, кроме этого города, ни в одной точке земного шара я не буду таким, как все. Да еще с моим жанром.

— **Сатирики — это писатели или не вполне?**

— Я не сатирик. Это чушь собачья. Просто пишу так, как могу. Ну, люди смеются. Я рад. Но сатириком себя не считаю.

— **Я тоже. И писала об этом. О том, что сатира — грубый электронегривательный инструмент, вроде паяльника, а юмор — это строй души, пыльца на ее крыльшках. Но в то же время когда в номинации «Золотого Остапа» вас поставили между Задорновым и Довлатовым (что как ряд выглядит вообще диковато) — к кому из них вас потянуло?**

— Мне хотелось бы быть поближе к Довлатову... Не скажу — подальше от Задорнова, но — поближе к Довлатову. Хотя я, собственно, до сих пор не знаю, литература ли то, чем

я занимаюсь. Ведь это не отработано, не обработано... Это крик, плач, вопли... Я так думаю. А у настоящих писателей я вижу построение фразы... И повествовательный тон. Вот это меня сокрушает. Она вошла и открыла кран, и полилась вода, и все сильнее лилась вода, и вот брызги заполнили комнату, а за окном только начали появляться первые прохожие... Ты чувствуешь, что конца этому не будет никогда? Когда настоящий писатель читает у микрофона, я понимаю, что он не сейчас начал и остановиться не сможет. О, это особый повествовательный язык. Я так писать не могу. Я слишком нервной.

— **Вы вообще не любите писателей?**

— А за что их любить? Это хамы и малограмотные жлобы. В тех случаях, конечно, когда несут свое писательство как миссию. Дарят себя человечеству. Вот этих ненавижу. Нет, те, что приехали с нами в Одессу — Аркан, Шендерович, Иртенев, Славкин, — это замечательный народ, это совсем другое дело. Почему, собственно, они и здесь. Я же компанию подбирал! Нормальный человек не должен и не может сказать о себе: я писатель. Достоевский писатель, а ты — автор... Слушай, я хочу выпить со своими ребятами. Они не писатели, они живые люди и ждут меня уже два часа. Давай последний вопрос.

— **Михал Михалыч, а вот ваши «Раки»: три рубля и пять рублей — это штука?**

— Десяток.

Раки неуклонно растут в цене, не меняя своей завораживающей сути. С ними так же

трудно расстаться, как с Михал Михалычем Жванецким, стоимость которого, причем объективная, тоже повышается с каждым годом — с выдержкой. И безрыбье тут ни при чем. Раки отнюдь не заменяют рыбу, это дивный и абсолютно самоценный продукт, в чем мы и убедились на завтра в доме Пашковых, Инги и Валерия, не менее по-своему замечательном, чем его московский тезка. Дом в Аркадии, счастливой стране, возвращаясь в которую ты обретаешь отрадную способность быть как все. Быть собой. Быть среди своих.

Мы начали прогулку с одесского двора, к нему-то все, как видно, и вернется...

Фото Ю. Рост

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

С кинорежиссером Андреем СМИРНОВЫМ и культурологом Александром ТИМОФЕЕВСКИМ беседует журналист Виктор МАТИЗЕН.

Старый режим делил художников на два лагеря — одни были в фаворе и при власти, другие — в опале. После революционного V съезда кинематографистов произошла перемена статусов: Союз кинематографистов возглавили Элем Климов, а за ним — Андрей Смирнов, считавшиеся ранее неблагонадежными и имевшие каждый по два «полочных» фильма, тогда как те, кто раньше был в чести, были отстранены от дел или сами отошли в сторону. Но вот прошло семь лет после бури, и в общественном мнении позиции противоборствовавших сторон начали понемногу уравниваться. То подавали голос певцы «застоя», оправдываясь и обвиняя своих противников в «р-революционности», то вдруг стала пробовать зубы на отцах свободы и демократии подросшая молодежь. Приложил, как выяснилось, к этому руку и я, опубликовав несколько интервью с бывшими «кинематографическими генералами». Встретил Андрея СМЕРНОВА и обнаружив, что он возмущен всем этим, я включил магнитофон и попросил находившегося неподалеку Александра ТИМОФЕЕВСКОГО принять участие в дискуссии, которая вышла далеко за пределы вечного вопроса «кто прав» и коснулась общих проблем оценки прошлого.

В.М.: Андрей, что же вам так не нравится?

А.С.: Как что? Вы уравнили этих людей и нас с Элемом и еще спрашиваете?

В.М.: Почему вы думаете, что вас ставят на одну доску? Или вас задает то, что допускается сама возможность сравнения?

А.С.: Да! Именно это! Не может быть никакого критерия, по которому нас можно сравнить! И нет такой категории, под которой нас можно объединить!

В.М.: Почему же? Во-первых, все вы принадлежите к виду *homo cinematographicus*, во-вторых, например, с Евгением Матвеевым вас можно сравнить по росту, с Далем Орловым — по весу, а с Львом Кулиджановым — по одному и тому же посту, который вы занимали...

А.С.: Я говорю не в запале, я все обдумал и убежден: не может быть равенства между человеком, извлекающим выгоду из режима, и тем, кто готов жить на любом уровне материального существования, только бы не пачкаться. Ни при каком режиме Климов и я не могли бы оказаться у власти даже в Союзе кинематографистов. Только бунт мог нас туда бросить. Только ради бунта мы туда могли пойти и только на время бунта.

А.Т.: Давайте начнем с того, что все мы «совки» — и Кулиджанов, и Смирнов... и Тимофеевский.

В.М.: Спасибо, что меня не прихватили. Сам записываюсь. Но, Андрей, у меня и в мыслях не было доказывать ваше равенство. Для меня было очевидно, что в результате обнаружатся кардинальные различия. Я знал; что вас вряд ли порадуют мои разговоры с вашими противниками, в которых они будут обрушиваться на вас с Климовым (хотя Кулиджанов воздержался от всяких обвинений), но то, что вас заденет сам процесс выяснения *who is who*, я не предполагал.

А.Т.: Но стремление уравнивать воевавшие стороны действительно существует. Дело в том, что сейчас до карикатурности стремительно идет разочарование в либеральных ценностях, которые половинчато утверждались во время перестройки и более последовательно — после августа 91-го. И на волне этого разочарования уравнение чиновников перестроенных с чиновниками застоя выглядит естественно. Естественно также кидать камнями в тех, кто эту либерализацию начал — в тот же секретариат Союза кинематографистов. Это очень неприятно, и я в последнее время ловлю себя на том, что шестидесятники, с которыми я спорил и которые были задеты моей статьей о них, мне, пожалуй, ближе, чем те, кто свыряет в них камни. Полемицизовать с ними было уместно тогда, когда они еще находились в большой силе. Теперь это несколько десятков

пожилых и немного смешных людей, оставшихся не у дел. В статьях Галковского и прочих слишком много победившего торжества, которое само по себе противно. С торжеством вообще не хочется солидаризироваться. Ни с торжеством октября 17-го, ни с торжеством августа 91-го, ни тем более просто с торжеством молодости, которая празднует свою силу. Есть и еще одно соображение. Когда по ТВ показывали наш культурный истребитель, собравшийся поддержать ельцинский референдум, и в зале, и на сцене были одни шестидесятники, в конце вечера вставшие, чтобы спеть свое «Возьмемся за руки, друзья». Они буквально взялись за руки и, раскачиваясь, пели. Смотреть на эту сцену без слез было невозможно. Очень глупо, очень патетично, очень бессмысленно. Еще и потому, что весь этот прекраснотный порыв направлен на защиту не горнего Света, а дольней земной нужды, запутанной и довольно мерзкой политической комбинации (мерзкой, как вообще любая политическая комбинация), в которой к тому же они ничего не понимают. Однако они снова встают грудью на амбразуру, как в августе 91-го. Но при всем при том, сколько бы мы ни морщились, сколько бы ни пожимали плечами, шестидесятники — единственный оплот либерализма. Я с изумлением наблюдаю среди моих ровесников отказ от того, что они еще пять лет назад столь яростно проповедовали.

В.М.: Я бы не хотел оказаться в этой компании, поскольку ценности свободного мира для меня значимы так же, как раньше. Тем более странно было бы мне смешивать с грязью тех, кто открыл шлюзы свободе кинокритики. Но это не запрещает мне беседовать сегодня с Кулиджановым, завтра со Смирновым и критически оценивать деятельность обоих. В частности, я неоднократно слышал, что все вы в той или иной степени принимали правила игры, которые диктовала власть...

А.С.: В какие это игры мы играли с властью?!

А.Т.: Имеется в виду условный тип

Андрей Смирнов

«шестидесятника», под который под-
ходит, скажем, Гельман с его пьесой
«Протокол одного заседания».

А.С.: Я не большой поклонник этой
пьесы, хотя большой поклонник Гель-
мана. Это один из самых умных, тон-
ких и порядочных людей, которых я
знаю. Но он тоже продукт этого об-
щества. Вспомните обстановку, в
которой мы жили! Если в картине были
малейшие элементы правды, соци-
альной критики, аудитория на это
откликнулась. Хотя, в принципе, соци-
альная критика вовсе не дело искус-
ства... Возьмите «Твой современник»
Габриловича и Райзмана. Эта карти-
на стала официальным знаменем, но
ведь она очень правдива! В чем мож-
но упрекнуть Райзмана, который в
фильме 1955 года «Урок жизни» вы-
вел зарвавшегося партийного ра-
ботника?! Или «Карнавальную ночь»?

В.М.: «Карнавальная ночь» — это
святое, но «Коммунист», «Твой совре-
менник», «Премия» и другие плоды
«сожителства» честных интелли-
гентов с партийными нормами вызы-
вают у меня иронию. Вот райзманов-
ская лента «А если это любовь!» абсо-
лютно безупречна, да и ваш «Бело-
русский вокзал» тоже. А то, что вам
представляется чуть ли не дисси-
дентством, для меня выглядит
уступкой ортодоксии...

А.С.: Где вы видите компромисс с
идеологией?! Компромисс — это
когда я думаю одно, но для того, что-
бы фильм вышел, делаю вид, что ду-
маю другое. Ни в одном из названных
фильмов такого нет — они абсолютно
адекватно выражают позицию их авто-
ров.

В.М.: Вы хотите сказать, что я счи-
таю авторов более умными, чем их
произведения? Но это ничего принци-
пиально не меняет — значит, «Прото-
кол одного заседания» — адекватная
картина ограниченности гельма-

новского сознания 197... года, «Комму-
нист» и «Твой современник» — огра-
ниченности сознания Райзмана и
Габриловича образца 195... и 196... го-
да.

А.С.: Извините, но вы демонстрируе-
те классический образец антиисто-
ричности мышления. К людям 50—
60-х годов вы предъявляете совре-
менные требования!

В.М.: Я могу вам показать свою руко-
пись 1972 года с критическим разбо-
ром «Твоего современника». Но если
вы полагаете, что историческая огра-
ниченность является оправданием, то
ведь и Матвеев не виноват в том, что
был обманут и верил, и Даль Орлов
не виноват в том, что вырос в семье
военно-партийного работника, а не в
доме Солженицына.

А.С.: Матвеев верил, говорите вы, и

Александр Тимофеевский

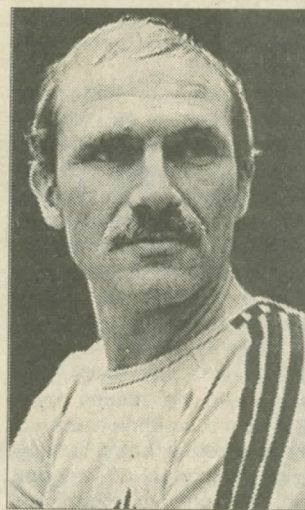
Смирнов верил. В чем же разница? А
в том, чего требует от вас ваша вера
— независимого поведения или мол-
чания, когда бьют слабого. Те, кого
вы называете шестидесятниками и
упрекаете в сотрудничестве с режи-
мом, на самом деле сопоставляли
свою веру с практикой этого режима
и, пытаясь его улучшить, непрерывно
расшатывали, поскольку улучшить
его невозможно. В результате этого и
появились вы, полагающие, что ваше
знание возникло само собой.

А.Т.: Люди существуют не в безвоз-
душном пространстве и не в абсолют-
ных нравственных критериях, а в от-
носительности ситуации. В этой си-
туации необязательно было стано-
виться Солженицыными... Есть нор-
мальное желание социализироваться
в любом социуме, пусть даже самом
ужасном.

Нельзя это осуждать, это естест-
венное чувство. Я бы никогда не стал
осуждать Райзмана за идеологичес-
кие мотивы, потому что понятна вся
относительность говорения «правды»

в то время. Единственной существен-
ной границей является граница со-
вершения или несовершения личного
зла ближнему.

В.М.: Я не спорю. Я только говорю,
что относительность критицизма этих
фильмов была видна уже тогда, ког-
да они выходили, и что их относитель-
ная правдивость мешает придавать
им абсолютное художественное зна-
чение, которое имеют произведения
искусства, созданные внутренне
свободными людьми. Далее, крити-
ческие ноты есть и в фильмах Мат-
веева, которые тоже проходили от-
нюдь не гладко. И если ни Райзман, ни
Гельман, ни вы не виноваты в поче-
стях, которые на вас обрушились, то
есть не виноваты в том, что извлекли
некоторую выгоду из режима, то Мат-
веев почему в этом виноват? Он мне
говорил: «Я что, выпрашивал их? В
очереди за ними стоял? Просто «пру-
ха» пошла...» У каждого из них есть
что поставить себе в заслугу. Орлов
— единственный из редакторов дал
в своем журнале («Советский экран»
— *Ред.*) статью к 50-летию Тарковско-
го. Министр кинематографии Ермаш
позволил Панфилову снять «Тему»,
несмотря на антисоветский эпизод с
отъезжантом, и не по его вине она
легла на полку. И так далее. В этой
относительной системе вообще чуть
ли не каждый предстал диссиден-
том по отношению к вышестоящим и
реакционером относительно ниже-
стоящих. И только тот, кто был вовсе
в стороне, был свободен от этих игр.
Далее, Орлов, в бытность главным

Виктор Матвиен

редактором Госкино, был главным
киноцензором страны, и его заклю-
чения на фильмы Шукшина и Тарков-
ского, конечно, свидетельство вох-
ровских замашек системы и его само-
го, но не надо забывать, что лично он
ни одного фильма не утопил просто

потому, что не на его уровне принимались такие решения. А вот вы, Андрей Сергеевич, и милейший Анатолий Борисович Гребнев не далее как в 1990 году утопили мою статью «Портрет отсутствующего лица» о бывшем закиносектором ЦК КПСС, а тогда министре кинематографии товарище Камшалове. И утопили именно потому, что в то время играли с упомянутым товарищем в одни игры, извлекая из этого профит — не для себя лично, так для Союза кинематографистов.

А.С.: А вот у меня форма злопаямства не личная, а общественно ориентированная. Был единственный режиссер, который на митинге одобрил введение танков в Прагу. Прошло лет шесть, он мне звонит и говорит: завтра будет рассматривать мое заявление о приеме в Союз, надеюсь, все будет в порядке? А я был зампредом режиссерского бюро. Я говорю: «Нет, милый, я костыми лягу, чтобы тебя близко к Союзу не подпустили!» — «Почему?» — «А ты думай, когда выходишь на трибуну!» И повесил трубку.

Я мог обрушиться на фильм по художественным соображениям, но, если была картина, которую топили за идеологию, мы приходили на худсовет как миленькие и гавкали под стенограмму, чтобы прикрыть фильм, независимо от его художественных достоинств... Порог — что можно и что нельзя — был каждый раз совершенно конкретен и абсолютно прост.

А.Т.: Художественные претензии высказываются с глазу на глаз или в кругу своих, но, когда намечается худсовет или директивное обсуждение с начальством, не может быть художественных претензий...

В.М.: В таком случае вариантов безупречного поведения на тогдашних худсоветах было два: набрать в рот воды или раз навсегда заявить (как сделал Кончаловский по отношению к Панфилову), что художник имеет право снимать как хочет. Откуда логически вытекало, что всякие худ-и госкиносоветы вообще не имеют права на существование.

А.С.: Это заблуждение — представлять себе, что давление осуществлялось только по линии идеологии. Когда я был в конфликтной комиссии и мы доставали одну за другой «полочные» картины, то видели, что все претензии Госкино носили чисто вкусовой, но абсолютно безошибочный характер. Они гребли все, что выходило за рамки стандартного мировосприятия. Все, что было кинематографично, — все у них вызывало ненависть! Кто-то из охраны «Мосфильма» замечательно сформулировал: «А что там — все понятно:

«Свой среди чужих» — это вроде бы наше, но не по-нашему, «Осень» — не наше, но по-нашему, а «Зеркало» — и не наше, и не по-нашему...»

В.М.: Скажите, Андрей, а были советские картины, которые у вас вызвали ощущение «нечистоты»?

А.С.: Девять десятых тогдашнего кинопотока, которые были сплошным приспособленчеством. Но особенно неприятно было, когда до этого опускались люди талантливые, тем более такие, которые когда-то были для нас героями, например Алов и Наумов в «Беге».

В.М.: Но ощущение того же рода могло возникать и от фильмов, которые вам дороги. От невозможного бригадира и образцового парторга в «Премии», от апологии фанатизма и бессмысленности того, что выдается за подвиг в «Коммунисте»...

А.С.: Я стоял четыре часа, чтобы попасть на «Коммуниста», и вы хотите, чтобы я отрекся от впечатления, которое он на меня произвел?

В.М.: Нет, я хочу, чтобы вы признали, что другой имеет право судить о «Коммунисте» и «Премии» так же, как вы судите о «Беге». Теперь насчет безусловных граней между подлостью и нравственностью. Разве с точки зрения коммуниста плохо осудить товарища за контрреволюционные или просто «не наши» мотивы в его фильме? Так что вопрос о причинении или непричинении зла — очень щекотливый. Вы ведь должны помнить, кто принимал участие в обсуждении «Зеркала» на «Мосфильме» и что говорил...

А.С.: Еще бы! Госкино хотело, чтобы режиссеры сформулировали те претензии, которые они сами с их мозгами не могли перевести на эстетический язык. Они вообще не понимали, о чем идет речь в картине! Но чувствовали — не то! А Сизов, тогдашний директор студии, наоборот, собрал народ поддержать фильм.

В.М.: Я думаю, что Ермаша устраивал любой вариант. Если бы картину поддержали, у него был бы козырь для ЦК. Если бы не поддержали — для собственного оправдания.

А.С.: Тарковский меня спрашивает: «Ну ты-то придешь?» А у меня как на грех съемка в это время. Я говорю: «Неужели ты волнуешься? Быть не может, чтобы не поддержали!» После смены звоню Тарковскому и слышу: «Я с тобой разговаривать не хочу!» Наутро я побежал стенограмму читать. У меня волосы встали дыбом от того, что там говорили Наумов, Хуциев, Райзман!

В.М.: Что и требовалось доказать...

А.С.: Но я же и говорю, что дело не в верованиях, а в поступках!

В.М.: Я все же думаю, что в вере. За-

метьте, вы назвали трех режиссеров, которые так или иначе были связаны с идеалами коммунизма ленинского типа. А Тарковский был человеком другой веры, другого измерения, которого просто не интересовало все то, чем они жили. Фильм был настолько нов и своеобразен, что у них просто не оказалось эстетического аппарата, способного адекватно его воспринять и оценить. И они его оценили как художественно слабый и идейно сомнительный — вовсе не имея в виду и не желая укладывать его на полку.

А.С.: Для меня это связано и с проблемой культуры нашей интеллигенции. Так вот, прочитав стенограмму и чувствуя себя последним предателем — хотя, если бы я выступил, было бы еще хуже, — кинулся к Райзману, и мы часа два друг на друга орали. Он говорил: «Я так думаю» — «Так и молчали бы, если так думаете! А вы нож в человека воткнули!» Он спрашивал: «Почему у него одна актриса играет мать и жену — это что, эдипов комплекс?» Я говорил: «Юлий Яковлевич, вы же трудов Фрейда в глаза не видели! Я вам принесу — там же ничего подобного нет!»

В.М.: Если мать и жена в одном лице — это не эдипов комплекс, то и у самого Эдипа комплекса не было. Но зачем вы отмывали Тарковского от Фрейда? Что, быть в кино фрейдистом хуже, чем коммунистом?

А.С.: Так я же и говорю — темнота. Когда-то мой отец как секретарь Московского отделения СП делал доклад, осуждающий Пастернака за «Доктора Живаго»... Если рабочий писал: «Я не читал Пастернака, но, как и весь советский народ, осуждаю его...» — с него нечего спрашивать, но интеллигенту это непостижительно. Отец, я думаю, прочел Пастернака (пауза — *В.М.*) перед докладом, но он искренне считал: что это за поэт, которого народ не знает? Вот Твардовский — великий народный поэт... Отец, правда, быстро разобрался в том, что он наделал, и когда я ему спустя несколько лет наступил на эту мозоль, он аж взвился...

А.Т.: А проро: твой отец, в отличие от тебя, жил давно, и застал те времена, когда Пастернак был если не придворным поэтом, то в большом фаворе...

А.С.: Никогда Пастернак не был придворным поэтом!

В.М.: Возможно. Но Сталин, несомненно, выделял его из толпы, как и Булгакова, и трогать не давал. Не случайно же он удостоил его звонком в связи с арестом Мандельштама. Поэтому, вероятно, что Пастернак написал одно из первых стихотворений о Сталине, и не какую-нибудь дешевку,

как вся эта рифмоплетствующая шушера, а настоящее.

А.Т.: Лидия Чуковская вспоминает, как она после погромного доклада Жданова встретила жену Пастернака и кинулась к ней с сочувствием: сегодня, мол, Ахматову, а завтра Бориса Леонидовича... А та ей резонно заметила: «Как вы можете сравнивать эту старую рухлядь, пропахшую нафталином, с моим советским, с моим коммунистическим Борей?!» Я не к тому, какой был Пастернак, а к тому, какой он имел имидж...

В.М.: И этот имидж «советского коммунистического» позволил назвать его именно предателем, а не, допустим, «старым матерым врагом советской власти». Когда вы говорите о темноте, это верно, но дело не только в темноте. Представьте себе те годы и классического шестидесятника, который находится в оппозиции к коммунисту сталинского типа и критикует его с точки зрения коммуниста ленинского типа или даже коммуниста с человеческим лицом Горбачева, Шатрова или Гельмана. Тут подходит антикоммунист и говорит: «А я клал на ваши идеалы, потому что все они, хотите вы того или не хотите, бесчеловечны». Что происходит? Оба коммуниста дружно разворачиваются и начинают мордовать оппонента...

А.С.: (радостно) Дорогой Витя! О чем вы говорите?! Люди с трудом выбиравались из мрака, в который их погрузили! У меня было как: идеалы — замечательные, действительность — ужасная. Начал копаться в прошлом — выяснилось, что Сталин — сволочь. Но когда же извратились идеалы? Я познакомился с Шатровым, у которого отец был расстрелян, а мать просидела семнадцать лет. Он только начал писать «ленинские» пьесы. От него я услышал о стенограммах съездов, залез в них и пришел в ужас — самые основы начали колебаться... Потом я добрался до Бердяева, и вопрос, когда же это все началось, отодвинулся до седьмого века. С самого начала своего формирования эта нация неуклонным шагом шла к Октябрьской революции. Уже в XI веке слышатся жалобы на двоеверие!

А.Т.: Просто христианство нужно было принимать не от Византии, а от Рима, если угодно...

В.М.: Неважно откуда, важно — как. Владимир-то Русь крестил насильственно. И Ленин звездил так же. С другой стороны, раз окрестили и озвездили — значит, было за что. При Иларионе — двоеверие. При Виссарионыче — троeverие: снизу — язычество, сверху большевизм, в середине христианство...

А.С.: Короче, к 1967 году я понял, что я — враг и мне надо сидеть тихо. Но вылезти же хочется. И вот мне дали рассказ Олеси, где комиссар — герой, а я сделал комиссара, который понимает, что это все — мусор, хотя он все равно герой... Как уловить, где мера компромисса и мера веры? Главное — подвинуться еще на шаг! Где был человек, который все сразу понял? Нужен был «ГУЛАГ», чтобы у нас глаза раскрылись!

В.М.: Конечно, давление идеологии коржило даже очень умных и образованных людей. Но все же в России всегда находились люди с абсолютной шкалой ценностей, и мелкие шажки в постижении очевидного никакого энтузиазма у них не вызывали. Ну какие там иллюзии насчет идеологии или практики коммунизма были у Ахматовой или у Бродского? У верующих людей, которые видели поспраие христианских ценностей? Чтобы оценить реальный коммунизм, не нужно было ума, достаточно было посмотреть вокруг. Чтобы оценить светлые коммунистические идеалы, достаточно было заглянуть в «Что делать?» или «Партийную организацию и партийную литературу». Кто хотел понять — тот понимал несмотря ни на что. Кто боялся открыть глаза — искал и ищет оправданий.

А.С.: Готов согласиться, что все это очень индивидуально. Но все-таки был такой рубеж, до которого оправ-

дания имеют силу, — это XX съезд. После него — кто хотел знать правду, тот мог ее узнать.

В.М.: Я бы родился лет на десять раньше только для того, чтобы доказать вам обратное. Но мы пошли по третьему кругу. Скажите лучше, как вам живется вдали от общественных обязанностей...

А.С.: Я снова обрел ощущение отдельности от толпы, ощущение последнего в очереди, мне лично необходимое. Какая-то избранность наоборот, если хотите. Сплочение, единение с толпой естественно, порой — в моменты социальных потрясений — необходимо, но творчески оно смертельно. Конечно, заботит проблема денег. Но на старости лет снимать какую-нибудь порнографию не хочется.

А.Т.: А что, были предложения?

А.С.: Ну, не в прямом смысле. Я бы мог сам выбрать степень откровенности...

В.М.: Ах да, вы же своей «Осенью» нелегально лишили девственности русскую кинематографию, показав на экране любовный акт. А за границей что-нибудь снять не хочется? Я слышал, вас французы приглашали...

А.С.: Лет бы двадцать назад поехать во Францию и сделать там картину! Но в пятьдесят лет становиться второстепенным французским режиссером? Я хочу делать то, что я хочу...

ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ — ФИРМА «КРОН»

- ремонт копировальных аппаратов
«CANON», «MITA», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ — ЧЕЛОВЕК-МИФ

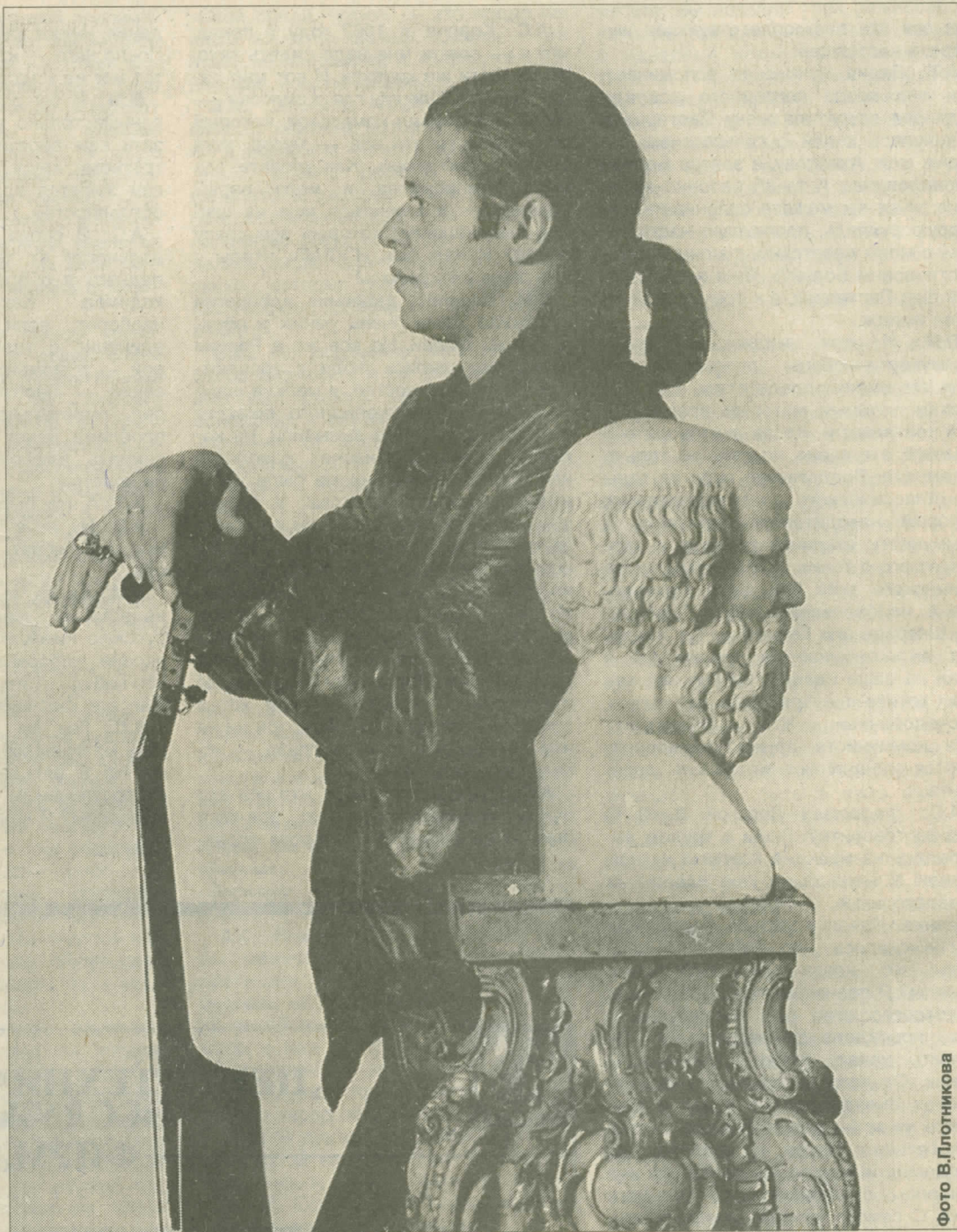

Фото В. Плотникова

БГ с точки зрения жизни

Раньше было модно повторять вслед за самим БГ, что «Аквариум» — это не группа, а образ жизни. Теперь среди тридцати-сорокалетних эстетов модно цедить сквозь губу, что Гребенщиков — это скучно. И двадцать лет нашей общей молодости — тоже скучно?

«Боб, он же Борис Борисыч Гребенщиков, бледный, с длинным хайром, нервным лицом и угрожающим голосом. Штаны защитного цвета, сапоги хромовые. На руке 6 (шесть) перстней.

Страдает». (Из апокрифической пьески, приписываемой «Аквариуму».)

Откуда он взялся, такой? Папа — моряк, изобретатель, научный сотрудник, мама — выпускница университета, долго работала художником в Доме моделей, потом стала социологом. Родился 27 ноября, по зодиаку — Стрелец, в 1953 году, по знаку — Змея. Часто упоминает эти символы в своих песнях.

Домашнее воспитание, никакого детсада. Много чтения: зрение — минус пять. Очков не носит, поэтому

иногда похож на презрительного верблюда с выпяченными губами и полуприкрытыми глазами. Не придерживаясь моды ругать БГ, утверждаю, что он — красив.

Что дальше? Спецматшкола — тяжелое детство, вообще-то. «Мальчик долго едет из матшколы домой, засыпает в автобусе... и просыпается на конечной остановке. А там светит солнце, и какие-то поляны, лес... Водитель, под которым явно подразумевается Джордж Харрисон, говорит: «Ну, вот и приехали!» (Рассказ БГ в книге А.Житинского «Путешествие рок-дилетанта».) Поясняю, на всякий случай, Харрисон — один из «Битлз». БГ, услышав по «Голосу Америки» какую-то их композицию (что он мог там услышать, ведь в 60-е все глушили?), понял, для чего родился на свет.

Школьные вечера, игра на гитаре, вокал (на английском). Первая собственная песня (на русском) называлась «Все должно пройти». Явно мальчику было тесновато и в школе, и в советской действительности. В университет поступил сразу, на факультет прикладной математики (примат), известный еще и тем, что по ночам в одной из его аудиторий, минуя вахту, по приставной лестнице через окно лазили слушать «Аквариум» 70-х. Окончив университет, БГ служил в НИИ социальных комплексных исследований, а когда его оттуда «вышибли», или, как он деликатно определяет, drop out (и из рядов ВЛКСМ, и из штата НИИ), вздохнул с облегчением. БГ очень благодарен городу Тбилиси за этот поворот в судьбе.

Упоминание столицы суверенной Грузии в данном случае означает место проведения джаз-рок-фестиваля 1980 года. Что произошло той весной в Грузии? В зал филармонии люди пришли послушать хорошую эстраду, а там — «Аквариум». Жюри во главе с композитором Саульским сбежало, часть публики тоже. Остальные впали в состояние неистовства разного рода — негодовали и балдели. А ведь на сцене не было никакого «забоя», «электричества», почти одна «акустика» — гитара, скрипка, виолончель, барабаны группы «Гунеш». Тем не менее — скандал. Его как-то приглушили и даже позволили БГ выступить в полупустом цирке города Гори — на родине Сталина. Какое-то западное ТВ сняло этот концерт, и часть номеров до сих пор призраком «бродит по Европе».

Кстати, выступления БГ и «Аквариума» запрещали не только из-за таких громких событий. Народ кое-где у нас порой любит постукивать и писать письма, особенно — против. Пример. Две старушки из Архангельска, которых неизвестно зачем занесло на

концерт (скорее всего, они в тот вечер отвечали за «культурный досуг молодежи»), накатали «телегу» в Питер, из которой, правда, не было ясно, что их больше смутило — песни или черное кимоно БГ. Возможно, под влиянием таких впечатлительных и далеких от рокмузыки людей К.У.Черненко впоследствии выгнул, помимо прочих, постановление «О ликвидации вокально-инструментальных ансамблей». Петь песни прилюдно вчетвером-вшестером с небольшим количеством инструментов было запрещено главой государства!

Что было до Тбилиси? Перечень «прописки» группы забавный: ДК им. Цюрюпы, Крупской, Ленсовета и т.п. Худруком «Аквариума» в этих организациях БГ никогда не числился, так как у него не было специального музыкального образования.

Квартирные, подвальные, чердачные концерты. Тусовка на ступенях Инженерного замка: пели, играли, говорили. Еще — выступления для заработка. Сам БГ так вспоминает первое из них: чья-то свадьба, банкетный зал, бороду себе выкрасил в зеленый цвет, играли плохо, слушали — тоже. Но по бороде — запомнили.

Поездки на многочисленные, несмотря на запреты, рок-фестивали в Прибалтику и российскую «глубинку», где все путались: то ли Киров, то ли Калинин. Не смейтесь, товарищи. Вожди революции сыграли положительную роль в жизни БГ. Вот два места, где он мог остановиться и поработать: огромный дом некоего Фалалева на Каменном острове в Питере, подаренный этой семье самим В.И.Лениным, и небольшая дача на Николиной горе, под Москвой, А.Липницкого, чьи предки-гомеопаты всегда лечили высокопоставленных лиц нашего государства.

Триумфальный для «Аквариума» 1987 год: ленинградский «Музыкальный ринг», где БГ отвечал на вопросы, по 1-й (!) общесоюзной программе; запись диска «Равноденствие» на государственной фирме «Мелодия» с удивительными словами в аннотации: «15 лет — долгий путь. Трудный путь. Борис Гребенщиков сумел пройти его...»; фильм А.Учителя «Рок» — тогда все никак не кончался Афган, и романс Вертинского «На смерть юнкеров» в исполнении БГ справедливо стал «хитом» сезона; запись музыки к фильму С.Соловьева «Асса». И много других событий. 27 августа этого же года, День кино, хочу отметить особо. Москва, Зеленый театр, парк Горького, десять тысяч человек с билетами и столько же без таковых, дикорпус и кинематографическая общественность в ложе, пять милицейских кордонов, под конец концер-

та «Аквариума» — ливень с грозой. Я. Либерис и В.Глазова, организовавшие себе на голову этот кошмар (и еще много других), до сих пор в деталях рассказывают, КАК ЭТО БЫЛО. Восторг и любовь. Но очень страшно. Слово «страшно» часто употребляет и сам БГ, говоря о выступлениях. Оно означает — энергия, бьющая в зал. Это происходит из сочетания минора и тревоги в песнях с необычным накалом звучания, в общем-то, камерного состава. Чисто по-русски: смесь меланхолии с дерзостью, дающая неожиданный результат.

После 87-го не могло быть в нашей стране среднестатистического человека, хотя бы краем уха не слышавшего про «Аквариум». После этого года говорить о БГ трудно — слава, граница, разрывы, возобновления отношений, «выход» из моды, новая группа, новые записи — пусть новое немного пообносится...

Люди, окончившие университеты, институты, консерваторию и даже балетное училище, мечтавшие о театре или просто о спокойной жизни, благодаря БГ умудрялись так полюбить его «Аквариум» как идею, как образ жизни, что плевали на свою карьеру, их увольняли по 33-й статье за прогулы, они уходили в кочегары, грузчики, сторожа и даже в такую экзотику, как натурщик в Академии художеств. Кому-то, наверное, они кажутся шпаной. Профессии потеряли, зато приобрели клички: Дюша, Сиша, Джордж, Фагот, Рюша... Но речь не о них. В названии «Аквариум» над буквой «А» стоит одна точка. Она всегда останется одной, потому что БГ — один. У него никогда не было покровителя, который бы «двигал» его (про Ангела — см. дальше). У него были и есть друзья, союзники, коллеги по группе, как точки пересечения с его точкой. Но себя он сделал сам: молодым, красивым, талантливым, знаменитым. Слава «Аквариума» — его слава. Спасибо ему за песню «Мы никогда не станем старше». Не станем.

И главное — точку уже не переставишь, того «Аквариума» больше нет. Не стало образа жизни? Ничего подобного — Strawberry fields forever.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Жизнь с точки зрения БГ

Он журналистов не жалует, но интервью дает охотно. В том и другом легко убедиться, прочитав многочисленные публикации. Например: «К телевидению, и газете, и ра-

дио я отношусь достаточно скептически: считаю, что они абсолютно не нужны». Может, этот парадокс объясняют слова из его песни: «Я думал, что нужно быть привычным к любви. Но пришлось привыкнуть к прицельной стрельбе?»

Под «прицельную стрельбу» БГ попадал часто. Но и отстреливался лихо: «Меня не сравнишь с Рама Кришной. Я много пью, охотно прибегаю к наркотикам. Правда, в России их не употребляю, так как их просто-напросто нет». Или на вопрос: «Какой облик мира вам ближе — западный, восточный или?.. — БГ воскликнул: «Эротический! Так как Гребенщиков — последний сексуальный символ десятилетия».

Итак, мне предстояло поговорить с не любящим журналистов «сексуальным символом». Мы встретились в студии, которую не осаждали поклонницы. Не оттого, что популярность БГ упала, просто потомки «лемешисток» и «козловисток» ныне предпочитают легально осаждать интертеллы — не до глупостей! Изменилось отношение к сексу и «сексуальным символам». БГ в жизни оказался так же красив, как и по телевизору. Строг и галантен. Похвалил мои сапоги, показав, что ничто человеческое ему не чуждо. «Звезда» непременно расположилась на полу, я села рядом и включила диктофон... И тут же почувствовала себя собакой, пытающейся потрогать за нос ежа. Или Урмасом Оттом, интервьюирующим Михаила Сергеевича Горбачева. Бывают такие разговоры, когда ты вроде бы все понимаешь, только пересказать не можешь. Чувство потом остается очень приятное — как славно поговорили! Полное взаимопонимание!

В общем-то, никакого интервью не было. На все вопросы я получала один ответ примерно такого содержания: «Понятия не имею, я повинуюсь только Ангелу». Впрочем, осталась кассета — вещественное свидетельство невестственного разговора. Какие-то фрагменты...

Фрагмент 1-й

— Мы никого никогда не вели, потому что сами не знаем, куда вести. Мы хотели максимально сбить с толку «фанов», чтобы они перестали быть ведомыми и поняли, что не надо ни за кем идти. Мы старательно их дезориентировали, хотя никогда не ставили перед собой такой задачи.

Поклонники — это промежуточная фаза человеческого существования. Людей, слушающих меня, я не вижу. У меня нет с ними контакта. То существо, перед которым мы ответственны, можно назвать Ангелом.

Фрагмент 2-й

— В России, насколько я понимаю, бардак был всегда. Я живу здесь, повинуюсь только Ангелу, и никому больше, и отвечаю за свою группу, и ни за кого больше. Время, в котором существовали Платон, Лао Цзы или «Битлз», никуда не делось, оно всегда проходит в стороне от физического, реального. Меня не интересует физически текущее время, я живу вне его, то есть, конечно, периодически мне приходится туда погружаться. Например, когда приезжаю в Москву и в течение получаса читаю газеты за последние месяцы. Вижу, что ничто не изменилось, и не читаю их еще очень долго. Потом возвращаюсь назад, в свое время, которое не меняется.

У меня нет проблем с людьми. С теми, кто пребывает в физическом измерении, общаться легко и приятно при наличии доброго к ним отношения. С живущими в подлинном времени, то есть в его отсутствии, тем более...

Фрагмент 3

— Русская легенда, русская культура, русская речь — это аура, с которой я связан очень тесно. Я могу жить и работать где угодно: на Западе, где помимо прочего написал несколько русских песен, но здесь **ко мне идет** гораздо больше. Работать где-то еще означает для меня тратить энергию впустую. В этой стране гораздо меньше помех для меня.

Фрагмент 4

— Китайский мудрец сказал: «Если раскаленный металл у кузнеца вдруг завопит, что он хочет быть мечом — «Ой, ей!» — то кузнец, несомненно, решит, что это зловещий металл, и не станет ничего из него делать». Я считаю, что жизнь каждого человека идеально составлена так, чтобы он чему-то научился и что-то сделал. Жизнь предназначена для того, чтобы стать самим собой. В моей жизни не бывает вообще никаких перемен, потому что меня ведет Ангел. Бывают периоды, когда я блуждаю в потемках, но обязательно выхожу на свет.

Фрагмент 5

— Я не раз переживал распад группы. Это мучительно с человеческой точки зрения, но для «Аквариума», для Ангела — не имеет значения. У людей разные скорости. На какой-то период они выравниваются, но, когда перестают совпадать, люди «разъезжаются». Что-то подобное может произойти и с «Новым Аквариумом», но это — первая группа, с которой я, играя, счастлив. Все музыканты в ней — ветераны. Они пришли к тому же,

к чему и я. Музыкальная подготовка не имеет значения. Кого Ангел привел за руку, тот и хорошо.

Фрагмент 6

— Мое окружение меняется, судя по всему, постоянно. Но я этого не вижу. Главная встреча? Наверное, с моей нынешней женой. Она меня освободила от массы ненужных вещей, которыми мне приходилось заниматься. Все это ушло, и я стал чувствовать себя гораздо свободнее: я перестал кому-либо что-то доказывать. Мое отношение к близким людям, пожалуй, можно описать так: человек совершил свой первый полет на самолете, он полон образами и ощущениями, которые нельзя выразить человеческим языком; и когда он знакомится с людьми, пережившими то же самое, им не надо слов, — они просто собираются в эскадрилью летчиков.

Фрагмент 7

— Если человек идет своей дорогой, ему БОГ все дает. Любое желание сбывается, как только выскажешь его по-настоящему.

Закончу на счастливой цифре «7». Разговор со мной слишком надолго перенес БГ в физическое время. Когда я уходила, в студии записывали новую пластинку. БГ пел, и мое — наше — измерение уступало место «настоящему времени», т.е. разговору с Ангелом.

В тот же вечер в Доме кино ко мне подошел незнакомец и по чему-то спросил, говорю ли я по-русски. Он оказался известным диск-жокеем. Потом мы неожиданно встретились в вагоне «Красной стрелы», по дороге в Москву. Он без объяснений сунул мне в руки «плеер». Там пел БГ, хотя я ни словом не обмолвилась о своей встрече с ним. Гребенщикова, думаю, это бы несколько не удивило. Ангел — и все. Я включила звук на полную мощность, и солидные кинокритики, возвращавшиеся с фестиваля, до поздней ночи слушали БГ вместе со мной.

Для поклонниц дополнительно сообщая сведения, почерпнутые из выступлений БГ в печати. «Жена — женщина. Шаманка. Непрофессиональная». БГ с ней никогда не ссорится, в семье всегда праздник. Четверо детей — двое у жены, двое у БГ. Любимые книги: «Властелин колец» Толкина, «фэнтези» и все сорта «терминаторов». БГ сохраняет форму посредством чистки зубов. Регулярно, когда не растит бороду, бреется и делает это с удовольствием.

Вильям МЕЙЛАНД

КАМЕНЬ ЖИВЕТ ДОЛГО

Евгений Чубаров — явление уникальное и «труднопереводимое». Я имею в виду не столько сложность понимания его отдельных живописных скульптурных или графических работ, а прежде всего источники, побуждающие его творить так, а не иначе. Труднопереводима сама окружающая его действительность, тот черный мытищинский мир, внутри которого он существовал многие годы, который сжимал его в своих страшных объятиях, вызывая ни с чем не сравнимую экспрессию сопротивления. Человек нетворческий в условиях Чубарова должен был бы незамедлительно уступить черноте и раствориться в ней без следа. Чубаров же самую черноту преобразил в творчество, мощно лепя из нее свои неистовые вулканические образы.

Производительность этого художника подавляет воображение. Тысячи и тысячи графических рисунков на листах разного формата, хранящиеся не в шкафах, а в небрежно составленных стопах прямо на полу; сотни голов и фигур, вырубленных из крепчайших пород гранита и базальта, а также из мрамора и дерева, уложенные вдоль стен его подвальной мастерской и скрепленные проволокой и металлическими прутьями; огромные живописные холсты, хранящиеся в рулонах или подвешенные за недостатком места к сырому подвальному потолку. Один из искусствоведов, увидевший фотографии чубаровских стен со скульптурами, потрясенно воскликнул: «Да ведь это же окаменевший концлагерь!»

Тот, кто видел домашнее рабочее место художника в маленькой восьми- или девятиметровой комнате с низким «хрущевским» потолком, никогда его не забудет. Дело не только в тесноте и скученности этого малого человеческого мира. Поражает в чубаровском обиталище, если так можно выразиться, иррациональный рационализм организованного им малого пространства. Оно наполнено листами бумаги, холстами, книгами, постельными принадлежностями, металлическими и деревянными приспособлениями для работы, освещения и т.д., а также каким-то не имеющим названия скарбом, какой-то тоскливой железностью, которую в пору полюбить и описать разве что Андрею Платонову.

Несколько лет скульптурная мастерская художника существовала в поле. С одной стороны метрах в пятистах от

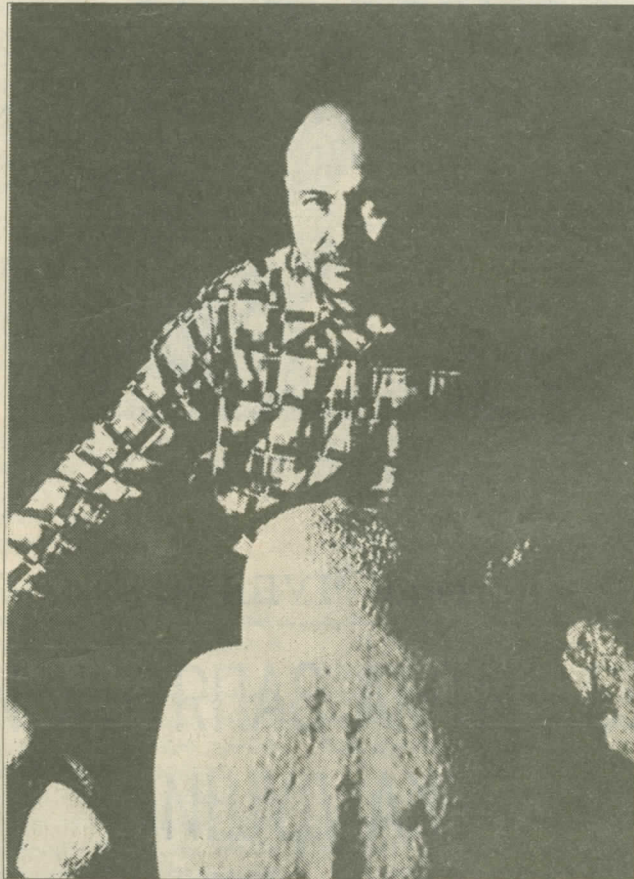

Фото Л. Мелихова

Евгений Чубаров

нее стояли блочные окраинные пятиэтажки Мытищ, с другой (в километре-полтора) — темнел смешанный лес. Сама же мастерская казалась со стороны грудой маталлолома, скрывающего несколько разномасштабных гранитных или базальтовых глыб и валунов. Но стоило в этом лязгающем ржавом хаосе появиться художнику, и все преображалось. Составленная из неровных железных листов крыша начинала медленно подниматься, обнажая несущую ее металлическую трубу и хитроумный самодельный подъемный механизм. На свет появлялись инструменты для работы по камню. Из-под груды ветоши и проволочных извивов извле-

калась очередная начатая или близкая к завершению композиция. В летний день 1977 года во время моего первого посещения полевой мастерской Чубарова это была гранитная рука со сжатым кулаком. Запечатлевший ее и все окружающее фотограф Л. Мелихов, его жена и я вместе с художником откатили ее на импровизированной тачке к дверям подвальной мастерской и по доскам, положенным поверх лестничных ступеней, спустили с грохотом вниз. О трудностях обратного действия, о том, что когда-нибудь нужно будет освободить эти каменные напластования и показать их людям, художник как бы не думал. Он лишь повторял иногда,

что «камень живет долго» и, как бы ни складывалась его дальнейшая судьба, произведения уцелеют и будут явлены миру.

Посетил я однажды мастерскую Чубарова под открытым небом и в зимнее время. Железо и камни и сам художник в синей телогрейке и валенках утопали в снегу. Лишь небольшая рабочая площадка была вытоптана в центре. Амфорная глыба белого мрамора рифмовалась с белоснежным окружением и ранними февральскими сумерками. Все казалось призрачным и почти нереальным. Стороннему и, в частности, западному наблюдателю это зрелище могло бы показаться каким-то искусственным экзотическим хепенингом, причудой художественной личности, желающей привлечь к себе внимание. Тот, кто так подумает, будет очень далек от истинного понимания Чубарова и черной мытищинской действительности. Полевая мастерская, уничтоженная в середине 80-х годов этой самой действительностью, была практической самозащитой художника. Стук по камню в подвале жилого дома раздражал окружающих. Именно поэтому художнику пришлось искать место подалше от людей и их кирпичных и блочных угрюмых обиталищ. Но агрессивные обыватели не могли допустить, чтобы рядом с их затхлым миром существовало некое свободное инородное тело, устремлений и назначения которого они не понимали. Мастерская Чубарова в поле была загажена, сожжена и разворочена, а в дальнейшем, по выражению художника, «запахана трактором». Ситуация почти вангоговская, с той только разницей, что Мытищи — далеко не Арль и что у Чубарова не было брата Тео, а было лишь членство в богоспасаемом многие годы Союзе художников, который не обращал на него никакого внимания.

После утраты полевой мастерской художник вновь отступил в подвал, скрылся в своей малой домашней кубатуре и почти полностью оставил скульптуру, занимаясь в основном графикой. Его руке явно не хватало сопротивления твердого материала. Чтобы уравновесить свою энергию, он придумывал различные способы рисования толстыми красными стержнями и карандашами, предназначенными для разметки и маркировки по дереву, брал грубую шероховатую бумагу, обои, крафт и

т.п., сам делал кисти и фломастеры для работы тушью. Впрочем, на иные материалы и денег не было. Рисовал же он утром, днем и вечером, а иногда и по ночам, рисовал даже тогда, когда садился в электричку, чтобы ехать в Загорск (в надежде на «заказ») или в обратном направлении — в Москву, где его ждали выставки, музеи, библиотеки. Рисование в поезде вылилось в огромную серию, где по-чубаровски экспрессивно запечатлены разнообразнейшие типы россиян. Они сидят, спят, курят, пьют, улыбаются, сквернословят, пребывают в блаженном забытьи... Это своего рода графические «Москва—Петушки», зафиксированные не словом, а линией и чернотелой светотенью.

В конце 80-х годов я встречал Чубарова на заполненном самодеятельными художниками Арбате. Его стенка с черно-белыми яростными фигурами выпадала из общей сладостной благодати арбатской продукции. Он стоял перед ней на солнце, улыбался, дружелюбно разговаривал с любопытствующими. Внешне арбатский мир был противоположностью мытищинскому, но, увы, и в том и в другом случае

Фото А. Мелихова

Скульптуры Е. Чубарова

художник мог рассчитывать только на мелкие подачки и далекое от понимания любопытство.

В 1991 году на большой ретроспективной выставке «Другое искусство» в залах новой Третьяковской галереи среди работ состарившихся, умерших и уехавших на Запад «авангардистов», созданных в 1956—1976 годах, были представлены и живописные работы Чубарова. Скульптура и графика отсутствовали. Отсутствовал и сам художник, переселившийся в Берлин. Трудно представить, что его «дикий» талант найдет достойных ценителей на Западе, тем более что в настоящий момент он попал в руки псевдогалериста. Ясно только одно, что хуже, чем в Мытищах, ему не будет. Получив в Берлине во временное пользование бывший заводской цех, он и там из железных труб и разнообразного металлолома соорудил себе многометровые кисти (чтобы работать на расстоянии) и поворотный мольберт. Он снова рисует и пишет и, как всегда, надеется на то, что «камень живет долго» и, стало быть, рано или поздно его искусство найдет признание.

Евгений ЧУБАРОВ:

«СТИХИ БЕЗ РИТМА ЗАПЯТЫХ И ТОЧЕК — РЕКА ДУШИ»

Ноябрь 1976 года

...Я могу выжить, если всегда буду один. Рисование мой спаситель. Постепенно буду ходить работать из камня...

...Они подчинены жизнью, работают лишь в возможное время. Зарабатывают и блистают в обществе. Я же все время занят работой и люблю быть один. Плохой характер мне помогает быть за бортом общества.

17 ноября

Делают не как лучше, а как легче. Ненавидят работу. Болтаются, отбывают. Нерадивцы, коснувшись их, говоришь им об их никчемности и нечестности. Они это воспринимают как агитацию против советской власти. Доносят властям...

Вчера рисовал портреты сантехников и начальников ЖЭКа. Сходство большое. Две-три минуты можно жить, как некоторые один год.

Мне 42 будет 11 декабря 1976 года. Уже стар. Обычно на 37, 38, 42-м году обрываются пути многих художников.

Ноябрь

«Изм» торжествующий и «изм», желающий торжества. Свобода исключает их обоих, опрокидывает как свиней, лезущих в корыто.

Художника-отшельника нельзя достать. Он не нуждается в славе среди живущих, не ожидает от них ни добра, ни славы. Он привык обходиться своими усилиями. Сама работа не дает ему быть одиноким грустилой. Всё желание общества у него уходит в работу, а вот этот «стих» берет все желание с кем-нибудь говорить.

...Я язычник. А язычники крепче чувствуют. При изображении они преклоняются перед тем, что изображают. Делают изображение невероятным и таким духовным, что однобоко духовным делать нечего.

Ноябрь

Много дел. Сшить сырмятиной из кусков грубой кожи батыевскую одежду. Сделать приспособление свободно поднимать любой камень. Взять в Москве у Г.А. свои ра-

боты, книги. Никогда не принимать в душу ложь от общества... Все эти касания с враждебным делают глубже мои рисунки, камни, картины, «стихи»... При чем все «измы», если жизнь бывает один раз в муравейнике свободным муравьем!

...Честное дело не терпит славы, денег, карьеры. Любовь к самой работе, к самому исполнению, пунктуальное прощупывание поверхности, объемов, изгибов. Нельзя рвать логику форм... Великий Микель, ты избегал общества. Тебе не было одиноко одному. Ты имел наслаждение от самой работы. А теперь в XX веке я по-своему тоже иду ТАК. У меня с самого начала любовь к исполнению, к самой работе преобладала над корыстями всеми.

...Сегодня в течение суток рисовал. Кончается бумага. Надо купить листов 300. Мой рисунок точно соответствует движению резца или кисти. Так что, когда я рисую, это значит — рублю или пишу. Все три вида — одно целое. Но рисунок — самый быстрый вид. Он способен оторвать от проклятого тяготения к заученному и дать возможность мне полностью освоить свою субъективную реальность.

Сегодня 23 ноября 1976. Идет буря. В поле у гранитной скульптуры снег будет попадать в очки, и нельзя будет работать без крыши над головой... Лежу в кровати. Почти ничего не ем. Пью крепкий чай. Осмысляю вчерашнее касание людей. Может быть, буду рисовать.

...В академии художникам помогают потерять свое лицо. Они потом лет 15 не могут его найти. Не находят и умирают без лица.

Наша жизнь коротка, чтобы накопленное человечеством открывать заново. Предки нам передали КАК, а ЧТО должно быть свое. Как только художник дойдет до сверхчеловеческого, так Бог руками Сальери убирает художника, зашедшего в область божественного.

Завтра 24 ноября. Предложили сфотографироваться в поле у скульптуры для мытищинской газеты «За коммунизм». Кроме того, нужно ехать с фотографиями работ в «Советскую культуру».

...Сижу дома. Никуда не пошел. Ненавижу советское искусство. Не хочу стать соцреалистом. Быть с ними рядом — постепенно стать тем же, что они. Нет, лучше одиночество, свобода, бедность... Самый верный способ выжить — не участвовать ни в чем. Не пить, не курить, носить дешевую одежду. Питаться надо только хорошо. Закрывать дверь, завесить окно, не включать радио, не читать газет. Рисовать все время и рубить из камня. Чтобы был

Е. Чубаров. Автопортрет. 1977

хлеб, выполнять иногда живописные заказы. В Мытищах ни с одним человеком не иметь близких отношений.

22-го был в Загорске — день полочки. Я заметил — все одеваются под господ. Говорят — надо изображать рабочих, а в рабочую одежду одеваться стыдятся. Я был в фужайке, старой шапке, в ботинках и брюках, которым место на свалке, и я заметил, какое омерзение вызвал у них. А их одежда как бы на женско-детский манер.

...Я работаю из камня, а камень живет долго. У скульптур много времени для жизни. А если меня при жизни в этом органе ЦК КПСС («Советская культура») напечатают, значит, я говно. Партия ни разу не признала настоящее. Вон, Цаплин, в пыли...

Жалкое осеннее пальто, фужайка. Встречаю зиму без теплой одежды. Сегодня, 26 ноября, поехал купить шубу у одного на свалке, но он продал родственнику.

...Идеология закрыла нас в своей трубе. Мы не видим искусства XX века всей земли. Принуждают смотреть партийное говно со знаком качества... Нет на земле людей хуже коммунистов. Коммунист — это чудовище, неслыханное чудовище, которое должно умереть, или жизнь на земле прекратится.

...Местные слоны и московские предали большое будущее за вкусную минуту настоящего.

29 ноября

Тает снег. Погода прекрасная. Кипит чай. Оденусь и пойду в поле рубить камень.

Лучше удаются те работы, где есть детализация, трезвый расчет, никакой романтики...

Надо записаться в Библиотеку им. Ленина и там смотреть современное искусство, и работать из камня. Смотреть надо и копировать для того, чтобы не открывать велосипед и быть еще более самостоятельным. Ведь копии, сделанные мной, уже в моем стиле и не то, что глупые копии...

Иду в поле. И один воин.

Мастерская Е. Чубарова в поле. Мытищи. 1977

Фото Л. Мелихова

1 декабря

Утром пошел в поле, вбил три трубы в землю. Камень меж них. Завтра займусь большой трубой для инструмента.

В поле мне все напоминает деревню, и я рад. Ветер, трава, и за весь день не подошел ни один. Устал. Пропотел в ванне и думал, как оборудовать все, чтобы защититься от снега... Где взять лист железа? Какая-то сволочь разбила наждак на куски. Если удастся сделать тайник для инструмента, то не надо будет таскать кг 15 домой на 800 метров. Сегодня ходил искать трубы, а воронье поклевало яблоки, что лежали на газете в траве. Сегодня ни разу не закурил и хорошо без перерыва целый день работал.

2 декабря

Сейчас еще темно. Восемь утра. Собираюсь идти в поле. ...Во время работы иногда не чувствуешь холод, но уж мечтать долго нельзя. Подгоняет. Не хочешь, а много делаешь.

...Пришел затемно. Целый день ничего не жрал, только два яблока. Все тело болит. Сегодня ко мне подходили и спрашивали: где модель, с которой рубил. Я говорю — без ничего. А они — ну, хоть рисунок. И рисунка нет — говорю. А как делаю? — Вот так — от Бога. Не верят. И они правы. Человек не Бог.

...Преследует усталость, холод, заказы, люди, враги, удар молотком по руке. Нужно сделать тайник для инструмента...

Плохая скульптура живописна. Хорошая живопись скульптурна. Все это дурацкие законы. Гений никогда не знает этих полков... Реальность мешает пластике. Все эти идеи, которые можно написать на бумаге, — дорогая штука, чтобы делать в живописи или в скульптуре. Изобразительное искусство — не соперник книг и газет. Одно дерево — вот уже объект скульптуры... Скульптура не реальна и не должна изображать реальность.

3 декабря

Иду в поле. Вернусь, когда будет темно. На войлочные валенки одел галоши, на фуфайку — накидку. Надо модернизировать шапку. Сегодня еще одну трубу длинную притащил. Две рядом — они как рельсы для передвижения камня. Если бы летом удалось упрямить колхоз, чтобы клочок тот опахали вокруг. До этого я завезу штук десять камней. Да нет же, летом меня погонят. Я порчу внешний вид поля. Но место хорошее, видно из окна квартиры...

Сегодня холоднее... Не дай Бог простудиться. Все планы скульптурные загремят, а то еще отбросишь копыта на радость Мытищам.

В это поле выводят собак гулять. Все породы. Загадили землю кругом. Один тип, уже старый, бегаёт мимо меня трусцой. Убогая семья алкашей в лес пошла. У леса экскаватор роет землю. Кто-то стрелял, птицы взлетели. Их очень много. Они иногда летают на свалку пообедать и опять гуляют по полю или кружатся над ним. Хорошая у меня мастерская. Все видно. Сильный ветер сегодня, и как бы летит отдельный слой тумана. Это смог из Москвы ползет, и нет ему конца.

7 декабря

Утром в 9 часов пошел в поле. Там зверски надругались. Загнули вокруг вбитых труб железные трости с такой силой, что в одиночку не снять. Доски поломаны в куски. На скульптуру, наверное, человек 10, сняв штаны, навалили. Камень били, но не смогли отколоть. Только следы остались ржавые от мочи. Целый день убирал, что-

Е. Чубаров. Драка. 1976

бы не воняло. И я подумал — вот я, камень, земля, а государство на меня насрало. Эти злодеи явно имеют в кармане партийные билеты. Еле оттер все травой и льдом. Удел мой — терпеть, сжав зубы.

15 декабря

Может быть, пойду в поле к камню, но имею право и отдохнуть... Хорошо для дела иметь характер. Не растворишься в толпе, не сопьешься, не войдешь в дружескую мафию. Свободен отшельник наедине с Богом. Я один да жена Людмила Сергеевна, единственный спаситель. Второй — тоже верный спаситель от «тунейдства» — билет члена СХ СССР. Эти два спасителя меня и спасают. В обществе я нетерпим, а когда я один, я работаю, думаю, думаю, верю. Да здравствует свобода! В уединении пить и не напитокся ею.

Сегодня перестроил в комнатке лист железа с магнитами и планшет для рисования, и мольберт у стены. Отход — 4 метра, лучше сделать нельзя в таких условиях. Как крепить к стене, не знаю. Надо обдумать.

18 декабря

Начал писать четыре живописи. Идет снег, а я пишу. Может, на Госпремию? Как бы не так. Шил шкуру для работы. Купил рубу.

25 декабря

Поехал на мексиканскую выставку. Бумагу не нашел. Купил железную лазурь. В электричке встретил загорскую художницу К. Все проклял, пообщавшись. Нашло зло.

31 декабря

Сижу дома. Вчера узнал, что мои два рисунка висят на «Первой всесоюзной выставке рисунка». Завтра пойду в поле. Это единственное в моей жизни. Камень, и я, и поле.

Е.Чубаров. Между гробов. 1975

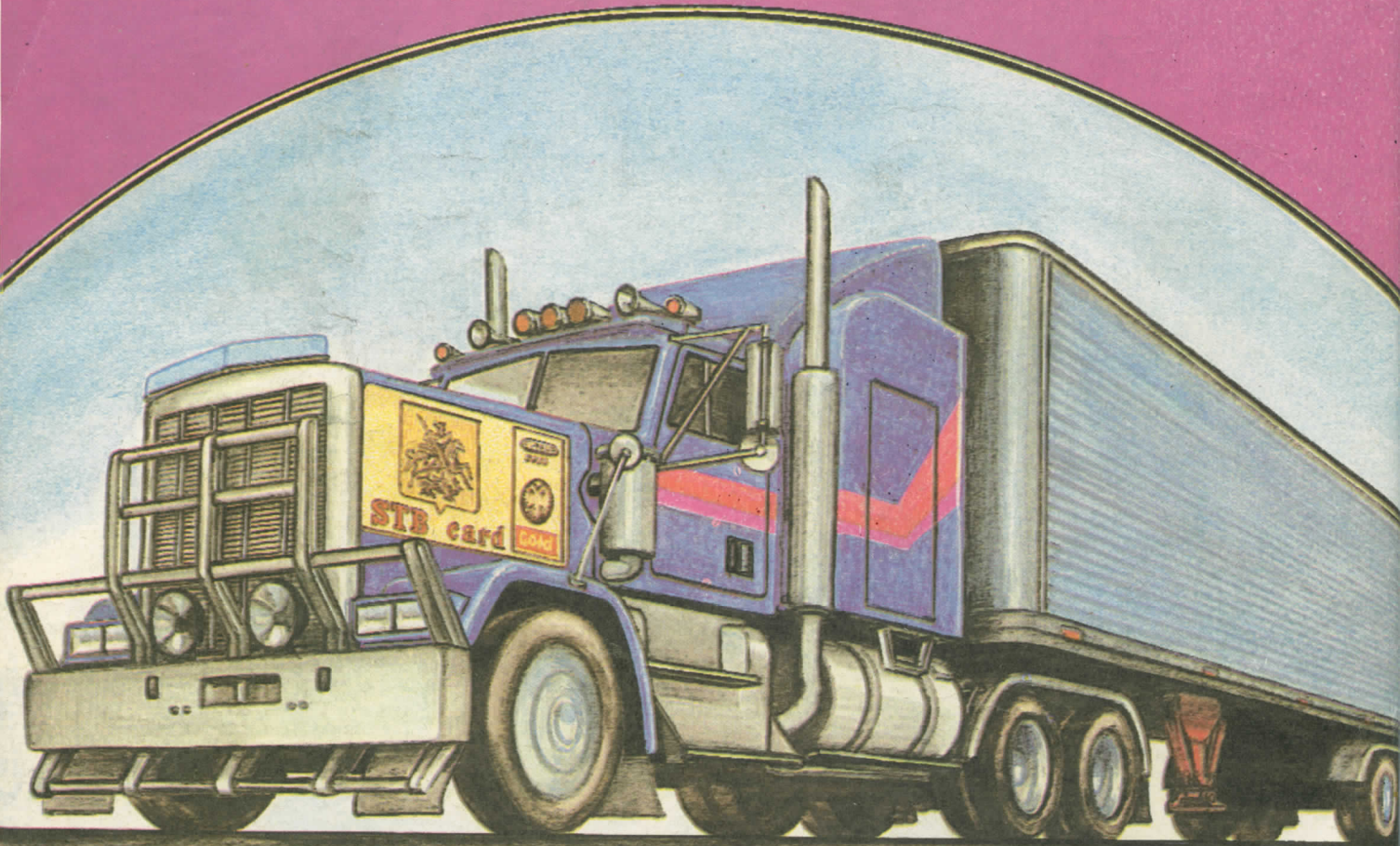
Е.Чубаров. Троица. 1982

3-198

индекс 73746

OMNIA MEA MECUM PORTO...

...ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ

БАНКОВСКАЯ КАРТОЧКА

STB
CARD